

Б. ПИЛЬНЯК

И

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1939

Ш1091
ВЛ

БОР. ПИЛЬНЯК

КАМНИ
И
КОРНИ

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1934

КОММЕНТАРИИ И ОБВИНЕНИЕ ПИСАТЕЛЯМ

Роман мог бы начинаться следующей главой.

Этакая глава могла б начинать романы во многих империях, королевствах и республиках 1932-го года, в штатах Северной Америки, во французских департаментах, даже в турецких губерниях.

Глава написана писателем средней руки.

... Весной такого-то года кабинет министров партии такой-то пал под давлением Верховного Тайного совета. К власти пришли кайцы¹. Парламент был распущен на летние каникулы. В те дни, в продолжение сорока дней, было зарегистрировано столько-то банковских крахов, в результате коих миллиард и столько-то миллионов золотых таких-то денежных единиц, принадлежавших вкладчикам, исчезли бесследно. Финансовая паника вдвое увеличилась по сравнению с прошлым годом.

И только такой-то (он и мистер Смит, и мсьё Сальбёф, и Мустафа Экрэм-оглы, и геологический российский Карп Титович Попков), только один такой-то из города Скоттсборо всяческих префектур и губерний продолжал работать среди финансовой бури, едва скрывая перед посторонними улыбку самодовольства. В то время, когда нарикины (нувориши, скоробогатчики), нажившие деньги во время большой мировой войны, лопались один за другим, подобно

¹ То-есть представители второй конкурирующей партии, отличающейся от первой утверждением русской поговорки о том, что хрен редьки не слаще.

Отв. редактор Г. Цыпин
Художник Л. Смолянский
Техред А. Березницкий

Уполн. Главлита В 68384
Тираж 10 000 экз. С. Л. № 77

Сдано в производство 7.I.34
Подписано к печати 25.II.34
Бум. 82x110 ¹/₃₂. Печ. л. 12 ¹/₄ и 11

Типо-литография имени Воробьёвского, ул. Дзержинского, 18

Цена 3 руб.
Переплет 1 р. 25 к.

мыльным пузырям, он, Карп Титович Сальбёф, всё глубже и шире укреплялся в срединной части страны, распространяя свою деятельность и влияние до столичных центров финансового мира. Электроэнергетические предприятия, электро-трамвайные дороги, рыбопромышленные и лесные концессии в колониях, — всё это служило предметом возростания капиталов мсьё Попкова.

Его процветание совпало с выбором его в палату пэров, куда он прошел от своей префектуры в качестве крупного плательщика налогов. В палате мистер Экрэм молчал, от него нельзя было добиться ни звука. Даже газеты не интересовали его, и он не тщеславился, никак не заботясь о том, чтобы газеты оповещали о его существовании. Но на самом деле счастье повернулось к нему именно после того, как он стал членом верхней палаты, где он очень быстро свел знакомства с лицами правительственных кругов. Он очень скоро освоил секреты, каким путем приобретает монопольное право на организацию гидроэлектрического предприятия, как добываются концессии в колониях, и так далее. И именно эти секреты послужили неожиданным и необъятным источником благосостояния господина оглы Попкова.

Только в палате он познал об этих секретах, о том, что коммерсантам, занимающимся политикой, предоставлено широкое поле для легкой наживы.

Однажды он шепнул на ухо своему другу:

— Слушай, брат, я не знаю, что мне делать с массой моих прибылей. Не пожалей бросить в партийную кассу боссам на текущие расходы пятьдесят, сто тысяч, только не забудь попасть в верхнюю палату!..

Карп Титович имел двоих детей, дочь от законной жены, сына от мэкакэ. Дочь кончила год тому назад женский университет по факультету домашней науки. Ей суждено было получить мужа себе со стороны, который будет принят в род отца и будет наследовать богатства. Сын от наложницы не носил фамилии Карпа Титовича. Он окончил гимназию и в этом году поступил на политический факультет государственного университета в столице. Жена оглы, по имени Мики, была хорошо осведомлена о существовании сына у мужа из утробы наложницы, но формально об этом ничего не знала. Мики, женщина

старого закала, не могла представить себе незаконного сына от наложницы иначе, как сыном рабыни, и сын никогда не допускался в дом отца. Карп Титович, видя, что сын его очень способен, — в гимназии он шел не ниже третьего, — часто подумывал, не усыновить ли сына, чтобы сделать его своим наследником. Он хорошо знал истеричность Мики и до сего времени не вымолвил ни слова по данному вопросу. Мики-ж мечтала о титулованном муже для своей дочери, о графе или виконте. Ее не оставляла также сладкая мечта, что, авось, и ее мужу, если дочь выйдет за графа, перепадет баронство.

По случаю тринадцатилетнего поминального дня о покойном отце оглы вернулся из столицы в родной город, где жили жена с дочерью. Мики, немного косоглазая, со старомодным пучком волос на голове, сидела за ужином перед мужем. Наливая алкоголь в посуду, протянутую мужу, Мики сказала:

— Папа, мне кажется, что пора бы уже вам получить звание барона. Какова, впрочем, цена барона в настоящее время? — Говорят, что барон де-Шево получил себе звание за полтора миллиона. Следовало бы и вам бросить такую сумму на это дело.

Тон разговора Мики был очень серьезен. Обычно несмуглый, оглы немножко смутился. Поставив невыпитый алкоголь, он ответил:

— То было старое время, когда «барон» давался за полтора миллиона. Теперь это не так легко. Но с орденом легче. Недавно мне посоветовали подумать над орденом первой степени Сокровища. Это не так дорого.

И так далее.

Роман можно захлопнуть, не читая дальше.

Роман, кажется, начат автором глубоко средней руки, и словарь его, и манера строить сюжет, и сам сюжет, и типы — стандартны.

Читателю, прочитавшему в свое время Боборыкина, можно не читать Синклера Льюиса. Человеку, побывавшему в земных пространствах, знание на глаз и на ощупь этих пространств, народов, живущих на этих пространствах, их историй и конституций дает право не дочитывать современных персидских стихов о помещичьих идиллиях, ибо они

написаны идилиями Пушкина, в его Евгении Онегине, усадьбой Лариных, — иль не дослушивать рассказа о партиях Минсэито («народного управления») и Сэйюкай («общества друзей политики») в Японии, ибо рассказы об этих партиях можно дополнить делами демократической и республиканской американских партий.

И следовало-б написать роман, иль антологию, которые были бы построены так, как построена первая, выписанная выше глава. Этак в метельную московскую ночь, иль в бессоницу нью-йоркских ночных скрежетов, иль в бреде токийского нюбая бросить мысль и память в пространства и во время, построив на бессюжетности бессоницы сюжет!..

На самом деле помещичий быт теперешних персов и афганцев описан Пушкиным. На самом деле, безработные, сидящие под заборами внешних валов Парижа, в переулках нью-йоркского Баури, на набережных Ян-Цзы и Шанхае, ужинающие арбузом, одинаково ругают своих вчерашних боссов, одинаково не прочь поесть мяса. На самом деле разбогатевшие Мики на всем свете одинаково глупы. На самом деле Карп-Титычи Сальбёф-оглы по капиталистически-демократическим временам избираются в парламенты за взятку и жульнически богатеют везде одинаково. На самом деле социальная алхимия (иль химия) при равных социальных данных везде на земле, в пространстве и во времени, дает одинаковые реакции.

И роман, иль антология, под нюбайную муть, имели б первой фразой абзаца двадцатой какой-нибудь главы дела российского, старых времен, офицера, того, кой в тринадцатом году на пирушках певал офицерские свои песни, с припевом:

«И наделаем детей,

Офицеров и б....»

и заканчивались бы делами итальянских, румынских, прочих теперешних офицero-фашистов, поющих, небось, такие же поучительные песни. И в этой же главе историю теперешних китайских генералов в роде Фан Ши-миня и У Пей-фу можно рассказать историей шведско-германских генералов Тридцатилетней войны. Седьмая какая-нибудь глава наглядно б утвердила, что по тому, как на земле мужички чавось-небось, почесывая себя во все отверстия, — по ка-

честву чавось-небось каждой страны можно об этой стране судить.

Если бы главу, написанную выше, написал писатель-марксист (и здесь есть среднерукие), француз, американец иль китаец безразлично, то сюжетное развитие романа представить себе следует следующим образом.

Дочь выходит, конечно, за графа. Граф, конечно дегенерат, дурак и бездельник с графским гонором. Университетская дочь несчастна. Оглы получил баронское звание. Мики счастлива. Барон-оглы преуспевает. Он дает взятки. Ему дают взятки. Покупает за бесценки и под нежность полиции человеческий труд, продает банки и вкладчиков, парламентские места, всё. За вежливость у министров приобретает концессии. За сердце убирает с дороги, уничтожает мешающих людей. Барон Попков преуспевает на вулкане жесточайшего кризиса, за броней нечеловеческих безобразий. Барон Сальбёф озабочен лишь тем, что граф его дочери никауда не годен, титулованный идиот, он не сможет сохранить капиталов оглы и унаследовать его плодотворную деятельность. И барон Карп Титович окончательно решает усыновить своего сына. А сын — он учится на политическом факультете, изучает марксизм. Он руководит революционным студенческим кружком. Он — коммунист и молодой лидер. Он в революционном подполье, в рабочих пригородах, у бедноты, в социальной несправедливости, которую он помнит со дней своего незаконного рождения. Оглы вызывает к себе сына. Мистер Карп знакомит своего сына со своими делами. Сын едет на предприятия отца. Безобразия эксплуатации рабочих на фабриках отца заставляют сына порвать с отцом. У сына трагедия раздвоенности. Сын верен революционным идеям. Университетская дочь между тем несчастна при своем графе. Случайно она встречается с молодым лидером, не подозревая в нем единокровного брата. Она любит. Она уходит от мужа. Она хочет быть ближе к неуловимому революционному лидеру. Романтическая история под Гамсуна. Объяснение. Но они узнают, что они — единокровные брат и сестра. Объяснение. Их руки вместе. Братство революционеров и революция — выше утех индивидуальной любви. Революционное движение нарастает. Оглы покинут детьми Рабочие его

заводов, его парламентские жульничества, его покинутые, купленные и проданные любовницы, — всё ужасом берет его за горло. Первомайская демонстрация. Картина Репина «Какой простор!»

Если бы главу написанную выше написал писатель-фашист (среди таковых очень много среднеруких!), то —

Вышенаписанную главу написал японский писатель Тойохико Кагава. Переведена на русский язык она Сергеем Никодимовичем Съодзи. Роман называется по-христиански: «Дни, когда возопиют камни». Роман печатался (и не закончен печатанием) в 1932-ом году. По всем вероятностям писатель Кагава мира не объезжал, и роман его, написанный на японском материале, написан для японского читателя.

Оглы в романе именуется — Йоодзоу Фукадзава. Мики — так Мики и называется. Дочь именуется — Цуреко. Сын — Йосио.

У жены Мики на голове был марумагэ — национальный японский пучок, столь же традиционный, как пучки российских купчих, тот, который заставлял японских женщин спать не на подушках, а на скамеечках, покладывавшихся под голову и поражавших Пьера Лоти. У дочери Цуреко (что значит — Цапля, — уважаемая птица) этого пучка не было, по фасону коего, по убранству, в России, Японии, Голландии и в прочих странах определялось социальное и половое положение женщин. У Цуреко этого пучка не было, как он отсутствует сейчас у большинства молодых японских женщин, оставив волосы все же длинными и зачесанными так, как причесывали волосы женщины в Европе перед мировой войной. Женские волосы срезаны в японских рабочих районах да у студенческой молодежи.

Цуреко окончила университет по домашнему факультету, и начало романа застало ее в чине председателя любительского кружка молодых поэтов и поэтесс. В вечер существенных разговоров супруги с супругом о баронском звании и об ордене Сокровища первой степени выяснилось, что в поэтической кружок дочери приехал сэнсэй — учитель — столичный поэт подобно тому, как к московским купчихам приходили учительствовать символисты, как и до сих пор различные школотворцы хаживают по парижским, лондон-

ским, венским, варшавским салонам, начиная от нью-йоркского Отто Кана. Сэнсэй поселили в саду, поговорили с сэнсэем о том, что наступил сезон цветения азалий, — и в этот же вечер решили дочь выдать замуж.

И — выдали. Выдали за барона Сэнбонги, не-то биолога, не-то физика, который в продолжение двухсот страниц романа молчит, как рыба, лирически собирается в туманную Германию, но едет на Карафуту, на Сахалин, на рыболесные концессии оглы, не с тем, чтобы изучать хозяйство Фукадзава, но для изучения никому неизвестных белых птиц. Барон — молчит, лиричен, изучает птиц, — стало быть, по Тойохико Кагава, тип положительный. У барона Сэнбонги есть брат. Тот активен. Тот появился в романе пьяным, вступив с отцом в мордобой, и исчез из романа, посаженный в долговую тюрьму за подделку векселя, классический аристократический тип, оползавший сотни романов.

Жених Сэнбонги найден был при помощи свата. Сватом был партийный — куда босс! — лидер! — лидер, выдуманной Кеньюкай (читай Сэйюкай!), господин Тойонари Тимура, Тимура-сан (и, собственно, не сан уже, а — сэнсэй) приехал получить с оглы пятьсот тысяч эн в партийную кассу на пополнение выборных расходов.

Сэнсэй Тимура поделился с Фукадзава новостями.

«— Знаете ли вы два новых способа в тактике скупки голосов?! Один из них — «тараймаваси» — «передача умывальника с рук на руки». Человек, конечно наш человек, идет на баллотировку и опускает в урну поддельный, заранее заготовленный листок-бланк, а официальный листок, полученный им при входе в баллотировочный зал, он выносит из зала в кармане. На вынесенном листке — вне зала, конечно — пишется имя и фамилия нашего кандидата. Бланк опускается вторым лицом, выносящим в свою очередь новый форменный листок. И так далее. При этом себе каждый выборщик, приносящий чистый листок, вознаграждается пятью энами... Как вам нравится!? Ха-ха!

«— Хм, это превосходно, — сказал Фукадзава.

«— Второй способ довольно прост. Человек пишет на листке фамилию кандидата и немедленно промокает написанное своею ладонью. Отпечаток на ладони предьявляется агенту кандидата, от которого немедленно следуют две эны.

«Фукадзава и жена его Мики, которые слушали всё это с глубоким интересом, дружно расхохотались.

«— И вы, наверное, пустили таких немало? — спросил Фукадзава.

«Тимура ответил, расхохотавшись веселым басом:

«— Ха-ха!.. дураки ж те, которые нынче этого не делают!.. Ха-ха!..»

Поговорив таким политическим образом о справедливостях парламентаризма, обговорив партийную взятку, обговорив хищническое хозяйство на Карафуту, сиречь на Сахалине, где —

«... нет спасения, дельцами вырубается вдвое большее количество против того, что разрешается Сахалинским управлением, а следы заматаются лесными пожарами», — а поэтому, —

«... если рубить лес на Карафуту так, как он рубится сейчас, то, наверное, нам скоро придется бросить Карафуту. Да и рыбная ловля там становится всё меньше. Единственная вещь там, на которую можно рассчитывать, — это каменный уголь. Тимура-сан, нельзя ли через вас выговорить более или менее выгодные условия у Морского министерства?... — только я не знаю, верно ли утверждение, что на Сахалине имеются залежи угля в два миллиарда тонн?..», — обговорив и это дело, совершенно аналогичное американскому гардинско-типотдомовскому нефтяному «тробл'у», парламентарии обговорили и миаи — по-русски сказать — смотрины, — на коем должны были встретиться барон Сэнбонги и Цуреко.

Миаи состоялась в Токио, в ресторане. Разыграно было, что женихи встретились случайно, сопровождаемые родителями и сведенные Тимура. Как раз после этого миаи и бил брат жениха своего родителя-барона по физиономии.

Ресторан был шикарен и европейского стиля. Сидели не на полу, а на стульях. За стеной чествовали обедом бельгийского посланника господина Альберта Бруниэ, там ожидался премьер-министр. Господин Тимура доиоился между двумя обедами. Мики оживленно беседовала с баронессой-матерью о том, что род Сэнбонги происходит от рода Фудзивара, японских рюриквичей, и о мон — о гербе рода Сэнбонги. Каждый род имеет свой мон. Моно — несколько десятков тысяч. Основных монов — восемьдесят. Оказа-

лось — у Сэнбонги герб основной и состоит из пиона, а у Фукадзава — из трех дубовых листьев, совершенно незначительный и никак не основной.

Под эти пионо-дубовые разговоры дам, обсуждавших красоту гербов на кимоно и хаори, мужчины проводили время — в этом европейском ресторане — в масштабах уже пятигербовых, тех, где негде ставить пробу. Автор романа знакомит читателей с понятиями сооиси и ряку.

Сооиси:

«это многолюдные группы людей, появившихся после установления конституционного строя. Это — политические забияки, дельцы, пускаемые политическими партиями по различным темным делам, в достижениях, предначертанных целей не пренебрегающие никакими средствами, в том числе и грубой силой. Сооиси работают под флагом патриотизма. Имеются так-же многие, которые, прикрываясь званием сооиси, занимаются просто вымогательством» (примечание переводчика).

Ряку:

«сокращение слова рякудзау — грабительство: так именуется группа людей, занимающихся вымогательством под красивыми словами заботы о восстановлении прав неимущих» (примечание переводчика).

Пятигербовые дела:

«.. бой привел в комнату Фукадзава человека, похожего на сооиси. Он был одет в кимоно и хаори из бумажной материи с пятью гербами... Увидя Тимуру, он вынул свою большую визитную карточку и обратился скороговоркой:

«— У меня к вам маленькая просьба. Прошу побеседовать со мной одну минуту.

«Тимура, приняв огромного формата визитную карточку, смотрел то на нее, то на вошедшего. На карточке было написано: «Тюгоро Ооки, председатель исполнительного комитета подготовительного собрания по учреждению политической партии Ниппон-Коккэн-то — японской конституционной партии». Прочитав карточку, Тимура понял, что визитер явился за деньгами.

«— Сегодня вечером у меня здесь два собрания, куда я должен явиться. Я очень занят. Нужно ли непременно сегодня иметь с вами разговор?»

«— Да, я непременно хотел бы не позднее сегодняшнего вечера...

«Ответив так, визитер вынул из своего грудного кармана пакет и стал медленно его разворачивать.

«— Говоря откровенно, ваше превосходительство, среди неимущего класса в настоящее время идет подготовка к учреждению здоровой политической партии в контр левого коммунистического крыла. Из-за отсутствия средств нам приходится обращаться туда и сюда. Просили бы и вас немножко помочь, хотя я знаю, что неудобно обращаться при такой обстановке...

«Вынув из пакета тетрадь, он перелистал ее. Это была тетрадь для подписки пожертвований как общественных, так и правительственных лиц. Тимура прочитал, что там подписались лидеры партии, как, Ненъю-кай, так и Коосей-то. Тимура сказал запросто:

«— Сегодня я не имею денег.

«— Достаточно вашей подписи. Я явлюсь к вам на квартиру.

«Жадный профессионал-ряку выразил на лице жадность и наглость, свойственные всем сооси. Тимура докучливо вынул бумажник из кармана, достал десятизначную бумажку и положил ее на тетрадь.

«— Прошу этим довольствоваться.

«В это время вошел краснорожий человек в пиджаке, заросший густыми волосами. Он обратился к Тимура:

«— Ваше превосходительство, как долго мы не встретились! Я потерял занятие. В бедноте... Нельзя-ли немножко мне одолжить? — Желая ехать в Дайрэн. Эн бы семьдесят на дорогу.

«Говоря так, он выставил свои большие, в большом градусе близорукости глаза сверху очков и собрал вертикальную складку между бровями.

«— Как знаете и вы, мне понадобилось много денег на выборы, — ответил Тимура. — Хотел бы для вас сделать, но у меня нет лишних эн.

«— Шутки шутите, — сказал человек в коричневом пиджаке и прибавил надменным тоном, производя давление на Тимура: — Этому, с пятью гербами, вы сделали одолжение а следовало бы мне, потерявшему занятие.

«К этому времени вошел третий, остриженный по-французски, повидимому газетный корреспондент.

«— Тимура-сан, там в следующем этаже, в настоящее время идет подготовительный митинг по учреждению новой политической партии Коккэн-то в противовес левому крылу бедноты... Каковы ваши соображения по поводу этой партии?

«Корреспондент поставил карандаш на бумагу своего блок-нота, ожидая слов Тимура. Тимура хорошо знал этого корреспондента. Он умело начал диктовать:

«— Вся политика вообще должна быть вполне легальной и строго сообразующейся с государственной структурой. Очень жаль, что молодежь настоящего времени увлекается идеями Европы и Америки и идет неудержимо по уклону налево. Я считаю большим счастьем, если образуется здоровая, легальная политическая партия неимущего класса в лице Коккэн-то...

«Довольствуясь этими словами Тимура, корреспондент исчез. Человек в пиджаке коричневого цвета сказал:

«— Большая разница с действительностью то, что вы сейчас диктовали. Это — группа бродяг, намеревающаяся создать партию с целью выжимать денги и у буржуазного класса, и у бедноты. Я явился сюда с целью установить, какую резолюцию они сегодня примут. — Говоря так, он взял сигару из коробки, поставленной на столе, и закурил. — Хорошо, я давно не курил сигар!... — прошептал он и продолжал: — Ваше превосходительство, помогите мне путевыми до Дайрэна!

«Он, не взирая на то, что в комнате присутствовали дамы, положил руки на стол, оборачиваясь спиной к дамам. Он бросил злобный взгляд на Тимура.

«— Если вы не дадите мне денег на дорогу, у меня не останется другого выхода, как умереть. Для меня уже не осталось никакого дела вообще. Я думаю убить кого-нибудь а затем покончить с собою. Как вы думаете?

«Он вынул браунинг из кармана и положил его на стол.

«Баронесса Сэнбонги, Мики Фукадзава, племянница мадам Сэнбонги переглянулись и поморщились. Кандидат естествознания Йоситэру Сэнбонги (жених) сидел совершенно покойно, отвернувшись к окну... Цуреко строчила было стихи, записывая их в маленькую тетрадь фаунтэн-

пэном. Она бросила всё это и подошла к Тимура, который медлил с ответом на слова человека в коричневом пиджаке. Она обратилась к этому человеку:

«— Сколько вам нужно, чтобы вы могли поехать в Дайрэн?»

«То обстоятельство, что молодая, красивая и нарядная женщина обратилась к нему неожиданно, застало вымогателя врасплох.

«— Да я полагаю, эн за тридцать можно достичь Дайрэна. Но это действительная стоимость билета. За эти деньги нельзя получить ни еды, ни чаю... — ответив так, человек правой рукой откинул назад нестриженные лохмы волос.

«— Я дам вам столько денег. Вы поезжайте в Дайрэн. И прошу не заниматься делом самоубийства посредством револьвера!..»

... Когда вожди и сваты остались одни после этих визитеров, они беседовали по душам:

«Баронесса Сэнбонги нежным голосом спросила, обращаясь к Тимура:

«— Всегда они так нахальны?»

«— Нет, это еще ничего. Дашь немножко денег, иные бывают, бросают их на пол, устраивая страшные сцены. В штабе нашей партии вы найдете таких в неисчислимом количестве. Эти элементы только этим живут.

«— Да, беда с ними иметь дело. Очень надоедливы, — сказал барон Сэнбонги, разглаживая свои усы.

«— Но тем, кому нестерпимы эти люди, им нельзя заниматься политикой, — сказал значительно Тимура. — Былаешь в учреждениях, больше половины визитеров являются такого рода просителями. А если не дашь, — злословие, угроза, печатание в газетах разных небылиц... Так мы все сдаемся и даем понемножку. Иначе нет исхода. Говоря иначе, эти элементы могут быть названы политическими паразитами.

«— Но мы не в праве слишком строго их критиковать, — сказал запросто Фукадзава. — В сущности говоря, и я, кто знает, может, являюсь одним из этих паразитов.

«— В таком случае у паразитов много сортов, — шуря нос, пристально глядя на Фукадзава, отозвался Тимура.

«— Если эти являются глистами, то мы должны быть названы солитерами, — опять запросто сказал Фукадзава.

«— Если так, то к чему я, например, должен быть написан? — весело рассмеялся Тимура. — Наверное к дистоме, ха-ха!..

«Все расхохотались удачной остроте Тимура. Явился слуга во фраке, молвил:

«— На обед к господину бельгийскому посланнику пожаловал господин премьер-министр и просит вас, господин Тимура...»

Так, за такими парламентскими разговорами, шел миаи, средневековая традиция смотрин, в России в частности, отмененная Петром Первым, но дожившая в быту вплоть до революции Семнадцатого года, а в Европе кое-где существующая и до сих пор, совместно с гербами.

Но речь идет о капиталистическом парламентаризме.

Барон Сэнбонги, кандидат естествознания, через сотню страниц романа, ездил на Карафуту, на Сахалин по воле тестя, для ознакомления с богатствами оглы и для изучения белой птицы.

Заехал по дороге на Хоккайдо, в Хакодате.

«То было место, где рядами стояли ночлежные дома, в которых останавливались люди, идущие на заработки или на Карафуту, либо на Курильские острова. Это составляло улицу рабочих. Двухэтажные дома из досок, покрытые оцинкованным железом. Одноэтажные бараки, покрытые досками. Дорога то горбами, то впадинами. Голье женщины. Толпа женщин около общего водопроводного крана».

«— Ну, как, было известие от мужа? — спросил неожиданно агент женщину, поддувавшую огонь на жаровне веером, совершенно раздетую, с одним широким поясом стыдливости.

«— Какое известие!? мы даже не ждем! — говорят, что поймано всего шесть штук сельдей. Нельзя ли получить немножко кредита от Общества?»

«— Попробуй попросить. Там стоит молодой барин, сын председателя Общества, — агентом было сказано негромко, в тоне подстрекательства.

«— Хорошо, сейчас. Но вы знаете, что умер ребенок у Хидекичи-сан?.. Они вчера никак не могли похоронить, у

них совершенно нет денег. Бедная Хидекичи-сан! — она плачет, что нет у нее извинения перед мужем, ей не на что даже известить его. Мы усердно просим в первую очередь помочь Хидекичи-сан!..

«Стоя у входа, они нашли женщину, занимавшуюся стиркой. Трое тихо подошли к ней...

«— Наконец... трудно было... жаль!.. говорят, еще не похоронен? — приветствовал агент.

«Та, даже не оборачиваясь к агенту, сказала:

«— Зинбей-сан, заведующий ночлежным домом, сделал подписной лист и обходит добрых людей. Думаю, сегодня можем похоронить.

«Агент заглянул во внутренность лачуги и не увидел там труп ребенка, спросил:

«— А где-же ребенок, который умер?

«— Разве вы не видите, я ношу его на спине. Вот этот, которого я ношу на спине, — мать ответила ясными, простыми словами, и она закрыла свое лицо передником. — Мне всё еще кажется, что он не умер. Он уже не говорит. Вчера я заснула, обнимая его, бедного. Были бы у нас деньги, мы могли бы вылечить его в больнице. Отец работает на рыбалке, на Карафуту. Отец действительно любит своего ребенка. Я телеграфировала, но оттуда нет ни копейки... А нынче ребенок умер, и я вероятно буду брошена мужем...

«Небыстрорассудительный барон стоял молча. Йосио шопотом сказал ему:

«— Надо было бы дать на похоронные расходы.

«Добряк-барон немедленно высказал согласие.

«— Да, конечно. Сколько надлежит оставить на похороны? — спросил он, обратившись к агенту. — Муж этой женщины работает на наших промыслах?

«— Да, у всех, здесь живущих, и у этой, и у той, которой нечего надеть. Мужья их работают на наших промыслах, и они кругом задолжали Обществу.

«Соседка, наблюдавшая за господами, подбежала к господам мелкими шагами и заговорила, спеша:

«— От души благодарим вас. Вот и похороны будут по-человечески, и ребенок может теперь попасть в рай...

« Скоро перед домом образовался забор голодных людей. Агент сообразил вывести отсюда господ к автомобилю...»

Исследователь какучо, то-есть белых птиц, поехал дальше, на Карафуту. Ехали не дремучими лесами, как предполагалось, а песчаной пустыней обгорелых пней, ибо, как говорилось выше —

«лесорубы занимаются рубкой леса воровски вдвое или даже еще больше того, что им было разрешено. А во избежание суда за воровскую порубку леса, они жгут леса, чтобы не оставлять следов».

«Из-за того, что вырубается леса и пускаются по рекам вплавь, горбуша и кета перестали заходить в реки. Отсюда, и полное уничтожение рыболовного дела на восточном берегу Карафуту».

Это — второстепенный мотив путешествия, в дополнение к белым птицам.

Второстепенным мотивом следует отзвучать и следующей цитате, хотя аргумент о переселении в Манчжурию в силу перенаселенности Японии являлся японским козырем на заседаниях Лиги Наций:

«... по северной широте Карафуту расположен почти одинаково с Англией, а площадь Карафуту вам известна. Когда японцы привыкнут к местному земледелию, два или три миллиона их семейств легко могут прокормиться здесь».

Мотивчик начинает крещендировать в дополнение к голым женщинам и к мертвому ребенку за спиной матери следующими цитатами.

Приехали на промысла, на концессии, в колонии.

«— На каком заводе начат конфликт?

«— На заводе Экстор. Переговоры не увенчались мирным исходом. На Карафуту до сего времени мало случаев такого рода конфликтов. Как-то стыдно перед светом, но нам придется примириться, думая, что это — неизбежное зло нашего времени... Так вот, прошу вас исключить Экстор из числа осматриваемых вами предприятий, — он не исключает опасных последствий...»

Стало быть, осматривали предприятия благополучные.

«— ... эти рабочие в Уэсиба. Как вам известно по контракту, заключенному с нами, они не получают жалованья, но получают известный процент с улова. Раз, как в нынешнем году, нет никакого улова, то, значит, у них нет средств добраться до места их отправления. Как быть? — к счастью большинство из них — люди из Хакодате. Десять эн впол-

не хватит им на дорогу. Не лучше ли теперь разойтись с ними? — или найти какой-либо иной способ для их утилизации? — конечно, им даны авансы, которые пропадут для Общества, если отказаться от этих рабочих, — но рыба не ловится. Вопрос о плане действий был по телеграфу передан директору Общества в начале прошлого месяца. Ответа нет...»

«Уэсиба оказалась маленькой деревушкой, стоящей на берегу в самом устье реки Хоронай-гава. Бараки, покрытые оцинкованным железом. Лодку привязали к берегу... Пошли к баракам... зашли в барак...»

«— Тайсио, — ваше превосходительство! — нельзя ли попросить разрешения оставить этого человека здесь на два-три дня? Он мой товарищ, он в прошлом году работал здесь, а в этом году он работает над укреплением берега. Он принужден искать убежища. Как видите, его там били. Он едва спяса. А его товарищ убит из-за того, что он, будто бы, слишком упорен. Говорят, его посадили в бочку от цемента со вбитыми гвоздями. И эту бочку катили с горы. Так он там был убит. Чудо, что этот, слава богу, спасен. Пожалуйста, не откажите спасти этого человека!..»

«Начальник завода Абэ обратился с вопросом к рабочим:

«— Сколько человек между вами, которые желают вернуться домой?»

«— Конечно все! — громко ответил молодой рабочий».

«... когда Абэ дал полтинник, то остальные с босыми ногами побежали к нему. Начальник завода начал убежать. Тогда все бросились к директору... Очередь дошла до барона, которого схватили за грудь. Сэнбонги струсил: он попал в такое положение первый раз в жизни...»

Завода Экстор барон не осматривал, так-как там был «конфликт». На промыслах Уэсиба никаких конфликтов не было.

Свадьба была начата миаи, феодальным обычаем.

Барон Сэнбонги был принят в дом, усыновлен, средневековым образом.

Сын оглы, незаконный Йосио, студент политического факультета, рожден был от гейши, в средневековых традициях.

Сын не носил фамилии отца. Сын не был принят в доме отца. Мики была счастлива и официально ничего не знала о незаконном сыне, как полагалось это во всех странах и у всех народов. Мики считала сына от гейши сыном рабыни.

И следуют отрывки разговора отца с сыном, родившимся в средневековьи:

«— Йоу, давно не видались! — сказал отец. — Ну, как? доволен университетом? — Говорят, нынче студенты вообще стали красными, — гарантирован ли ты!? — отец полил холодную воду на голову сына.

«— Но, папа, я думаю, что те студенты, которые принимают красную окраску, они, скорее, более честные. Они имеют точку своего поведения в известной позиции человечества...»

«Отец, занявший чинно место перед столом, покуривая сигару, был серьезен и слушал внимательно.

«— Но я сейчас только-что слушал подробности от министра народного просвещения. Ведь это беда!.. Ведь это простые шпионы русских!.. Можно сколько угодно питать своеобразные симпатии к рабочему и бедному классу, но нельзя приниматься за такие дела, которые могут привести нашу страну — нашу Японию — к гибели!.. Ты причастен к потребительскому обществу студентов? — спросил отец тоном обличения, что с ним бывало редко.

«— Да.

«— А не возникло ли это учреждение по указанию из Москвы?»

«— Нет, ничего подобного. Оно не более и не менее, как одна из чистых студенческих организаций.

«— Но, по словам министра, там за кулисами прячется рука левого направления?»

«— Не могу отрицать. Но большинство студентов мыслит легально и думает достичь целей легальным образом.

«Отец бросил сигару в пепельницу. Его лицо было недовольно. Он взял веер, лежавший на столе, обмахнулся им, сказал:

«— Стало быть, короче говоря, потребительский кооператив студентов является агитацией, не признающей идей капитализма?..»

И следующий эпизод.

«Йосио вошел в свою комнату. Там он нашел студента Коокити Томита, центральную фигуру сэттльмэнта государственного университета, и девушку с остриженной головой.

«— Йоу! Томита-кун! товарищ Томита! — добро пожаловать! — приветствовал Йосио.

«Гость обратился к нему скороговоркой:

«— Кими, друг, мы явились с просьбой. Быть может, вам неудобно, тем не менее прошу держать эту девушку у вас скрытно в продолжении нескольких дней. Ее преследует полиция. Знакомьтесь. Она бросила высшую специальную школу в Коисикава на втором курсе. Ее крутит левое движение с места на место. Она в связи с лидером левой партии Исэ, который ныне проводит тюремную жизнь...»

Старые картины, облетевшие страницы писателей на всей земле!..

Но миаи был. И Мики счастлива.

И по роману разбросано множество феодальных пейзажей.

Само «усыновление», принятие в дом, в семью, в род барона Сэнбонги — средневековейшее, феодальнейшее занятие. В России так принимали в дом — в деревнях батраков, в городах — приказчиков. На всем свете, а сейчас особенно в Америке, «парвэню» гонялись и гоняются у американцев за титулованными именами.

У японцев есть правильная пословица: «Не будь усыновленным, если у тебя есть три горсти отрубей».

В Японии кланы сильные, как ганзейские гильдии.

В Японии женщина никогда — еще до сих пор — не принадлежит себе, освобождая себя так же с одной стороны, как в России во времена Софьи Перовской, а с другой — способами английского суфражизма. В Японии, если женщина выходит замуж, она принадлежит не мужу, но роду, и если она разводится, вещи растаскивает на пополам (или как?) род, а не муж и жена. (Уже за пределами романа Кагавы, в семье профессора Н. был такой процесс, когда дочь профессора вышла замуж за молодого художника, поехала с ним в Париж, овдовела в Париже, и отец ее вел после этого бракоразводный процесс с тем, чтобы его дочь из рода умершего мужа вернулась в род отца).

В романе на улицах то закричат, навевая прохладу, продавцы золотых рыбок, то донесется монотонный свисток меняльщика рау, бамбукового чубука национальных японских трубок для курения. То заревут звуки чин-дон-я, шутовской процессии, рекламирующей корень жен-шэнь иль чайный домик, или кино такое-то, — их трое, чин-дон-я, два мужчины и одна женщина, они срамно одеты, они идут под громадными шутовскими зонтиками, они танцуют, орут, поют и наяривают в барабан, литаврами, на сямисэне.

Такими звуками оглашались улицы в России во времена горячих сбитней, в Европе в дни Семилетней войны, в год войны Алой и Белой розы. Таковыми звуками оглашаются до сих пор Пэйпин, Калькутта, Стамбул, Александрия, а в Лондоне, в Париже, в Берлине, Нью Йорке они попрятались по карнавальным и ярморочным неделям.

Средневековые города создавали невероятные шумы, невероятные профессии, невероятные отношения, и они жили особой породой средневековых людей и традиций. Средневековые теперь в старых городах столбовой дороги истории, оставив в назидание потомству замки среди городов да вестминстерские да сантпабловские известняки соборов, раздвинувшись перспективами электричества, трамваев, автомобилей, автобусов, американских магазинов, — отодвинулось в переулки, где каждый сосед торгует тем, что сам производит, где рядом с бондарем пивко-разводитель, а рядом с пивко-разводителем делатель бамбуковых свистулек, где неизвестно, чем и как существуют люди, ибо похоже, что все они торгуют только друг с другом, живут только друг другом, соседу- и само-поеданием. Это: мещане, мелкая буржуазия, при чем французское слово буржуа, равнозначное немецкому бюргер, и значит дословно — горожанин. Эти люди остервенело жмутся в своих переулочках, остервенело хранят свои традиции, боятся и не знают будущего, боятся, не знают и не понимают настоящего.

Таковыми переулочками занята большая половина Токио.

Таких переулочков очень много осталось в тех же Пэйпине, Калькутте, Стамбуле, Александрии.

Там делаются замечательные кустарные вещи, единственные, каждая не повторима. И там во мраке ночи, зацвещающей азиями, слышна средневековая песня:

«Исэ-ва Цу-дэ моцу!
Цу-ва Исэ-де моцу!
Овари-Нагоя-ва сиродэ моцу!»
(Провинция Исэ держится портом Цу,
Порт Цу держится провинцией Исэ,
Город Нагоя провинции Овари держит-
ся замком!)

В Токио, в районе Хондзё, на улице Нарихира-тьо, в ночлежном доме для бедноты, жила гадалка. Люди на таких улицах разговорчивы и всегда знают, что у соседей в миске.

Лили дожди нюбая.

«— Доброе утро! сегодня опять скучный день! — при-
ветствовала гадалщицу жена квартировавшего в соседней
комнате продавца амэ, пшеничных конфет. На ней был
мужской хантэн, короткий до ляжек, с открытым передом
халат. Чтобы закрыть свой перед, женщина имела перед-
ник из грубого холста, полученный случайно у лавки, про-
дающей сакэ. Передник у нее держался веревкой. Волосы
ее, из-за долгого отсутствия помады, потеряли лоск, побу-
рели, локоны повисли на щеки и шею. — Мы только-что
припасли амэ на целый эн, как начались дожди. Три дня
мы не можем выходить, а по ночам целые нападения мы-
шей... Но гадалщица — это дело прочное. Дожди — ничего.
Будут клиенты, и вас не беспокоят вопросы пищи.

«Гадалщица, с маленьким марумагэ, пучком на голове,
хотя и знала, что собеседница подтрунивает над ней, наш-
ла нужным ответить вежливо:

«— Нет, везде одинаково. Мы уже три дня без дел.
Дождь — для нас общий бич.

«Женщины зажигали свои очаги щепками, собранными
на улице.

«— Еще два дня дождь, и у нас нечем кормиться. Оста-
ется только покончить самоубийством всему семейству.

«— Знаете, вот тот нищий, высшего класса, специалист
по визитам к разным лицам, который жил у нас на втором
этаже, он еще перед дождем говорил: — нет уже мочи кор-
миться, я намерен поступить в даровую больницу Йдзуми-
баси, чтобы провести беззаботно два-три месяца». — И он
уже в больнице.

«— Это еще ничего!.. Вы знаете, чернорабочие, которые
тоже во втором этаже, — они придумали профессию визи-

тировать по пустым, оставленным без присмотра кварти-
рам, откуда они вытаскивают разные вещи. Очень доходное
занятие... Эта партия, войдя в соглашение со старьевщиком
с того угла, ежедневно выходит на работу...

«Мимо собеседниц прошла в дом молодая женщина. Она
была одета в бумажное кимоно. На ее шее остались сле-
ды пудры. Жена продавца амэ, пристально поглядывая на
огонь под котлом, прошептала:

«— И эта в последнее время выходит на ули-
цу. Стоит сочувствия. Она с сыном от первого мужа.
Мальчика она хочет отдать в хорошее училище. Но не имеет
на учебники. Вот, с месяц, как она торгует собой. А муж
уже полгода как потерял работу. Очень жаль!..

«— Мой муж уже восемнадцать лет не встает с постели,
сказала гадалка — он разбит параличом...»

Поговорив этак на этакые темы горьковской пьесы «На
дне», приготовив мужу пищу на весь день, —

«... гадалщица пошла на работу. С дзэйтику, бамбуко-
выми палками для гадания, и с ханги, бамбуковыми дощеч-
ками для гадания, она вышла на дорогу Йосивара-кайдэ,
дорогу, ведущую в Йосивара, квартал публичных домов.
В тесном переулке находился гадалный дом Такэмото-
Тэммэйдо. В переулке густо пахло горелой моксой, черно-
быльником. Этот запах объяснялся тем, что Рисуке Такэ-
мото, хозяин гадалного дома, занимался, кроме гадания,
также лечением путем прижигания окю, моксой.

«В приемной лежал молодой человек лет двадцати-пяти,
повидимому приказчик. Огонь, переданный моксе куритель-
ной свечой, с розовым светом, приближался к спине моло-
дого человека. Тело молодого человека рефлекторно сжа-
лось еще раньше, чем огонь коснулся спины.

«— Жарко! больно! — воскликнул молодой человек.

«Молодой человек, страдая от боли, остановил дыхание,
схватив голову обеими руками.

«В передней зазвонил колокольчик. На плечах доставили
больного почками, глубоко стонавшего.

«Опять зазвенел колокольчик. Оказалась визитерша, мо-
лодая женщина с европейской прической, роскошно одетая.
Она была в дождевике синего цвета и с зонтом в руке.

«— Чем можем служить? — спросила гадалщица?

«— Я просила бы посмотреть для меня эки (старинную, многостраничную гадальную антологию).

«Гадальщица взяла увеличительное стекло и стала рассматривать линии руки пришедшей дамы. Затем она открыла эки и стала водить по письменам бамбуковой палочкой.

«— В душе вашей большое колебание... — сказала гадальщица. — Вы состоите в браке и вы питаете в себе недовольствие настоящим вашим супругом...

«— Откуда вы всё это знаете!? — воскликнула молодая женщина, глядя с выражением страха и удивления».

Йосио был сыном гейши. Мики считала его сыном рабыни. Мать Йосио умерла, когда ему было четыре года. Он рос у тетки, у старшей сестры матери, также гейши, которая так же, как мать Йосио, имела патрона. Она выбилась в люди и имела свой чайный домик, притон-ресторан. Йосио жил в Токио в буддийском храме Рэндзодзи, ради экономии и в силу своей лиричности. Он читал «Историю материализма» Ланге и Паскаля. Первая женщина, к слову сказать, которую он знал, как женщину, была полуактриса, имевшая патрона, то-есть содержателя. Тетка Йосио в провинции состарилась, ее ударил паралич, кредиторы отобрали ее чайный домик, жизнь сдала ее на свалку. Она написала племяннику, чтобы он помог ей, и она указала адрес единственной ее (и его со стороны матери) родственницы — гадалки с Йосивара-кайдо, прося и к ней обратиться за помощью.

Йосио пошел разыскивать гадальный дом Такэмото-Тэмэйдо. Там встретились трое родственников: старуха-гадалка и единокровные брат с сестрою. Судьбы их были разные.

Иные женщины на земле с высшим образованием, оканчиваются, ходят к гадалкам не только в Париже, Нью-Йорке и Буэнос-Айресе.

Но времена идут. Цуреко не сочла Йосио сыном рабыни, как считала ее мать Мики. Брат и сестра пошли бродить по городу и вечер докоротали в тишине храмовой квартиры Йосио.

Они говорили пустяковые вещи первого знакомства и осознания своего родства.

Они были в Асакуса.

Они говорили о нищих, об аотэндзю — о старшине, о

старосте нищих, об их организации, традициях, быте, — о том, что давно рассказано в старинной английской «Трехгрошевой опере нищих», о том, как токийская полиция, в частности, — и пока — совершенно бессильна против этих нищих и тэкия — шарлатанов, соработающих с аотэндзю.

2

Страницы, написанные выше, комментированы писателем на материале писателя. Роман, написанный Тойохико Кагава, «Дни, когда возопиют камни» написан, как очевидно, на японском материале.

Абзацы цитировались, конечно, не для того, чтобы показать Японию, и комментарии к роману следует временно прервать, чтобы перейти к другому писателю.

«... Январь — месяц тигра, февраль — месяц зайца, март — дракон, апрель — змея, май — лошадь (к слову: о лошадях я проделал своего рода анкету, — спрашивал, кто и сколько раз ездил на лошадях: писатели Канэда и Сигемори ни разу в жизни не ездили на лошадях, никак, — лошадей в Японии почти нет и почти нет в сельском хозяйстве), июнь — овца, июль — обезьяна, август — петух, сентябрь — собака, октябрь — кабан, ноябрь — крыса, декабрь — бык. Двадцатилетия годов разделяются так же: 1926 год — тигра. 1926 — по-европейски; 2586 — по-японски, 15-й год эпохи Тайсьо. Вспомогательными определениями годов являются также стихии огня, земли, воды, металла, дерева. И вот, если женщина родилась в год лошади и огня, она непременно убьет своего мужа той таинственной фатальностью, которая родила ее в это сочетание; в прошлом, 925-ом году, выросли девушки этого призыва, и в газетах обсуждалось, как с ними поступить, ибо жениться на них охотников было мало. И целые литературы есть гороскопов, выясняющих удобства и неудобства браков: мужчина, родившийся под знаком огня, имеет огненный характер, женщина родившаяся под знаком дерева, имеет деревянный характер, — тогда им надо пожениться, ибо из дерева рождается огонь; но — вода тушит огонь, — и тогда брак не может состояться... Все эти таинственные комбинации имеют под собою таинственные сочетания активных и пассивных сил.

«Сумерки, Хиноки-тьо, рокубантьо, Токио.

«Мы сидим вдвоем с профессором Йонэкава, тем профессором, который однажды, провожая мою спутницу, на ее предложение зайти посидеть, ответил: «наш великий учитель Конфуций не учил нас сидеть вдвоем с женщиной...»

«— А философия японского народа? — спрашиваю я его.

«— У японского народа не было своей большой философии, — отвечает профессор Йонэкава. — По мнению профессора истории философии Канэко, японский народ из всех философских учений берет практические сентенции. Профессор Канэко считает японской философией философию практицизма. Это один признак. Второй: философическое оправдание каждого индивидуума — стремиться к очищению и опрощению. Философия индивидуума указывает подавлять страсти, утвердить золотую середину. Разительное в японском народе, по мнению профессора Канэко отсутствие мистицизма. И еще отличительна у японцев, в национальной японской философии, их умность, не рационализм, — умность: японский народ умен. Эта особенность является одним из факторов, давших возможность принять Запад и пойти его путем вперед. Японцы больше годятся для научно-прикладной работы, чем для обобщающе-философской. Канэко никак не считает честью японского народа отсутствие у него великой философии.

«Вечер, Хиноки-тьо, на стене висит плакат японской живописной выставки, шипит газовая плитка.

«— Синтоизм не имеет одного бога, но — много, — ибо источником божественности является поклонение предкам, предки-ж накапливаются. В памяти японского народа очень много богов, которые только наполовину божественны, наполовину-же человечески, человеческого происхождения. Высшее божественное существо — богиня солнца Аматэрасуомиками, она светила миру и шелководствовала. Но в божественность Аматэрасуомиками никто уже не верит. Забот о будущей жизни у японского народа — нет. Надо заботиться — только о настоящем, о живом, чтобы достойно прожить жизнь, быть достойным своих предков, — чтобы приготовить чистоту смерти. Тысячу двести лет тому назад в Японию проникла буддийская религия. Высшие круги, императорский двор приняли эту религию, сохранив и синтоизм. Но буддизм — не религия, а наука веры. Переводов

с китайского буддийских книг не делалось, народ знает о религии из уст священников. Нирвана: стремление к вечному равновесию и покою. Для достижения нирваны надо отказаться от физических прихотей, от самого себя. Через отрицание самого себя — слияние с вечным миром, с вечным духом. Наука буддийской религии утверждает эфемерность бытия, непостоянность жизни и твердую каменность.

«— Но по мифологии синто все боги изображались очень страстными, так, что один дух погнался за женою, умершей в страстный момент, прямо в загробную жизнь, — мифология синто жива на ряду с буддизмом. Европейско-христианская мораль учила о вечной активности впереди, мораль Востока учит о вечной пассивности.

«— Буддизм трансформировался сейчас в ряд сект. Крупнейшая — Синсю (настоящая вера). Родоначальник этой секты учили, что человеческий ум ограничен и не может довести до нирваны, — и надо возлагать надежды на волю будды, в молитвах — Наму, Амидабуцу — одному из воплощений будды. Секта Дзэн избрала путь строгого воплощения, что достигается сидением на пятках, сосредоточением мыслей до того, пока не останется ни одной мысли; люди секты Дзэн — постятся, аскетят; секта логику буддизма заменяет интуицией; эта секта была популярна среди самураев.

«Вечер, Хиноки-тьо, окончательно померк закат.

«— Но, все же, подлинная народная вера, о которой почти не знают европейцы, ныне здравствующая, идет мимо синто и буддизма, — Инйо-до — учение о пассивной и активной силах. Она связана с синто, она созвучит с китайскими учениями о извечном пассивном и активном. На глаз европейца эта вера состоит из суеверий. Все явления мира этою верой делятся на двоесилие мрака и света, луны и солнца, земли и неба, мужского и женского начал. Это учение глубоко вошло в быт. Секта Татикаварю, названная так по имени учителя, запрещенная в эпоху Мэй-дзи, здравствующая до сих пор, утверждает, что соединение начал бога Идзанаги и богини Идзанами, активного и пассивного начал (бог Идзанаги, стремясь за Идзанами, семенем своим накапал японские острова, так говорит предание), — соединение активного и пассивного начал есть высшее достижение нирваны, и путь к ней — путем совокуплений.

«...вечер. Хинокиты. Мы прощаемся с Йонэкава-сан, я провожаю его до порога. Над городом лиловое небо ночных фонарей. Неподалеку прошли трубачи, разгребающие кинематограф, пропела флейта бентошника, человека, играющего в рожок в знак того, что повез по улицам свою тачку с рисом для бедняков и рабочих, с горячим рисом, который можно купить и тут же съесть. И улица замерла в тишине, той тишине, которая есть только в Японии.

«Я тихо свернул в переулок и пошел на соседнее кладбище, в его тишину, заброшенность и печаль кладбищенских размышлений. Японцы сжигают трупы умерших и хоронят только золу, так велит буддизм. У ворот отгорел электрический фонарь, там под деревьями мрак. Знаю, вот против этой могилы стоит мисочка риса, и на нее положены хаши — палочки, которыми едят японцы: это для умершего. Знаю, что умершему японцу дается новое имя, то, с которым он отходит в вечность, которым не жил при жизни. Знаю, что к летоисчислению жизни каждого японца надо прибавить девять месяцев, ибо днем начала существования человека у японцев считается не день рождения, а день зачатия. И знаю, вон там, за той тропинкой, похоронена собака: любимых собак, кошек, лошадей — японцы хоронят вместе с человеком, также сжигая (и даже человеческие чины дают животным, ибо те быки, которые возят повозку императора, имеют генеральские чины, — иначе, они не могут быть при дворе). Я иду в тишине тропинок. И я — ничего не понимаю. Я — европеец, знающий, что маршал Ноги и император Мутсухито, умершие столь недавно, уже обожествлены и в честь их есть храм. Человек здесь на кладбище уравниен с собакою. У религии этого народа нет активного будущего, а есть пассивное ничто, то-есть нет верования в будущую жизнь, а есть вот такие храмики, такой величины, как моя пишущая машинка. Я, европеец, ничего не понимаю. Мне мои друзья японцы говорят о том, что религия отмирает, что остались только обычаи, традиции. Мои друзья европейцы, поражаясь религиозным индифферентизмом японского народа, утверждают, что религия японского народа умерла, или ее никогда и не было, — в том плане понятий, как это понимается у нас, — Япония — безрелигиозная нация, нация, у которой умерла религия, но в умирании своем унесшая и живую философическую жизнь японского народа,

философически создавшая такое положение, такую страну, где правят мертвецы. И тут, в этом месте, европейцы-идеалисты горячо утверждают, что весь Запад, вся западная культура, окончательно не нужная Японии, враждебная ей, чуждая, — взята японским народом, как маска, — японский народ замаскировался на столетье, чтобы броней Запада — этот же Запад откинуть. Поэтому, дескать, так болит голова от японской воли, конденсированной в шум гэта. Поэтому так ничего не понятно, ничего не прочтешь на лице японца. Я в этих рассуждениях — ничего не понимаю. В дебри их я пришел сейчас к тому, чтобы указать ту щель, в которой почерпают европейские писатели материалы для писания повестей о «метафизической» Японии...

«В Асакуса, у храма Каннон, всегда много молящихся, и в прохладе храма сидят священнослужители. Молящиеся кидают монеты и бьют в гонг, чтобы бог услышал их молитву. Гадатели дают такие листочки бумаги, эти листочки надо привесить к сучьям деревьев около храма, тогда исполнится пророчество. В Уэно парке стоит памятник генералу Сайго, — этот памятник нельзя разглядеть: генерал Сайго также обожествлен, и он весь заплыван священными бумажками, — надо написать желание, разжевать бумажку и бросить ее в священный предмет. Памятник типичной европейской скульптуры поставленной человеку противившемуся проникновению европейцев в Японию, — оказался священным предметом.

«Бог лисы! — богу лисы можно молиться, чтобы отнять у друга его, друговы богатства. Над Кобэ в горах, куда надо сначала ехать на автомобиле, затем подниматься на элеваторе и дальше идти бесконечными тропами и лестницами, на Майю-сан, на вершине горы, — там расположен храм, посвященный богу лисицы. На обрыве скалы, высоко над океаном, среди многовековых сосен, возник целый город. В тишине гудит буддийский колокол. Чем дальше в горы, тем пустынное и тише. И там стоят алтарики, заполненные лисами, фарфоровыми, фабричного производства, по качеству выработки хуже десятикопеечных кукольных голов продававшихся на ярмарках. Вечером в Кобэ на базаре я купил себе за эню десять таких лис. Там-же, на Майю-сан, — извечная тишина, прекрасное спокойствие и — прекрасная красота горного хребта, гор, долин, океана.

«Все это увязать так, чтобы концы вошли в концы, я не могу...

«Я иду по кладбищу, подсел к могиле лошади, мне перевели — любимой лошади. И тогда, я помню, я думал о том, что бытие определяет сознание, совершенно верно, но и сознание веков переходит уже в бытие».

(По поводу только-что написанного советский японист Р. Ким написал глоссу, где —

«... подробно описывал и классифицировал всех собак-богов (инугами), чудесных змей, водяных отроков (кара), горных духов (тангу), барсуков-оборотней и волшебных лисиц, вера в которых, ввезенная в нарский и хайанский периоды из Китая, до сих пор необычайно распространена в Японии. Каждая провинция имеет своих чародейных монстров, объектов благоговейного поклонения, из коих наибольшей популярностью пользуется лисица. До сих пор в японских провинциях — в особенности в юго-западной части Хонсю, главного острова Японии, — семьи, подозреваемые в связи с колдуньей-лисицей, подвергаются бойкоту не только матримониальному, но и экономическому, ибо у них не покупают и не арендуют земельных участков, и стараются вообще не иметь с ними никакого дела. На острове Оки (в Японском море), когда производятся выборы в нижнюю палату, то конкурирующие кандидаты политических партий разделяются на сторонников лисицы и на противников ее. Вера в лисьи чары имеет в сегодняшней Японии миллионы adeptов, и приступающему к изучению японской этнографии необходимо в первую очередь заняться этим вопросом».)

Цитаты продолжают.

«Без заглавия справка.—Япония — страна, лучше всего опровергающая теории Шпенглера, ибо эта страна существует уже тысячи лет, сверстница Греции, племянница Ассирии и Египта».

«Две души принципов «наоборот». — Мы вливаемся в потоки людей, в шумиху улиц, звонки, крики, выкрики, тесноту. Шумиха улицы впирает нас под крыши вокзала, в перроны, в загородки у касс. Пригородный поезд высыпает из вагонов шуму гэта, разменивает людей. Вагоны полны. Это час, когда вышли вторые выпуски газет, — поезд трогается, и вагон затихает в поспешном шелесте га-

зетных листов. Толпа в национальных костюмах, люди оставили гэта под скамьями, с ногами забрались на скамьи, и вагон шелестит газетными листами: невозможно представить баварца в шляпе с пером, или рязанского крестьянина в национальном гречневике и с газетой. — Поезд мчит стремительно, движимый электричеством. — За окнами, в солнце, в пестряди, — те шалаши, которые называются японскими домиками, которым тысячелетье отроду и которые закутаны тесной сетью электрических, телефонных, антенных и прочих проводов. Мы едем в Токио-фука, примерно в наш берлинский Грюневальд, в парижский Булонский лес, в московский Серебряный Бор, к писателю Акита¹. Мы следуем, нас разменивает вокзал, нас везет рикша в лакированных колясочках на дутых шинах, на рикше халатик, раздувающийся по ветру, на спине халатика — красный круг, герб его цеха (у всех рабочих такие халатики, и у всех на спине знаки, гербы их цехов и фирм или родов).

«Улочками с трудом разъезжаются два рикши, фонари посреди улицы висят над головами, рябит в глазах от лака и золота вывесок. Тысячи велосипедистов, кажется, срослись со своими велосипедами. Мой рикша звонит в свой никелированный звонок. Затем мы идем пешком мимо столетних деревьев, мимо храма, в воротах которого корчат страшнейшие рожи чортоподобные боги, а из чайного домика у ворот слышится музыка сямисэна и пение гейши. Мы приходим к домику Акита-сан, мы открываем решетчатую калитку, и мой спутник, писатель Канэда, приветствует дом. Нам навстречу выходит девушка. Она падает на колени перед нами. Канэда-сан падает перед нею на колени. Я стою в растерянности, не зная, пасть мне на колени или, вообще, что делать? Мы снимаем наши башмаки и в одних чулках входим в домик, в этот таинственный японский домик, где

¹ Глосса Кима. У японцев, как и у корейцев, псевдонимизуется только имя, фамилия — нет. Акита — это фамилия; настоящее имя драматурга — Тукудзо. Псевдоним — Удзюку — значит: воробушек во время дождя. Удзюку родился в 1883 году, кончил отделение английской литературы Васэдадского университета. Автор ряда великолепных детских сказок, — особенно хорош сборник «Детям Востока», — один из лучших драматургов, но его вещи, имеющие сильный пролетлитературный уклон, редко ставятся в больших театрах. В последние годы стал писать в экспрессионистском духе — лапидарный диалог, стремительное сюжетное развитие.

стены сделаны из провощенной бумаги — сьодзи, — и эти сьодзи раздвигаются так, что у домика можно убрать все стены. В доме нет никакой мебели, пустые комнаты с хибати — камельком, никогда не потухающим, посреди комнаты, и с какэмоно — картиною в священном углу. Девушка вновь кланяется нам в ноги. Канэда говорит мне, что это — дочь Акита. По лесенке, стоящей почти отвесно, мы поднимаемся во второй этаж, в кабинет Акита-сан. Этот кабинет таков величиною, что пятерым там на полу лечь уже трудно. Стен в кабинете нет — все они до потолка завалены книгами. Акита сидит около хибати, греет над тлеющими углями свои руки. Кажется, он сидит зарытым в книги, и вот-вот книги его закопают в себе. Канэда-сан кланяется ему по-японски, земным поклоном. Мне Акита по-европейски дает руку. Акита — крупный японский писатель драматург и поэт, и философ. К нам вползает его дочь, вновь кланяется в землю, она похожа на кролика, потому что ноги ее всё время подогнуты, чтобы ей пасть на колени, у нее — ни одного не круглого движения. На полу перед нами она расставляет чашечки с японским чаем и уходит, пятясь к лестнице. Жы сидим на полу около хибати, грея над хибати руки, курим и пьем этот пустой чай, от двух чашек которого начинается сердцебиение. Хибати — это глиняная корчага, доверху насыпанная золой, в золе тлеют никогда не стухающие угли: хибати — единственный способ отопления, — хибати сохранился от веков, от тысячелетий, от кочевья. Акита показывает прекраснейшие книги, японские и европейские. Он показывает мне книги Арисима его автографы, крупнейшего японского писателя, разрешившего узлы своей жизни смертью, повесившегося вместе со своей любовницей, чужою женой. Канэда передает мне содержание последней поэмы Акита «О лютых законах»:

«Лютые законы, глумящиеся над истиной,
Низвергнуть время настало!
Эй, поднимайтесь, смелее, рабочие, —
Наша победа близка!.. —

«— в чем дело!? — кто сидит передо мною, около хибати, на полу, в этом шалаше, заваленном книгами!? —

«Наутро, на следующий день Акита заехал за мною, чтобы вместе итти в Цукидзи, в театр Осанаи-сана. С Аки-

та пришла молодая девушка в английском выходном костюме. Она первая поклонилась мне и протянула руку, — «лэ-дис фёрст!» — она заговорила по-английски, европийка. Я смотрел недоуменно: я не узнал в ней той самой девушки, которая вчера кланялась мне в ноги и подавала белый чай. Акита-сан был в бархатном пиджаке с большим белым бантом, как часто европейские художники.

«И я думаю о старой и новой Японии.

«На глаз европейца, сына западной культуры, вся страна, весь быт и обычаи японского народа построены по принципу «наоборот», наоборот тому, что принято в Европе. В Японии почетно самоубийство, в Европе оно почитается позором. В Европе женщины — по крайней мере в идеалах — впереди, в Японии — позади. В Европе говорят — гражданин Петр Иванов, мистер Стивен Грэм, — в Японии сначала фамилия, затем имя, потом «сан». Тот жест, которым в Европе говорят — уйди от меня, — в Японии является жестом — подойди ко мне. В Европе пишут слева направо горизонтальными линиями, в Японии пишут справа налево вертикальными линиями. В Европе в опасных и неприятных случаях лицо делается сумрачным и натянутым, — в Японии в этих случаях улыбаются; когда европеец задумывается, сосредоточивается, его лицо делается умнее, осмысленнее, — когда думает японец, на глаз европейца, лицо его глупеет. О настроении европейца и о состоянии его духа всегда можно узнать по его лицу, — лицо японца никогда не скажет об этом, не выдаст японца, — о состоянии духа японца можно узнать по его рукам, по их движениям, — руки европейца ни о чем не говорят. Японцы строгоют фуганком, двигая им к себе, — европейцы строгоют фуганком, двигая его от себя. У нас, если очень рассердятся, покроют матом, даже на английском языке, — у японцев самый высший вид оскорбления сказать — вежливейше — о том, что «я так глуп, что не могу понять моего собеседника», — дескать, собеседник тратит время на разговоры с дураком.

«Все это примеры полуанекдотического характера. Но вот пример уже без всяких анекдотов. Психика европейца построена на утверждении будущего, строительства будущего, — психика японского народа построена на утверждении прошлого, этот их культ почитания предков, делающий

страну страной мертвецов, страной, где командуют мертвецы. Студенты токийского государственного университета, в анкете на вопрос, как они мыслят свое жизненное назначение, в подавляющем большинстве ответили, что они социалисты и хотят народить детей, достойных их предков. Как известно из любой книжки в Японии, самым чтимым в Японии являются дети, эта переходная ступень к отмиранию, где смерть почетна, как рождение. Психика японского народа построена на утверждении смерти, — страна, управляемая мертвецами!

«Япония презирает боязнь индивидуальной смерти. Те военнопленные, которые вернулись после русско-японской войны на родину, были преданы презрению, — эти, «не сумевшие найти времени распороть себе живот», — от них отказались их семьи. В шестнадцатом веке в Японию проникло христианство, которое было там запрещено. Христиан узнавали просто. Подозреваемым предлагали пройти по образу богородицы со христом. И христиане-японцы отказывались идти по образу Христа. Тогда их душили, распинали или бросали в кратеры вулканов. К слову сказать, о жестокости. Во Владивостоке японцы в двадцатом году бросали русских коммунистов в паровозные топки.

«В морали европейских народов, несмотря на их присутствие, аморальными считались и почитаются — сыск, выслеживание, шпионаж: в Японии это не только почетно, но там есть целая наука сыска, называемая «синоби» или «ниндзюу»¹. Пусть каждый европеец знает, что, как бы он

¹ Глосса Кима.

Синоби (ниндзюу, дзиндзюу) — искусство, сделавшись совершенно невидимым, незаметно проникать в неприятельский лагерь или в чужой дом: замаскировавшись, проникать на неприятельскую территорию и заниматься тайной разведкой». (Из толкового словаря японского языка «Гэнкай» профессора Оцуки. Изд-во «Хакубанкан», Токио, 1922, 18-е издание).

«Строго соблюдая церемонии, Киритаро обучил Дзырокити магическому искусству пяти способов делать себя невидимым; это искусство — ниндзюу — теперь заметно поколеблено благодаря развитию точных наук, но все же до сих пор применяется; в прежние времена в периоды войны усиленно пользовались лицами, знавшими искусство это». (Из биографии великого вора-покровителя бедных Надзумикодзо Дзырокити, казненного в 1832 году. Изд-во «Йосикава-Кобункан», Токио, 1922, 473-е издание).

«Задолго до русско-японской войны японцы широко развили шпионаж не только на Дальнем Востоке, но и в Европейской России. Во

ни сидел на своих чемоданах, они будут просмотрены теми, кому надлежит. Здесь порождается легенда о том, что каждый японец за границей — обязательно государственный шпион».

«О иероглифах. — В японском языке нет звука «л». Оно заменено звуком «р». Фонетика японского языка не любит двух согласных рядом. Русское слово Владивосток японцы произносят Урадиосутоку. Вежливость и понятия о человеческих отношениях указывают японцам произносить имя и фамилию с приставкой сан. Эта же частица сан, представляемая к каждому человеческому имени, а к другим, по нашим понятиям неодушевленным предметам, в случаях исключительных, — эта частица никак не есть нечто соответствующее нашему гражданину или английскому мистеру. Частица сан указывает, что собеседник, беседуя с вами, обращается не к вам, а к вашей тени, к вашему второму духу, не желая беспокоить вашей субстанции, дабы дух ваш почил по вашей воле, никак не омраченный собеседником.

«О иероглифах: — тем паче, что многое надо оставить на совести тех, которые утверждают, будто японцы и китайцы мыслят кроме европейских способов образами, словами, понятиями, прочее, — мыслят и иероглифами. Иероглиф Японии — точнее Ниппон — Страны Восходящего Солнца — корень солнца.

«Иероглифическая письменность совершенно не варварственна, как многие думают. Дело в том, что если бы я, не знающий китайского, японского и испанского языков, и мексиканец, не знающий японского, китайского и русского языков, — если бы мы изучили иероглифическую грамоту, мы-бы, без знания языков, сумели-бы списаться и понять друг друга, — я, китаец, японец и мексиканец. Иероглифы не записывают звуки, но записывают понятия. Понятия ж у всех народов одни и те же, стол есть стол, как его ни на-

Владивостоке, в Хабаровске, в Харбине, в Порт-Артуре многие рестораны, гостиницы, магазины и торговые конторы были переполнены японскими шпионами под видом прислуги. Русским в голову не приходило, какая огромная паутина японского шпионажа окутывала их везде на Дальнем Востоке. Мы не могли представить себе, чтобы японские офицеры генерального штаба лично работали в качестве шпионов под видом парикмахеров, приказчиков и даже домашней прислуги у русских генералов». (Из книги В. Латынина «Современный шпионаж и борьба с ним». Москва. 1925. Госвоенизд-во).

зови. В японском словаре пятьдесят тысяч иероглифов. Курс средней школы — четыре тысячи двести. Курс начальной школы — тысяча восемьсот. В газетах — две тысячи пятьсот иероглифов. Изобразительных иероглифов — около трехсот. Квадрат, пересеченный горизонтальной чертой, — солнце; русское печатное и, пересеченное двумя горизонталями — луна; иероглиф луны, поставленный рядом с иероглифом солнца, — яркий, светлый. Кривая палочка, подпертая другой маленькой кривой, — иероглиф человека. Две палочки под прямым углом пересеченные округлой (рука, нога, грудь), — иероглиф женщины; два иероглифа женщины рядом — ссора; три иероглифа женщины рядом — государственная измена. Иероглиф тюрьмы изображается так: иероглиф слова, по бокам иероглифы собаки. Японцы взяли иероглифическую письменность от китайцев и употребляют ее и фонетически. Все фонетические иероглифы комбинированные. Фонетический иероглиф барана звучит также, как океан, — поэтому, чтобы обозначит океан, пишут иероглиф барана и приписывают сбоку иероглиф воды.

«Кое-какие мои выписки звучат весело. Но уже не весело а великолепно знать, что человеческим гением, гением Востока, создана такая изумительная грамота, знание которой при знании ее, другими народами, дает возможность общаться с этими народами без знания языков, а при знании языков в эту же грамоту можно влить и живое слово. И, если бы пушки были изобретены не европейцами, а на востоке, я уверен, что мы изучали бы сейчас эту иероглифическую грамоту, уничтожающую смешение языков, вместо того, чтобы корпеть над английским, немецким, французским.

«Утверждают, что люди востока мыслят, кроме наших способов мыслить, еще и иероглифами. Если это так, то это только лишний плюс их мыслительного аппарата. Знаю, что чем культурнее японец, тем больше он прочтет в иероглифе, тем больше для него раскроет иероглиф. И знаю, что на востоке есть вид искусства, непонятный нам, когда поэт или философ, или ученый создает такой новый комбинированный иероглиф, над которым можно сидеть часами в благородном изумлении, как над шахматным ходом, следить за линией, написанной тушью и кисточкой, вдыхать запах каракатицы (из коей добывается тушь) и открывать смысл человеческого гения в этих линиях и чертах.

«В Токио я был в храме императора Мэйдзи, того императора, который вывел Японию из феодализма, дал конституцию, разбил в 1904-ом году россиян и умер в 1912-ом году, обстроившись храмами после смерти. В храме императора хранятся его кабинет и его письменные принадлежности. Эти письменные принадлежности совершенно таковы-ж, как в кабинете профессора Йонэкава. Я рассматривал такие-ж письменные принадлежности на почте, на станциях, в сельских трактирах и в столичных отэлах. Везде они одинаковы: лакированная коробочка величиною в двухфунтовую шоколадную, в которой лежат — палочка туши, камень на котором растирается тушь, сосудик, в котором хранится вода, и штук пять разных сортов кисточек. Сидя на полу и пододвинув к себе столик высотой в нашу ножную скамеечку, держа навесу руку, японцы пишут своими кисточками свои иероглифы. Понятия чистописания и рисования у них сливаются. Сигэмори-сан, с которым я путешествовал на Синсю, каждое утро и каждый вечер посылал домой открытки; он писал их лежа. Я спросил, как он пишет свои книги? — Он ответил, что он всегда пишет лежа. В Японии всеобщая грамотность, там, кроме идиотов все обязаны быть грамотными. При первой встрече все дают визитные карточки, при второй надо меняться автографами, изречениями, вежливым словом, написанными на бумаге. Я писал десятки изречений и на картоночках для танка, и на квадратных картоночках, предназначенных для изречений, и даже на какэмоно. Однажды в поезде, по пути из Токио в Кобэ, ко мне подошел с такою карточкой проводник вагона, поклонился так, как кланяются японцы, руки на колени, в шипении, и попросил от меня, писателя, моего изречения и автографа моего имени. Когда где-нибудь в провинции открывается выставка или у какого-нибудь озера, куда зимой никто не ходит, собираются паломники природы, — тогда сейчас-же там открывается почтовое отделение, закрывающееся вместе с выставкой и на дождливые дни... И всегда около почтовых отделений и на углах больших городов сидят такие люди, которые умеют красиво писать и красиво выражаться. Эти люди за сэны пишут красивые иероглифы и очень вежливые слова... А в поезде по Сибири со мною ехал японский концессионер. Он выучил меня первым японским словам, тому, что благодарить надо так:

«— Домо-аригато-годза-имасу, —

«при чем слово «аригато» значит спасибо, а «домо», «годза-имасу» ничего не значат, просто вежливые приставки. Можно сказать — аригато. Можно сказать — домо-аригато, — это будет повежливее. Домо-аригато-годза-имасу — совершенно вежливо. Так-вот этот концессионер от времени до времени склонялся над бумагой. Я добивался, что он пишет. Он скромно сообщил мне, что он пишет танка. Я просил перевести мне его танка. Одну танка я запомнил.

«Вот она:

«Мы перевалили Урал.

Мы в Азии.

Земля в снегу.

На станциях русские

Бегают с жестяными чайниками».

«Х а р а к и р и. — Я был в доме маршала Ноги, в том доме, где он вместе с женою сделал себе харакири, в том доме, около которого теперь храм маршала Ноги. Этот дом теперь — достояние музеев. Храм около дома — достояние молящихся. Ноги — национальный герой. Ноги — это один из маршалов, побивших Россию.

«Таинственная, непонятная история! — Маленькая страна, населенная людьми с веерами, живущими в домах без столов и стен, поедающая рис и раков палочками, отождествляющими душу мужчины с цветком вишни, — страна, которая на глаз европейца всеми своими красотами кажется театральной декорацией, да еще такой, которую видишь сквозь бинокль, приставленный объективами к глазам той стороной, которая уменьшает. У Японии была фантастичнейшая эпоха, когда с начала семнадцатого века на два с половиной столетия до середины девятнадцатого Япония заперлась для внешнего мира. В те столетия, когда земной шар пошел колесить океанами, Япония жила при двух монархах, при бессильных и божественных тэнно и при всесильных и земных сьогунах Токугава, запертая на своих островах, консервируя свои тысячелетия, свой феодализм, свои храмы и своих самураев. Все это было семьдесят лет тому назад, когда американский киммодор Пирри пушками, а русский адмирал Путятин страхом своей эскадры впервые «отперли» для мира Японию. С Путятиным, к слову, на фрегате «Паллада» был писатель Гончаров. Эпоха япон-

ского затворничества называется эпохой Токугава. Эпоха выхода в мир называется эпохой Мэйдзи. Императором Мутсухито был уничтожен сьогунат, была дана конституция, были построены дредноуты. Эту эпоху японцы называют эпохой реставрации, — ее следует считать революционной эпохой. Одним из ближайших сподвижников императора был маршал Ноги. В дни, когда умер император Мутсухито, переименовавшись после смерти в Мэйдзи, накануне похорон — маршал Ноги совместно со своею женою сделал себе харакири. Это было в 1912-ом году.

«Я проходил мимо парка и проулочка, ведущего в парк. Я пошел туда. Там стоит небольшой домик, по-европейски в роде тех, где по уездам живут врачи и агрономы. Там вокруг дома проложена галлерейка, откуда видна внутренность дома. На глаз европейца — пустой дом. Ни одного стола, ни одного стула. Пол покрыт татами (цыновками). Какэмоно на стене. Туалетный столик в комнате жены, такой, перед которым надо одеваться сидя на полу. Письменный стол маршала, такой, за которым надо писать сидя на полу. И все, больше ничего. В угловой комнате указаны места, где сидел маршал и его жена в момент, когда они сделали себе харакири. Там в углу трубкой свернуты цыновки, залитые кровью маршала и его жены. Они перед смертью сидели на полу посреди комнаты, около хибати.

«Маршал и его жена перед смертью написали танка. Быль жизни маршала Ноги и его смерть — суть экстракт понятий японского самурайства о чести и правильности жизни. Маршал Ноги — национальный герой, патриот и гражданин своей родины. Обстановка его дома, тот быт, в котором он жил, — до аскетизма просты. И до аскетизма проста его смерть, ставшая над смертью. Вокруг дома маршала Ноги растут тенистые деревья, вишневые деревья, кои в Японии величиной с березу, цвет которых есть символ, души мужчины. Вишневые цветы в Японии — делают себе харакири, то-есть особым тонким ножом разрезают себе живот!..

«Всё это было утром. К часу приехал профессор Нобори и мы поехали на могилу сорока семи самураев. Там, опять под деревьями, стоят камни, сорок семь камней. Там бьет из земли ключ, в котором эти сорок семь обмывали отрубленную голову того, из-за которого эти сорок семь рониюв

сделали себе харакири. Там есть музей, где помещены остатки одежды этих самураев. У японцев ко всему музей и выставка, в этой стране мертвецов. Там у могил я не смог долго быть, у меня стала кружиться голова от дыма сандаловых курений, тлеющих перед каждой могилой, от этого синего дыма которым очень пахнет Япония от которого следует — на мой нос — задыхаться. Сорок семь самураев поклялись отомстить за своего даймио, обиженного приближенными сьогуну, при чем их даймио впал в немилость сьогуну или что-то в этом роде. Двадцать один месяц эти сорок семь человек искали случая убить обидчика их барина, нашли, убили — и не нашли нужным об этом скрывать, собрались вместе на будущей своей могиле, оповестили о своих делах, сдались на милость сьогуну и — все вместе, два месяца спустя — одновременно сделали себе харакири. Теперь они обожествлены. Их смерть — сюжет самурайских гордостей, романов, поэм, драм, кино. Около могил сорока семи самураев — маленькая ярмарчишка. Я там купил лубков, изданных в память этих обожествленных людей, ставших в понятиях национального геройства в ряд с маршалом Ноги.

«Йосивара, ойран, гейши. — Я осматривал публичные дома и притоны Берлина, Лондона, Константинополя, Смирны, Шанхая. И везде в этих публичных домах и притонах одно и то же: окончательное обнажение всего что принято человеком скрывать и что принято считать европейской честью. Там, в этих кварталах, главным образом в алкоголе и — решаяще — в похоти, ставшей как алкоголь, до судорог доведено всяческое издевательство над человеческой личностью, там судорогой бродит испепеляющее проклятье, пороки, мерзость, сифилис и грязь.

«И я был в Йосиваре, в районе токийских публичных домов. Йосивара — точный перевод — счастливое поле. И никогда, ничто меня так не ошарашивало, как Йосивара, — совершенной для меня непонятностью. В этом районе все было залито светом. В тесноте улиц шли дети, школьники, что-то покупали и мирно разговаривали. Проходили матери. Под вишневыми деревьями, в шалашиках, торговали продавцы. Шли с работы и на работу мужчины. Было совершенно обыкновенно, только больше, чем следует, свету, только чуть-чуть теснее. И у домов, около хибати, выстав-

ленного наружу, грея руки и не спеша, сидели мужчины, посвистывая и пошипывая, те мужчины, у которых можно посмотреть фотографии ойран, проституток. Мы входили во многие дома, без водки, в тишине, мы разувались, нам в ноги кланялась пожилая женщина. В тишине дома мы проходили в комнату, где нам приносили чай, мы садились на пол. И тогда проходили дэйоро, ойран, абсолютно вежливые, как все японки, совершенно трезвые, тихие, улыбающиеся.

«И вот то, что на улице совершенно обыкновенно ходят дети и торгуют торговцы, что эти женщины не пьяны, нормальные, вежливо приветливы, — это и было окончательно ошарашивающим, вселяющим в сознание такое, что мне, европейцу, указывало бóльшую нормальность в смиренных тартушах и берлинских нахт-локалах, чем в Йосиваре.

«Только после землетрясения 23-го года упразднены празднества Йосивары, когда в Йосивару стекались тысячи людей, женщины из Йосивары, украшенные вишневыми цветами шли процессией и всенародно здесь избиралась красивейшая ойран. Но первая лицензия, данная на постройку домов после этого землетрясения, дана была — Йосиваре. Тогда шумелось в газетах и установлено было, что Йосивара — общественно-необходима для здоровья нации и для сохранения устоев семьи в первую очередь. Лицензии, выдаваемые государством на право проституции, есть статья государственного дохода, никак не аморальная. Все народное творчество имеет сюжеты, связанные с Йосиварой, — нет спектакля в классическом театре, где не было-бы эпизода из бытия Йосивары. Каждый дом в Йосиваре имеет длинную свою и почтенную историю, свои исторические анналы. Город Фукаока гордится собою — тем, что в нем появилась первая проститутка. Она была самурайкой, могила ее чтится, и на могиле ее каждый год бывают торжества. Спрашивают девочку: «кем ты хочешь быть?», — и девочка отвечает: «женщиной из Йосивары!» Если бы я узнал, что я существую за счет сестры-проститутки, если бы я не застрелился, то наверняка много бы мучился этим. Если бы я был японцем, это было бы в быту.

«Часть женщин в Йосивару идет по призванию, по склонности. Других туда продают отцы и мужья. Потом выйдя из Йосивары, эти женщины или выходят замуж, или воз-

вращаются к своим мужьям. Это никак не позор быть женщиной из Йосивары. Проституция очень часто бывает товаром, которым торгуют для поправления бюджета.

«Нация позаботилась, чтобы дело проституции было в хорошем состоянии. Частной проституции — нет. Проституция огосударствлена. В коридорах публичных домов висят, в абсолютном порядке, кружки с марганцовокислым калием. В витринах выставлены катетры, половые органы из папье-маше, проверенные медицинским надзором и полицией. Частно-практикующим проституткам лицензии на проституцию не выдаются. Проститутки собраны в Йосиваре. Йосивара — имя собственное, присвоенное району публичных домов Токио, такие же районы под другими именами разбросаны по всей Японии.

«Пол»¹ упирается в метафизику. И недавно еще кое-где в Японии при храмах были жрецы — божественные проститутки. Кадр этих женщин возникал и по призванию и по рождению. Через них люди прикасались к богам. Тай-ю — высший титул проститутки. Буддийский первосвященник, глава Хонгандзи, женатый на принцессе крови, имевший титул Восседающего на тигровой шкуре, — имел право на Тай-ю, и в регламентные дни Тай-ю приезжала к Восседающему.

«К половому акту японский народ относится, как к священнейшему и естественнейшему делу, никак не позорному. У японского народа до сих пор сохранился фаллический культ. Ярчайше выражен в Японии мир мужской половой культуры. Мораль и быт японского народа указывают, что женщина никогда не принадлежит себе. Родившись, она есть собственность отца, потом мужа, потом старшего сына. И та женщина, судьба которой судила ей быть матерью, — есть только мать, ибо священнейшее у японского народа — дети. Она не должна крикнуть при родах. На свадьбе родители ей дарят нож и икру, — икру, чтобы она плодилась, как рыба, — нож, чтобы она знала подчинение мужу, путь от которого — ножом — в смерть. А в те дни, когда она беременна, она ведет мужа в Йосивару. Но женщина может быть бездетна, — тогда это повод или к разводу, или к тому, чтобы — жена же — озаботилась поисками налож-

¹ Абзац написан по справке профессора Е. Г. Спальвина.

ницы, мэкакэ. Институт мэкакэ жив до сих пор, ряд министерских и парламентских деятелей имеют мэкакэ.

«Но у мужчины есть потребность в прекрасном, в вечной женственности, в общении с умной женщиной, с другом-женщиной, товарищем-женщиной, советником, поучителем.

Тогда он идет к гейше. Института, аналогичного институту гейш, нет в западной культуре. Там, в чайном домике, мужчину встретит прекрасная женщина. Она поклонится ему так, как требует этого искусство. Она проведет с ним чайную церемонию. Она будет с ним весела, беззаботна, остроумно и умно беседовать. Она споет ему старинную песенку, протанцует тихий и прекрасный танец, она сыграет ему на сямисэне и кото. На пороге чайного домика насыпана горка белой соли, — символ чистоты и целомудрия. Веселые, улыбающиеся гейши нальют и вновь подольют сакэ, всяческой грацией уклонившись от своей чашечки. Однажды, узнав что у меня болит голова, гейша сделала мне головной массаж. Она положила мою голову к себе на колени, мяла и гладила мою голову белыми своими ручками. И я встал с ее колен помолодевшим. Однажды (ведь японцы всегда и везде фотографируют, подобно американцам) в компании японских писателей мы снялись с гейшами. Я положил свою руку на плечо гейши. И наутро я увидел себя в газете — именно так, с рукой на плече женщины. Я было взволновался. И успокоился. Ибо сняться в такой позе с гейшей — честь, никак не «потеря лица». Гейша дает свою визитную карточку, имена гейш так же чтимы, как имена писателей.

«Я прихожу в чайный домик с моею европейской спутницей. Там, за домиком тишина и ночь. Здесь тихо и светло. Мы снимаем свою обувь. Друзья писатели заказывают ужин. Приносят горячее сакэ. Приходят гейши, эти женщины, похожие на цветы. Одна из гейш садится около меня, наливает мне сакэ. Я рассматриваю ее руку. Она смеется в смущении, прикладывает кулачок к виску, топорщит указательный палец на подобие рога и говорит плутовато, чуть-чуть недоуменно: «оку-сан...» — и усердно топорщит свой пальчик. Это значит, что в мою спутницу может вселиться злой дух, непонятный гейше, живущий только у европейцев, — дух ревности.

«Гейша — это женщина мира искусств, красоты и ума.

К гейшам надо идти, чтобы касаться прекрасного. Не менее прекрасны тайны пола. Но это уже не гейши: после гейш надо ехать к ойран. И было: мы были у гейш, с нами была моя европейская спутница, мы очень веселились, мы пели вместе с гейшами, писатели танцевали самурайские танцы и читали старинные баллады, — и сказали мне, чтобы в следующий раз я не брал мою спутницу, ибо такой прекрасный вечер преступно не кончить ойран, старые писатели недовольны.

«Быть гейшей — это призвание. И это — на всю жизнь. Быть гейшей — честь. И для того, чтобы быть гейшей, надо учиться с малых лет.

«Я был в школе гейш, Это было на берегу моря, и море уходило в лиловую тьму. В доме были только гейши, только женщины, молодые, средних лет, старухи. На сцене и на дороге цветов были девочки, от пяти лет, — будущие гейши. Они танцевали, пели, кланялись, разыгрывали пьеску. Старшие смотрели на свою молодую армию. Кроме школьной учебы гейши должны уметь петь, играть на сямисэне, должны изучать чайную церемонию, изучать тайны вязания цветов со всеми символами. Должны постигнуть тайну искусства беседовать.

«Веснами, в дни цветения вишни, этого национального цветка Японии, символа весны и мужской доблести, гейши объезжают все города, корпорациями в несколько сот человек. И в этих городах, в лучших театрах ломятся двери от тех, кто хочет посмотреть на действо гейш. О гейшах пишут в газетах, их имена славны. Великие, знаменитейшие гейши влияют на государственную политику. На интимные банкеты государственных деятелей приглашается не жена, а любимая гейша того, в честь кого дается банкет. Гей-ша — точный перевод — посвященная искусству.

«Иные гейши выходят в замужество. Например государственный деятель эпохи Мэйдзи был женат на гейше. Иные, кроме патента на гейшество, берут патент на ойран, — тогда до конца дней они остаются в почетной свободной любви, эти единственные свободные в Японии женщины. Институт гейш в Японии очень древен, — и слово «гейша» — новое слово, ибо оно существует только с токугавской эпохи, ибо раньше гейши назывались сирабьоси, что значит — белый, чистый тон.

«Это выдумка европейцев, что в японском языке нет слова любовь. Есть, в десятке вариантов. И выдумка европейцев, дальше порта не забиравшихся, — нелепица о срочных японских браках: японцы о таких не знают.

«Но совершенно не выдумка, что японский народ не стыдится обнаженного тела и естественных отправлениях человеческого организма. В Икахо однажды, у сернистых источников, я услышал женский писк, присущий только европейкам, — я пошел расследовать и установил, что к моей спутнице в ванну собирались лезть мужчины-японцы. У японцев нет понятия мыть лицо и руки так, как это делают европейцы. Они каждодневно обмываются с головы до ног. Поэтому в каждом доме есть бочкообразная деревянная ванна. Воду в ванну наливают такой горячности, что я в такой воде сварился бы. А поскольку у японцев все наоборот, — вытираются они не сухим полотенцем, а мокрым, тем самым, которым они мылись, которое служило мочалкой. В городах, где никак не уберешься от озорства европейцев, сейчас общественные бани разделены, женщины моются отдельно, но банщики в женских отделениях — мужчины. Уборные в Японии — общие, и помню, как фраппированы были моя спутница и миссис Гиршбейн, жена американо-еврейского писателя Перетца Гиршбейна, когда в театре заместитель Осанаи по Цукидзи Такахаси-сан, приведши их к уборной, со всею вежливостью французского языка предложил им в уборную проследовать, — они прошли сквозь строй мужчин к кабинам, — и через минуту Такахаси постучал им, сообщив, что мужчины, то-есть мы, отправляются в ресторан.

«До сих пор еще невесту жениху приискивают родители, всячески беря на себя ответственность. Еще так недавно, во времена Токугава, тот нож, который родители давали невесте, был неминуемым порогом из дома мужа. Вдова называется — умерший человек. Теперь в самурайских и цеховых семьях этот же нож является и порогом для девушки, раньше воли отца отдавшей свое целомудрие. — Но за городом, в деревнях, до сих пор сохранился праздник пришествия покойников с того мира, — бон, — июльский праздник созревания ячменя. К ночи тогда зажигают на дворах фонарики, чтобы осветить дорогу покойникам. Люди в полях пляшут хороводы, в мугикокаси — в хороводе «па-

дения ячменя». И эта ночь свободна для совокупления сельчан. Если в эту ночь у девушки нет любовника, родители нанимают его, чтобы их дочь не была опозорена любовью. И до сих пор, — утверждает профессор Е. Г. Спальвин, давший материалы для абзаца, — сохранился кое-где в деревнях обычай общего обладания девушкой до брака, когда только после брака девушка переходит в единоличное обладание мужу, — причем она за это платит обществу «первой ночью» в честь богини Каннон, богини милосердия.

«Тысячелетия мира мужской культуры совершенно перевоспитали женщину, не только психологически и в быту, но даже антропологически. Даже антропологический тип японской женщины весь в мягкости, в покорности, в красивости, — в медленных движениях и застенчивости, — этот тип женщины, похожий на мотылька красками, на кролика движениями. — Даже жены профессоров, европейски образованных людей, встречали меня на коленях. — Она дайгаку — великое поучение для женщин — японский домострой — учит навсегда подчиняться отцу, мужу, сыну, — никогда не ревновать, никогда не перечить, никогда не упрекать. И в каждой лавочке продаются три обезьяны, символ женской добродетели: обезьяна, заткнувшая уши, — обезьяна, закрывшая глаза, — обезьяна, зажавшая рот. Так решили философию пола — буддизм, феодализм, восток, — и это живо до сих пор».

«Дневники с Синсю. — ... Я проснулся на рассвете, и я не сразу понял, где я. Было кругом темно, и рядом шел петух, петуху отвечали другие петухи, и так же рядом шел соловей. Эти звуки были похожи на звуки русской деревни. Я осмотрелся. Сводзи — бумажные стены — были сдвинуты, и верхушка их горела красными полосами восходящего солнца. Хибати потухнул, было холодно холодом апрельского рассвета. Рядом со мною на полу, на татами, на циновках, в кимоно спали Сигэмори и Канэда. И я понял, я в Японии, путешествую по Синсю, ночью в доме крестьянина-писателя Тития-сан. Я лежал так же, как Сигэмори и Канэда, в ватном ночном кимоно. На полу в полумраке были разбросаны книги, которые мы рассматривали с вечера.

«И я очень больно стал думать о том, что вот те петухи

и соловей, которые разбудили меня, поют совершенно так же, как петухи и соловьи в десятке тысяч километров отсюда, на моей родине, в России, — и почему так случилось, что люди говорят и живут по-разному? —

«Роса рассвета не задерживалась бумажными стенами, я двинулся, и на меня посыпались капли росы.

«Эти дни — очень странные дни. Японцы, даже мои друзья, не говорят нет — этого не допускают их традиции, и, когда надо сказать нет, они не понимают и не слышат меня. Мы идем из дома в дом, горами, в японских Альпах, в версте над уровнем моря, наш маршрут составлен японскими писателями, у нас для каждого дома есть письмо. Наш маршрут неизвестен полиции, полиция следит за нами в расстоянии версты. Поэтому нас встречают везде очень сердечно. Но через полчаса после нашего прихода в ворота вползает ину, собака. Хозяин куда-то уходит. И между нами и хозяином вырастает стена. Мне не говорят нет, но понятно, что оставаться здесь уже нельзя. И мы идем дальше. Тития-сан оставил нас ночевать.

«Все эти дни я жил, пил и ел по-японски, — и все эти дни я хотел по-японски думать и видеть. — Горные тропинки и горные трактиры — всегда прекрасны. У Янагисава-сан мы рассматривали японскую старину, и он подарил мне наконечники от древних стрел, еще айноских, кремневых, — и он водил меня на свои раскопки, к памятникам айносов, древнего народа, населявшего Японию. Там были солнце, сосны и бодрый с океана ветер. И Янагисава показывал мне вишневые карликовые деревья, в поларшина величиною и в десятки лет от роду. Очень долго, тоннелями, мостами через пропасти, прекраснейшими пейзажами — от заповедной до вечера — поездом мы ехали в Камисуа, к минеральным источникам, к гейзерам. Все было, как следует: на станции встретил шпик, сопровождавший передал нас ему, — в гостинице было много народу, — из гостиницы, когда открыты съодзи, видны бассейны, где купаются люди в воде, выброшенной гейзером, мужчины и женщины, разделенные решеткой. За день было очень много солнца, пути и раздумий, — и мы заснули под рожок продавца и под пение гейш за стеной. Утром мы ели рис, суп из морских водорослей и соленые сливы.

«Вчера мы были в городе Комуро, туда мы ехали целый

день горной железной дорогой. Мы остановились в гостинице Ямосирокан — Горный замок. Гостиница стоит на развалинах замка. В вечерней ясности дымился вдалеке вулкан. Ходили к человеку, к которому было рекомендательное письмо от писателя Симадзакки, к местному корреспонденту токийских газет. Не застали дома. В пожарном депо в городке он развешивал картины, устраивал выставку. На завтра в городке празднества в честь их прежнего феодала. Фамилия феодала — виконт Макино. Выставка приурочивалась к празднествам. Пошли, поехали на выставку, на рикшах, при чем говорить рикша — неправильно, — надо говорить курима. На выставке нас поили чаем. Заходили на почту. Все почты на земном шаре, должно быть, пахнут одинаково — сургучом и чиновничеством, и за стеной должен стучать Морзе. Шли по тихим улочкам, по удивительной этой японской тишине падающих с гор ручьев. Вышли на дорогу к вулкану, куда ходят молиться. Вернулись в гостиницу, в развалины замка. Феодал виконт Макино приехал с вечера, остановился в той же гостинице, где и мы, — на развалинах того самого замка, со стен которого так недавно — семьдесят лет тому назад — правили округом его отцы. В душе виконта я не копался. Прислужница, которая оказалась женщиной с высшим образованием, филологичкой, бегала от нас к виконту и рассказывала: — «пошел в бочку — приказал подать ужин — сакэ, — его жена потребовала себе пирамидона, очень разболелась голова».

«Феодал будет завтра на общественном молении и на выставке. Затем он уедет в Токио, чтобы вернуться сюда через год.

«По обычаю японских гостиниц, нам дали гостиничные кимоно, — и по обычаю японцев не мыть руки и лицо, а мыться с ног до головы, мы пошли в бочку, вода в которой градусов на сорок пять по Реомюру. Вымылись. Наша прислужница забегала к нам в ванну, чтобы сказать, как хорошо поет феодал. В нашей комнате мы раздвинули сьодзи. За стеной замка, под обрывом расстилалась долина, небо очерчивалось горным хребтом, в долине и по горам горели электрические огни, — и только в Японии мною виденная была прозрачность синего воздуха, такая синяя прозрачность которая уничтожает перспективы, лаковая синь, лаковая прозрачность. Во мраке пели птицы. Из-за

угла гостиницы, с развалин наугольной башни, долетали слова женщины, очень нежные. По-японски, в кимоно, мы сидели на полу. Нам принесли ужин, сырой рыбы, супа из раковин, маринованной редьки, рису, сакэ — японскую водку. Приходил фотограф от местной газеты, фотографировал. Затем прислужница приносила громаднейшие папки бумаги, где расписывались все знаменитые гости этой гостиницы. Она показала нам танка, только-что написанное феодалом. И тогда нам принесли подстилки и ватные ночные кимоно. Всю ночь пели птицы, в прозрачной сини было видно, как дымит вулкан, села роса, и долго не смолкал женский голос.

«Утром бродили по замку. На военном плацу ныне теннисная площадка, забитая детворой. Рисовые склады, богатство феодалов, развалины. Когда с тобою говорят без нет, тогда и да кажется не убедительным. Ужасно, когда ты не понимаешь, что с тобою творится и что с тобою будет, — и когда твоя воля обессилена. Полиция уже была и успела нагадить.

«Тогда пришел крестьянин и попросил к себе в дом. Его дом стоит триста лет. Его род всегда был родом слуг феодала. И мне показывают саблю, которой 600 лет, родовую саблю. В этот дом мы входим по всем японским правилам, скинув на пороге башмаки, поклонившись в ноги хозяину, который так же, в ноги, поклонился нам. И прежде, чем осмотреть этот крестьянский дом, которому триста лет, на полу мы садимся за чай, за чайную церемонию. Священнейшее в доме и фундаментальнейшее, — то место, где хранится рис. Ни коров, ни лошадей в хозяйстве нет, и нет стойл для них, ибо их никогда не было. На кухне дым от хибати идет в потолок. Мне принесли книгу, чтобы я расписался в ней на память. Полиция пришла следом за нами, выросла стена, в которой нет подразумевается. Я ничего не понял. Мы ушли. Наш интеллигент больше уже не показывался. Опять пили чай на выставке, смотрели картины.

«И оттуда пошли старым самурайским шоссе, в солнце и ветре, и в запахе сосен, в деревню Осато, к писателю-крестьянину Тития. Поля обложены плотинами из камней, поля для риса, выверенные ватерпасом и охолоенные руками. Многие нас обогнали велосипедисты. Однажды мы обог-

нали корову, запряженную в двуколку. Полиция обогнала нас по дороге к Тития, и, все-же, он принял нас, молчаливый человек с лицом философа и с руками рабочего. Мы поклонились его дому. Он провел нас в лучшую комнату. По дороге туда я расспрашивал про деревню Осато. Там шестьсот пятьдесят домов, три тысячи пятьсот человек жителей, три школы — первоначальная, реальное, гимназия, — дети учатся вместе, — шелкопрядильная фабрика, мыловаренный завод (мыло производится из личинок шелкопряда), — медоводство, — кролиководство, — электричество. Везде, везде в Японии в домах и на дворах полированная чистота. Посреди двора Тития красовался эмалированный писсуар, чтобы собирать мочу для удобрений.

«Полиция опередила нас. Тития принял нас. Остаток дня мы бродили по полям вокруг Осато, на кладбище, около храмов, у водопада. Попржнему дымил вдали вулкан. Люди проходили мимо меня, считая меня пустым местом.

«И очень странный, должно быть, единственный в моей жизни был у меня вечер. Мы, — Тития, Сигэмори, Канэда и я, — мы сидели в доме Тития-сан у хибаты. Тития был непонятен мне, как все японцы в первую встречу, которых я не умею понимать сразу. Мы говорили с ним через переводы Канэда и Сигэмори. Мы пили сакэ. Японцы после третьей чашечки сакэ багровеют, их глаза наливаются кровью. Тития показывал свои фотографии, книги и альбомы, где на память ему писали его друзья художники и писатели. Все было так, как должно было быть в Японии. И тогда в торжественности и строгости, в жесткости глаз, налитых кровью, Тития сказал такое, что я не понял сразу.

«Сигэмори и Канэда перевели мне:

«— Отец Тития-сан был убит русскими, в Мукдене, в русско-японскую войну. Тогда, мальчиком, Тития поклялся отомстить за отца первому русскому, которого он встретит, убить первого русского, которого он встретит. И первым русским, которого встретил Тития, был — я. Он должен был убить меня. Но он — Тития — писатель, и я — писатель. Он, Тития, знает, что братство искусства — над кровью. И он предлагает мне выпить с ним братски сакэ, по японскому обычаю поменявшись чашечками, — в память того, что он — Тития — нарушил клятву.

«Нехорошо прийти в дом, в тот дом, где твои соотечест-

венники убили человека... Я проснулся на рассвете под пением петухов, в доме Тития. Вчера я написал ему — кисточкой, тушью — какэмоно о наднациональных культурах и о братстве. А сейчас, в этот соловьиный рассвет, я думал о том, почему соловьиный этот рассвет похож на наш русский, но говорим мы по-разному, когда птицы говорят одинаково.

«Я поднялся, раздвинул съездки. Над землей происходил фарфоровый японский рассвет. Роса тяжелыми гроздьями умыла цветущее дерево магнолии. Магнолии пахли, как подobaет, мертвецами. В кимоно, я всунул босые ноги в гэта, в деревянные скамеечки, на которых ходят японцы, и — один, без друзей и полиции, пошел к горам повстречаться с рассветом. Рядом шумел ручей. Внизу, под обрывом, хлопотала река. Каменной лесенкой я прошел в рошцу азалий, сгорающих красною тяжестью своих цветов. Каменная тропинка вела на кладбище. За мною никто не следил, единственный раз в Японии. Вдалеке дымился вулкан. Направо и налево уходили горы. Рядом с мною были рисовые поля. Глубочайшая была тишина. Кладбище заросло печально бамбуков. Около кладбища стоял храмик — величиной в нашу собачью будку, не больше. Я посидел у храма, покурил и пошел дальше, к платановой роще, без дороги, кустарниками. И там я увидел таинственнейшее в природе человека. В чаще деревьев около храма стояла на коленях женщина, женщина обнимала клиноподобное каменное изваяние, лицо ее было восторженно. Она молилась. Я видел, как женщина поклонялась фаллосу. Я видел таинственнейшее в мире. Я не стал мешать женщине, этой женщине в бабочкообразном оби, японском поясе, на деревянных скамеечках, с непонятною для меня красотою лица.

«И тогда я думал, что надо написать рассказ, как Япония — затянула, заманила, утопила, забучила иностранца, точно болото, точно леший, что ли. Всем сердцем я хотел проникнуть в душу Японии, в ее быт и время. Я видел фантастику быта, будней, людей — и понимал, что вся эта страна, недоступная мне, меня засасывает, как болото, — тем ли, что у нее на самом деле есть большие тайны, — или тем, что я домлюсь в открытые ворота, которые охраняются полицией именно потому, что они пусты. Та тема, которую ставили себе все писатели, побывавшие в Японии,

тема о неслиянности душ Востока и Запада, о том, как человек Запада засасывается Востоком, деформируется, заболевает болезнью, имя которой «фэбрис ориентис», что ли, и все же выкидывается впоследствии Востоком, — эта тема была очередной у меня».

Страницы, написанные выше, написаны писателем не-японцем, но, как очевидно, на японском материале. Писатель Тойохико Кагава, бесспорно, не подписал бы таких страниц. Страницы, выписанные выше в кавычках, написаны писателем Пильняком, Борисом Андреевичем, дай советский бог ему советского здоровья! — И изложены они в книге под названием «Корни японского солнца», написанной Пильняком в 1926-ом году. «Корни» были комментированы в том же 26-м году советским японистом Р. Кимом, комментарии назывались: «Ноги к змее».

Писатель Пильняк 1932-го года доводит до сведения читателей, что его «Корни» — никуда не годятся.

Писатель Пильняк 32-го года просит читателей выбросить с их полок седьмой том его гизовского «собрания сочинений».

Что касается переводов этой книжки, Пильняк просит в первую очередь уничтожить ее японский перевод.

Книга, предлагаемая сейчас, комментарии к «Камням» и «Корням», обвинение писателям, начата цитатами писателем Тойохико Кагава и Пильняка.

Пильняк уничтожает свои «Корни».

Это нужно сделать за счет грамотности.

Это нужно сделать во имя уважения профессии писателя.

Это нужно сделать во имя уважения к Японии.

Писателей порядка Пьера Лоти, Клода Фаррера, даже Келлермана за его путешествие вокруг мира в шесть месяцев и, само собою, Пильняка «Корней японского солнца» — следовало б привлечь к суду за диффамацию, сделать бы им снисхождение по милосердию за их безграмотность, в тюрьму на первый раз не сажать, но — лишить права публиковать свои вещи впредь до обретения грамотности, по-неже литература есть дело общественное, но не паркетное.

Вместе с этим писателями следовало б на скамью подсудимых посадить и глубокоуважаемых ученых исследователей порядка профессора Е. Г. Спальвина и Лафкадио Хэрна и прочих, многим известных, путающих по учености своей, к примеру, за изучением какой-нибудь тысячетлетней Мурасаки Сикибу тысячетелья с сегодняшним днем, и, кроме оной Мурасаки Сикибу, ничего не знающих толком.

Японцам не повезло (но сами японцы токугава-макиносских традиций об этом позаботились и заботятся до сих пор), — очень много наврали о Японии различные европейские писатели, ученые и путешественники.

На самом деле, этакий молодой морской офицер Лоти, человек красивый, воспитанный, прочитавший на своем веку штук сто пятьдесят романов да штук тридцать-сорок специальных книг, — приехал. Приехал и ищет необыкновенного. Злейшее средневековье, которого у себя под носом на родине он не заметил, здесь он принимает за последнее слово народной мудрости, придумывает различные «восточные» и «западные» души, шаманскую ерунду обуваает бергсонианством, «крисчэн-сайнсом», при чем ни шаманов, ни Бергсона, ни крисчэнсайнсных англо-американских тощих вобло-вдов толком он не знает, — и прочее. У себя на родине он такого материала не возьмет, ибо на родине он прогрессист! — у себя он этакое средневековье порицает (с ограничениями впрочем, ибо — чем лучше буддийских бонз католические папы и папские нунции, их преимущества!).

Пьер Лоти, чего доброго, в этом месте сведет разговоры на индийских йогов, как на пуп премудрости. Своего домашнего он такого материала не возьмет и потому, что на домашнем этакое материале не поврешь вдоволь. Изловят. А горячие читатели и читательницы, читающие колониальные романы, бросят их книги за элементарностью, ибо на своем материале они желают Марсея Пруста и Джэмса Джойса.

Действительно, этакий герой, иностранец, поселяется на берегу «Пасифика». Его печаль уходит в дым вулкана. Его радость одинакова с вулканными заревами. Под его скалой дом рыбака. У рыбака дочь. Пояс ее кимоно — как бабочка. Она сама — как мотылек. Ее зовут или «Хризантема» или Сосновая Река. И прочее. А на самом деле кимоно у этой девушки с бабочками или отсутствует вообще, или, ситцевое, хранится для праздников. Отец ее вместе с соседом

плавает в море, в жесточайшей нужде, ловит рыбу. А она с матерью в отливы — по воле нужды — или в старых штанах отца, или с повязкой на половых органах, а то и просто голая, собирает ракушек, чтобы кормиться. Кожа на руках ее толста и вся изранена покусам крабов. Волосы ее связаны, как попало, чтобы не лезли в глаза. Тылом ладони она стирает со лба пот и к щеке ее пристала рыба чешуя. Быть может, ее зовут Хризантемой или Сосновой Рекой, но она замучена кабальным трудом и нищетой, от нее пахнет рыбой. И, вышед на берег, она и не глянет на иностранного писателя, с которым она не только не сможет сговориться, с которым ей вообще не о чем говорить, но который отдален от нее громадной социальной лестницей. Она, если она была в старых штанах отца, безразлично снимет их при писателе, выжмет из них воду, наденет их вновь, промочит в ямке среди прибрежных камней пойманных ракушек и крабов, рассортирует тут же — что на продажу, а что похуже себе на обед — и пойдет своею дорогой. А писатель поедет в Йосивару или в чайный домик, к гейшам или к ойран, вынашивать поэтический образ колониальной дочери рыбака Хризантемы. Эти дети рыбаков показаны вместе с рыбаками, выше, в главах романа Кагава, как мать носила своего ребенка-мертвеца за спиной, — за спиной поэтому, что в Японии, так же, как в Китае, в Монголии, в Таджикистане, на Кавказе, в Персии, женщины носят детей на спине (замечательная деталь для писателя и его философских рассуждений обо всем, что угодно, кроме климата и кочевых прародителей!). Приехав в чайный домик, писатель соврет потом в своем романе, что в Японии существуют браки на срок.

Что касается женских кимоно, делающих женщин похожими на мотыльков, то крестьянская, рабочая, рыбацья Япония их носит только по праздникам или не имеет совершенно. Эта Япония по теперешним временам одевается, во-первых, как попало, а во-вторых, мужчины и женщины предпочтительно одинаково — в штаны, чтобы легче работать.

Что же касается вообще писателей...

Родился человек. Научился грамоте. Стал читать романы, читатель. Вырос и вдруг в один паршивый день установил, что думал, поступал, делал, чувствовал он не так, как указывали ему индивидуальные его особенности, но по воле

литературных реминисценций. А сейчас, когда он это установил, ему стало ясно второе, еще более паршивое, — именно то, что за этими литературными реминисценциями свою индивидуальность он давно уже потерял. Если же дело касается коллектива таких читателей и этот коллектив намерен от писателя знать что-либо конкретное, то такой читатель, начитавшись европейских романов о Японии, Японию наверняка потеряет.

Писатель подобен геологу или путешественнику в необитаемые, в неоткрытые земли. Геологу для того, чтобы стать геологом, мало одного желания. Такой любитель земных недр, ни рожна в недрах не смысля, может прийти в такие места, где золото россыпями лежит прямо на земле, под руками. Изыскатель начнет вкапываться в недра, потратит время и золотые россыпи закопает суглинками. Таких геологов надо гнать. Геологи, прежде, чем идти на изыскания, учатся. Геологи, изыскивая недра, вкапываются в них не пальцами, но машинами. Зря землю копать не стоит. И геологи, идя на изыскания, получают на то разрешения от сему соответствующих трестов, институтов и академий, посылаясь этими институтами на поисковые работы. И институты, кроме знания, вооружают геологов еще и техническим оборудованием, так-же вооруженным знанием.

С писателями надо поступать так же, как с геологами, ибо писатели могут напутать никак не меньше геологов.

И в советской литературе следует, предварительно учинив перерегистрацию и сократив писателей (с тем, чтобы подающих надежды, перевести в класс учеников, заставить учиться и работать, а безнадежных лишить писательского звания), — переквалифицировав и сократив писателей, — следует создать Институт литературы, Литературно-Разведочный художественно-оборудующий институт, без диплома коего писатели не могли бы носить звания писателя и печататься, по аналогии с горно-разведочными институтами, оборудующими разведывательную работу писателя. При этом в этом институте при квалификации писателя, кроме умения писать и общей грамотности, от писателя должна требоваться моральная добросовестность, свойственная писателю и в общественных его делах, и в домашнем его обиходе. А то залезет геолог на самую середину Памира, где никто не бывал, и наврет, что ви-

дел там платину в кристаллах, — за геологом туда экспедицию пошлют, тракторы потащат, люди, верблюды и ослы будут мучиться. Геологи, как и писатели, должны быть честны, социально честны, равно как и с женой, и словом не должны блудить, как материалом на изысканиях.

При таких обстоятельствах Пьера Лоти не потребуется предавать суду за клевету. А если писатель (это и с геологами случается) ошибется, то его ошибка будет несчастным случаем и поводом к сожалению, но не к заушению. Ибо при наличии патента Литературно-Разведывательного института и при наличии писательской честности не будет сомнения в случайной досадности ошибки. И ошибок будет много меньше, хоть не ошибается только бог, потому что его нет, мало ошибаются бездельники, почти не ошибаются трусы, а больше всего ошибаются геологи, потому что они открывают доселе неизведенное и потому что они никак не туристы, ездящие по открытым дорогам. Писатели-туристы, в частности ездящие в дилижансах, дормэзах и вагонах Толстого, Достоевского, Бунина из Москвы на Днепрострой социализма, — едут туристически и никуда не доедут, ибо дилижансы и дормэзы Толстого, Достоевского, Чехова, Лескова и Глеба Успенского, не говоря уже о Боборыкине, — не социалистические способы передвижения.

Немецкая бабушка рассказывала.

Каждую ночь с заднего крыльца шумахэра Трэнклера выбегала свинья и бегала на католическое кладбище. А Трэнклеры были лютеранами, и вообще свиней у них не было. Бондарь Шлэгель решил проследить, куда ходит свинья, и сел в полночь у кладбищенской ограды. Свинья заметила старика Шлэгеля и бросилась на него. Шлэгель защищался своею бондарной скобою. Свинья закричала человеческим голосом. А наутро все узнали, что у жены шумахэра Трэнклера на лице от виска до подбородка громадная рана.

Чем свинья поучительнее лисы, богини хитрости?

Российская бабушка рассказывала.

О леших. О домовых. О том, как у них в деревне мужчины и женщины встарину вместе мылись и, прежде, чем вселялись в новый дом, справляли влазины, когда мать-хозяйка, в полночь, предварительно впустив в дом черных

кота и петуха, трижды обегала вокруг нового дома, голая, нагишом, — а в соседней губернии у них заезжих мужчин старики-отцы клали спать с девками-дочерьми, особенно, если эти заезжие заезжали в особые числа и ночи.

Приехал бы японский писатель в Москву, пошел бы к к воспитаннейшему человеку, писателю Владимиру Германовичу Лидину или к мужественному писателю Леониду Максимовичу Леонову, стал бы у них спрашивать глупости о русской душе. У Лидина кабинет в старине, с террасой, на высоком этаже. Звезды. Ночь. Лидин человек обязательный. Леонов тряхнул бы кудрями.

— Ну, а религия, философия, метафизика русского народа? — спросил бы японский писатель.

Лидин смутился бы, ответил бы:

— Собственно говоря, русский народ не очень религиозен...

Леонов подтвердил бы.

— Но — тем не менее — не было ли случаев обожествления проституции? — не было ли фаллизма?

Лидин смущен. Все вежливости и воспитанности на земле, а не только в Японии, не позволяют резко говорить — нет.

— Мы уже сообщили, вообще... — сказал бы Лидин. — Вы знаете, у нас социалистическая революция... Но, если вы так интересуетесь...

Японский писатель в это время подумал бы:

«— ... йоу! — они не хотят говорить о самом главном и тайном! но я их выпытаю ж!..»

— По мнению Василия Васильевича Розанова луковичеобразные русские колокольни несут в себе символ фаллоса. Что же касается божественности проституток, то в честь одной из них, Марии Египетской, христианской святой, производятся церковные богослужения, и она патронирует женщин, названных в честь ее имени...

— Она — святая? — спросил бы японец.

— Да, в честь ее ангела...

— Стало быть, у вас не только обожествляются проститутки, но так-же обожествляются предки!.. Ну, а обожествление народа, его мессианство? — обожествление вождей, его — народа — героев?

Лидин — совершенно недоумевал бы.

— Мы уже сказали вам, что у нас социалистическая революция.

— Да — да! — воскликнул бы японский писатель. — Но народ, народ!? — Достоевский писал, русский народ — богоносец...

Лидин — воспитанный человек, к чорту послать он не может. Лидин расстроился. Кабинет Лидина на высоком этаже. Над террасой Лидина — звезды. Направо и налево за крышами соседних домов лежит Москва. За Москву лежат российские «неописуемые» места.

— По мнению русских философов Соловьева, Розанова, Бердяева, даже Константина Леонтьева... — говорит Лидин, недоуменно глядя на гостя, на Леонова, на звезды.

От этих разговоров Лидин с Леоновым обещали наутро отвести японского коллегу на Новодевичье кладбище, где могила Чехова вся исписана «Митей и Тоней в роковой их, самый счастливей в жизни, день». Это писание на памятниках не более осмысленно, чем певание в генерала Сайго. Но, чего доброго, можно развести кисель философствования на тему о том, что в день рокового счастья все русские юноши ходят к памятникам писателей, чтобы расписываться на них, как в Загсе.

Средневековье, за досугом безграмотности, надумало очень много лисиц и свиней, божественных проституток и домашних ведьм. Идзанами и Идзанаги в родстве с российским Перуном, а будда — со христом, порох у всех у них одинаковый. Писатель Кагава, христианнейший писатель, в своем романе касательно богов ограничился тем, что жена рыбака, получив на похороны, уверилась в возможности сыновнего на эти деньги пребывания в раю, — да тем, что поселил студента Йосио в храме, где за ним присматривала бонзанья, жена бонзы, по аналогии с попадьей, — да тем, что вокруг асакусского храма живут аотэндзю и тэкии — нищие и шарлатаны. Писатель Пильняк в 1932-ом году, в Камакура, с японскими профессорами ходил по монастырям. Места великолепны. Кипарисовая тишина благоуханна. Храмы тысячелетни. Колокола и их звон также тысячелетни. Средневековье здравствует. Пришли в таинственную, прохладную и санталовую, сиречь ладанную, пещеру. Там друг против друга, двумя рядами сидело восьмеро оболтусов лет восемнадцати, с закрытыми глазами, семи-

наристы, поджали под себя ноги, как будды, положили руки на пуп, прижав ладонь к ладони, — совершенствовались, упражнялись, — должны были так сидеть от зари до зари, неподвижно, сосредоточивая мысли до того, чтобы не осталось ни единой мысли. В глубине пещеры, в земле был вырыт алтарь для божественных изваяний. Там стоял сиротливый, очень уважаемый и древний будда. И там, в холодке, разместилась добрая батарея пивных бутылок, наимоднейшего японского Эбисубуру, сваренного по последнему немецкому рецепту, в ловкеньких блестящих ярлыках. Писателю Пильняку не известно, то ли это пиво притащено было совершенствующимися семинарами, то ли поставил его сюда для прохладной сохранности бонза, — но и первая, и вторая вероятность совершенно отлично укладываются в быт и православных, и католических монастырей.

Люди средневековья, как и средневековые эпохи, были разъединены предрассудками, хатой с краю, отсутствием дорог, безграмотностью боязни, враждованием. В этой разъединенности каждый народ и о каждом народе полагали, что он особенный, придумывали души народов, одни молились богам, прикладывая ладонь к ладони, другие крестились ладонью, третьи дупертием, четвертые руки складывали крест-накрест — но молились одинаковому хрену, который редьки не слаще. В этом отношении японцы ничем не отличны от арабов, англичан, афганцев, испанцев, русских. Японская частица сан указывает, что собеседник, беседуя с вами, вас не беспокоит, вашу господнюю субстанцию, — ну а русское «господин», также с господином корнем, о чем говорит, как думают японские филологи!?

Средневековье жило за малыми и великими, крепостными, китайскими и прочими стенами, придумывало за теснотой знаний и потребностей различные свои салтыки. Чем некультурнее народ, равно, как и отдельные люди, тем больше он жесток и физиологичен.

Средневековье женщину держало в рабстве, в бесправии и делало из нее, по социальному в первую очередь, а затем по физиологическому ассортименту, либо домашнюю ломувую скотину, либо хризантемную бабочку. Люди имеют паршивое качество — способность применяться, — не даром у россиян иной раз острили, что, мол, такой-то — человек, а не свинья, не сдохнет, вытерпит! Надо думать, что в ев-

ропейском средневековьи по праву «первой ночи» вновь обвенчанных девок не тащили к барину понятия волоком и девка не выла белугой: девушка, небось, вышла из-под венца в божьем трепете и обалдении, и к барину ее вели родители, кумы и сваты, торжественно, припомаженные постным маслом, а баринова барыня, небось, вздыхала с приживалками на лежанке, сколько, мол, барину мужики доставляют беспокойства и до чего-де много у барина дел. Инстинкт ревности — инстинкт социальный, в решающий степени. В средневековьи женщины ревновать не смели, ревновать могли лишь мужчины. Рыцари доблестно ходили завоевывать господень гроб, в панцырях, и дома заковывали жен в панцырь пояса целомудрия, кой мужчинам, конечно, не полагался. По Европе до сих пор кое-где сохранились в качестве музеев средневековые публичные дома. Помещались они всегда за городской стеной в особом квартале. В нижнем этаже таллинского ганзейского публичного дома на Застенной улице, в коем с гордостью помнят, что его посетил российский император Петр Первый, в нижнем этаже под сводчатыми потолками, против камина, в который можно было класть по саженному бревну сразу, хранится решетка, куда надо было ставить шпаги, и остались до сих пор крюки, на которые вешались ботфорты. Средневековые джентльмены приходили в публичный дом, как в клуб, разувались, играли в кости, пили меды и пиво в степенном благородстве, а потом залезали в каморки второго и третьего этажей посовокупляться.

Чем всё это отличается от судеб японской Йосивары, гейш, ойран? Гейши существуют для феодалов, миллионщиков, тысячников и для их приказчиков и трубадуров, интеллигенции, в частности. Ойран существуют для сотельников. В деревнях — ни гейш, ни ойран, ни чайных домиков не полагается, — мужичишкам, японской материальной основе, — ни гейш, ни ойран, не полагается. Мужичишкам полагается поставлять своих дочерей для гейш и ойран, — для городских тысячников и сотельников.

Действительно, женщины в Японии до сих пор пребывают средневековым обиходом бесправия. В «Корнях» есть жесточайшая фраза непонимания и жестокости, за которую только стыдно, — о том, что —

«... часть женщин идет в Йосивару по призванию, по

склонности, других туда продают отцы и мужья, — потом, выйдя из Йосивары, эти женщины или выходят замуж, или возвращаются к своим мужьям...»

«По призванию» туда женщины идут так же, как «по призванию» занималась проституцией Соня Мармеладова. А насчет того, как продают туда женщин, следует рассказать японскую ж газетную вырезку. Корреспондент встретил в пригородном поезде старика. Старик был дряхл, убог и жестоко нищ, в ситцевой повязке на чреслах, в ситцевом халатике, босоногий, — на гэта в январе. Старик жесточайше плакал. Он был крестьянином. Он продал свою дочь в тот день в публичный дом, на три года, за полтораста эн. Дома ему с семьей нечего есть. У него вытащили воры его полтораста эн, стоймость его дочери, которую он растил семнадцать лет. Старик плакал о потерянных полтораста энах и о дочери.

Писатель Лоти именно такую на срок продажу в рабство называл высокой мудростью брака на срок.

Пильняк в 32-ом году наблюдал за судьбой девушки-студентки. Она была падчерицей в семье. В детстве она научилась играть на сямисэне. Она выросла хорошенькой.

Кризис взял за горло ее вотчима. И вотчим сообщил девушке-студентке, что он намерен отдать ее в чайный домик, достанет ей патент гейши и тем наладит свой бюджет. Традиции инертны вообще, и традиции средневековья в частности. Студент Йосио — сын гейши. Переводчик романа «Дни, когда возопиют камни» Сергей Никодимович Сьодзи, комментируя понятие «гейша», писал:

«Гейша — особый класс женщин-японок, молодых и пожилых. Они не актрисы, хотя обучены в музыке, танцах и играх; они не проститутки, хотя многие из них, особенно в последнее время экономической депрессии, падки на материальные искушения мужчин. Они приглашаются на пиршества, на обеденные собрания, на сходки секретных совещаний политических и коммерческих дельцов, чтобы дать этим собраниям характер и тон более мягкий, утонченный, с музыкой, танцами и играми. Гейши достаточно образованы, вышліфованы в отношениях с людьми. Они умеют поддержать разговор с мужчинами на любую тему, так воспитал их строй социальной истории Японии».

А в самом романе, в тексте писателя Кагава есть сообщение о том, что тетка Йосио, его воспитавшая, —

«... признала вредным для мальчика посещать ежедневно школу с той улицы, где сосредоточены дома гейш. Она построила Йосио к преподавателю английского языка гимназии, известному тем, что он глубоко преданный христианству человек...»

Сообщение хорошо напоминает российских, французских и прочих мамаш-бандерш, которые отдавали своих дочек — в соседний город, — в институты, а сыновей в духовные семинарии. Но дело не в этом. Тетушка —

«... в 1920-ом году, — в год экономической паники, — когда ее патрон, разбогатевший сделкой на железе, промахнулся и покончил с собою самоубийством, начала находить слезы в глазах своих на каждом шагу своей жизни».

Инерция традиций — страшная вещь!

Живет человек, каждую неделю у него флюсы, угол его квартиры прогнил, вместо замазки на рамах у него наклеились бумажные зебры, стекла зазебрились гумми-арабиком, за диваном у него скопилось гора окурков. Он может и зубы починить, и сменить жилье. Но — да как это, да Иван Павлович, друг-преферансист, живет на этой же улице, и аптека рядом!.. Студент Йосио, чего доброго, придет к той девушке-студентке, которую вотчим намерен снять с университетских работ для гейшевания (ведь он был на миаи сестры!), и будет рассказывать о своем детстве, о том, какая добрая и хорошая у него была гейша-мама, какая заботливая у него гейша-тетя. Та ж, реальная девушка-студентка, — ох, как мучилась она, когда ее продавали! — сунулась было в подполье, ее изловили полицией, — она принимала яд, — и подчинилась. Стала в Японии еще одна молодая, красивая и культурная гейша.

В Токио, в порядке «Медвежьей свадьбы» Проспера Мериме показывалась кинокартина «Страна, куда приходят медведи». Действие происходило на Хоккайдо. Север. Мужественная природа. Помещик (Проспера ли Мериме? — не Гоголя ль? — не пушкинский ли Троекуров из «Дубровского»?) взял у крестьянина красивую жену, — убил мужа жены и говорил, что мужа задрали медведи. Прошли года. У убитого крестьянина вырос сын, женился, и опять помещик хотел взять у сына убитого его жену, как взял его

мать. Психологическая драма. Сын убитого убил помещика и сказал, что его задрали медведи. Второго убийцу арестовали. Психологический сюжет.

Отец-нищий-крестьянин — вотчим студентки.

Можно предложить японским писателям разработать следующую сюжет, имеющий место в действительности. Человек-негодяй, степенный, пожилой, глубокоуважаемый и глубокоуважающий самого себя, едет, высматривает, сватается за вдову с большою девичьей семьею, женится. Девушку покраше он подучивает и продает в гейши. Девушек так и сяк продает в публичные дома без учебы. Девушек, с лица не уродившихся, он продает на фабрики, так-же без учебы. Распродает хозяйство, деньги оставляет себе, разводится и едет в следующую губернию, женится заново.

Пильняк 26-го года писал в «Корнях»:

«... и абсолютная была чистота на этой фабрике, куда работницы и мы входили, сняв башмаки, в одних чулках: и на фабрике, на всей фабрике не было ни одного места, где человек был бы хоть на момент один сам с собою, уборные построены посреди двора и так, что там все видно: это и потому, что у японцев не стыдятся физических человеческих отправлений, и к тому, чтоб прядильщица не могла побыть одной, не могла бы потихоньку прочитать и написать письмо, ибо все письма, приходящие из-за фабричного забора, перлюстрируются, ибо без разрешения администрации нельзя выйти за забор, ибо эта японская фабрика больше походила на тюрьму, где девушки запроданы на два, три года. Прядильщицы сами о себе поют такую песню:

Если можно назвать прядильщицу человеком,
То и телеграфный столб может расцвести, —

но дело сейчас не в этом...»

Нет, — именно в этом!

Японский бюджет — ситцевый бюджет, шелковый, — текстильный. Основная промышленность страны — первая промышленность — текстиль. Текстиль занимает без малого половину всех японских рабочих. Текстиль — ситец и шелк — составляет без двух промиллей семьдесят процентов японского экспорта. Текстиль — родоначальник японской промышленности. Самое большое количество предприятий в

Японии — текстильных, — без малого девятнадцать тысяч, на десять тысяч больше, чем пищевых. По количеству переработанного хлопка Япония заняла на миру второе — после U. S. A. — место, обогнав Англию. Текстиль, наравне с армией, занимает в Японии то же место, что в Англии и Америке тяжелая индустрия.

52 проц. всего японского пролетариата — женщины. В текстильной промышленности женщин — 82 проц., — и в первую очередь девушек, ибо подавляющая масса работниц приходится на возраст от четырнадцати до восемнадцати лет, при этом 78 проц., работающих в текстиле никакой квалификации не имеет.

Текстильная промышленность в Японии, кроме всего прочего, является наивыгоднейшей, на ряду с содержательством публичных домов, по одним и тем же с публичными домами феодальным причинам (не потому ли, относя пятьдесят процентов на средневековье, парламент дал после землетрясения 23-го года первую лицензию на восстановление публичных домов!?).

О феодально-крестьянских делах речь будет ниже.

Феодально-капиталистические японские дела голодом гонят крестьян с земли. Старика, продавшего дочь за полтора года потерянных эн, забыть нельзя. В текстиле, как в публичных домах, работают женщины, купленные туда за бесценок по феодальному праву, когда женщина не принадлежит себе и принадлежит старшему в роде мужчине.

Специальные на то агенты ездят по стране, степенные люди, охолонные традициями средневековья, рассказывают отцам, как хороши и добросердечны хозяева такой-то благородной фабрики, как хороши там условия для работы. Степенный хозяин будет следить за нравственностью и поведением, и воспитанием. Чтобы бездельничать — ни-ни! — чтобы баловать ходить в город — ни-ни! — папаша-хозяин позаботится, сводит когда для образования в кино, либо на ярмарку, прогуляется когда с ними в музей, поучит их злу городской жизни и уму-разуму. Ну, накажет иной раз для их же пользы. Дочка поработает года полтора-два, а потом вернется домой образованная и приданое себе припасет, денег ей тратить некуда, всё ей сделает папаша-хозяин, кормиться она будет на фабрике, там будет и жить.

И — живут!

Живут таким образом, что —

«Если можно назвать текстильщицу человеком,
То и телеграфный столб может расцвести...»

Живут под арестом заборов.

Не бездельничают — работают с одним, двумя выходными днями в месяце по одиннадцати часов в сутки, зарабатывают ровно столько, сколько стоит аванс за них (эн 30 с головы!) да билет в третьем классе поезда от деревни до города и обратно.

Живут за заборами так, что даже в сортирах видны отовсюду.

И живут, работают и «воспитываются» так в среднем полтора года. Ибо в полтора года выматываются силы, в жесточайшем проценте пополняясь туберкулезом. Ибо за полтора года девушки сваливаются в проституцию, согласно токийской полиции, обследовавшей и установившей, что 70 проц. нерегистрированных проституток в токийских пригородах составляли бывшие фабричные работницы. Ибо другие за эти полтора года начинали осознавать свое классовое положение, бастовали, так, что — по информации Харада, японца, из его книги «Рабочие условия в Японии» —

«... после стачки в 1927-ом году на мануфактурах компании Тойо в Осака рабочим стал даваться раз в месяце рис с мясом, как одно из достижений стачки (!)».

Победа, как видно, колоссальная, если помнить, что у папаша-хозяина есть право, хоть и не легальное, но легально существующее, если девушка убежит с фабрики, ловить ее и водворять на место полицией, а также, если девушка «провинится», и наказать ее «отчески», и вон прогнать.

В вышевыписанных цитатах есть фраза, касающаяся эпохи Мэйдзи:

«Эту эпоху японцы называют эпохой реставрации, — ее следовало бы считать революционной эпохой».

Не верно.

И не верно не только потому, что слова «революционная эпоха» ничего не говорят.

Мнение о том, что феодальная система правления в 1868-ом году в Японии сменилась капиталистической, не

подтверждается фактами. События шестидесятых годов Японии были вызваны не внутренней перестройкой социальных сил, но пушками американского коммодора Пирри и английскими торговцами, кои и «открыли» токугавскую Японию. «Реставрация» императорской власти никак не была лозунгом феодалов-западников против феодалов-японфилов. «Западниками» оказались сьогуну Токугава, уничтоженные императорскими «инсургентами» с тем, чтобы этим «инсургентам» идти тропой Токугава. Феодалы выбирали — быть ли им колонией, подобно Китаю, или быть самостоятельными. Если эпоха Мэйдзи была революцией, то она опередила революционеров.

Тут, к слову сказать, лежит разъяснение загадки, приводящей европейцев в недоумения, загадки того, каким образом японцы поставили памятник генералу Сайго, вождю японской Вандеи. Вандеи не было. Генерал Сайго был свой.

Здесь, ко второму слову, и о необычайном, божественном авторитете императора. Императоры много уже веков, и теперь в частности, никакой властью не обладали и не обладают, хоть и до сих пор, до самых последних дней в Японии существует не буржуазная, но монархическо-бюрократически-милитаристская концерно-сьогунская власть, в самые последние дни впадающая в дряхлость и в бессилие дряхлости.

Власть в Японии после эпохи «реставрации» осталась в руках феодалов и феодальных купцов.

Крестьяне остались пребывать в феодализме, подпирая ситцевый японский капитализм вышеописанной рабочей силой.

По миру много говорят об американских темпах.

Японские темпы — куда интенсивнее и разительней.

Чехов говорил, что рассказ без женщины, все равно, что без паров машина. Именно поэтому предлагаемое чтение и начато японскою женскою судьбой.

О женской судьбе рассказано.

Пильняк, приехав вторично в Японию, установил в ней большие перемены.

Если в 26-ом году 98 проц. японских женщин ходили в национальном кимоно по городам, то теперь в Токио их только 50 проц. Если в 26-м году 90 проц. женщин носили

национальную прическу, то теперь их не больше 20-ти. О Японии сейчас следует говорить, что она не европеизируется, но — американизируется. В 26-ом году даже Гиндза, наиевропейско-американская улица в Токио, была национальной улицей. Сейчас она — улица интернациональная и больше всего напоминает европейские кварталы Шанхая 26-го года. Эта улица зловеще обросла переулочками баров, кафе, ресторанов, дансингов самого разьевропейско-американского пошиба. Там есть, конечно и черные кошки, и флориды, и бродячие собаки. В 26-ом году фокстротов в Японии не полагалось. В этих, вокруг Гиндзы, барах обслуживают девушки в европейских платьях, с чеками у ремешка. Там есть европейские и американские алкоголи, — российская водка идет за ликер. Фокстроты там оглушают, как ни в одном Париже (Париж вообще становится провинциальным городом!), — и фокстротят в Токио во Флориде остервенелее, чем в нью-йоркском Гарлэме. Йосивара приходит в запустение, оставаясь только для приказчиков. Романы модных беллетристов переселились во Флориду. Проституция переселилась на пригиндзовые переулки. И существует, примерно, на новых началах. Эти девушки из баров — никак не гейши, никак не ойран, ни дать, ни взять парижанки. Их не сотни, но тысячи. Малования в барах сны не получают, «работают» добровольно, существуя за счет чаевых. Среди них есть девушки с высшим образованием. Среди них есть девушки, лица которых всячески скрывают истину голода. Эти бары посещаются американскими дэнди японского происхождения, в пиджаках с такими прямыми плечами, что в каждое плечо положено по килограмму шелковой ваты.

В 32-ом году Пильняк был приглашен на обед редакцией женского журнала «Ньонин Гэйдзюю», редактируемого писательницей Хасэгава. В этом журнале сотрудничают исключительно женщины. И на обеде, кроме Пильняка и двух его переводчиков, были только женщины — писательницы, поэтессы, журналистки, художницы, работницы «Ньонин Гэйдзюю». Было два или три черных кимоно, похожих на европейские сюртуки. Было несколько причесок «большевик», как называют французы женскую прическу, похожую на русскую — старую — казачью. Была одна российская кофеворотка. Женщины говорили — или по-английски, или по-

Французски, или по-немецки. Были говорившие и полуговорившие по-русски. Легенда о том, что в Японии страшно распространен английский язык, — только легенда: не больше, чем до революции семнадцатого года в России французский, так же, как французский, с тем лишь отличием, что в Японии язык знали только мужчины. Судя по костюмам и по манере держаться на собрании были и американские спортсменки, и английские суфражистки, и французские почитательницы «Цветов Зла» Шарля Бодлера. Были и российские Софьи Перовские. В самом начале обеда организатором было сказано, что по независимым от собрания причинам просят в разговорах политических вопросов не касаться. Разговор пошел о положении женщин в Советском Союзе и о творчестве Советских женщин. Говорили и о японских писательско-женских делах.

И на собрании была радикальная уже женская интеллигенция.

Весной же 32-го года была забастовка работниц-кондукторш токийской подземной железной дороги. Пильняк, конечно, этого не видел. Забастовки, конечно, есть нарушение общественного порядка. Полиция борется с ними, конечно, только из-за этого нарушения. Забастовки поэтому в Японии принимают странные формы.

То вдруг забастовщики баррикадируются в кино и сидят там, принимая полицейские штурмы.

То вдруг — это массовым явлением прошло по японским фабрикам — залезает человек, рабочий, на заводскую трубу, всовывается в ее жерло и сидит там день, два, три. Во-первых, всем видно, что рабочие бастуют. Во-вторых, поди-ка, достань. В-третьих, попробуй-ка, затопи печь, сжарь человека. Родоначальником такого рода забастовок был рабочий Табэ. 11 ноября 1930-го года он влез на трубу фабрики Фудзи и просидел там без пищи, вообще без ничего, сто тридцать часов. О нем писали все японские газеты во всех выпусках: — «сидит», «еще сидит», «вернулся затылком к солнцу». Имя товарища Табэ — веха в рабочем движении.

То вдруг в деревнях японские крестьяне, конфликтующие с помещиками, набирают мешки цикад и выбрасывают этих цикад на двор, в сад, в дома помещиков, предъявляя попутно требования о снижении арендной платы. Цикады

верещали по помещичьим мозгам и стрекали их более усердно, чем ходатайства арендаторов.

Так — вот женщины-кондукторши окрутили вагоны поезда подземной железной дороги несколькими рядами проволоки пустили по этим проводам ток высокого напряжения, и засели в бест вагонов, бастовать.

Эти — уже пролетарки.

Эти уже по дороге к социализму.

В день отъезда Пильняка из Японии, 18-го июня 1932-го года, в газетах было опубликован закон о том, что танцы разрешаются только до двенадцати часов ночи.

А в Цуруга, в этот же день, уже на пароходе, когда погранично-полицейские формальности были уже выполнены, Пильняк был уже на борту, а пароход не отходил в море, потому что пропал капитан, загулявший с вечера в связи с оборудованием в порту нового мола, — на пароход тогда поспешно вошла молодая японская женщина. Она была в белой европейской кофточке, в синей еропейской юбке, в соломенной шляпке. Она пришла на пароход, прочитав в цуругской газете, что с этим пароходом возвращается на родину советский писатель. Она была учительницей цуругской женской гимназии. Она называла писателя — сэнсэм, учителем. Она просила писателя передать привет его родине... — В порту женщины-грузчицы таскали на спинах кули с землею для нового мола. Были они в синих портках и синелицы псд зноем субтропического солнца. И день был «изумительно» чудесен.

«... Япония презирает боязнь индивидуальной смерти...»
Харакири. Генерал Ноги. Бусидо.

В японских первоначальных школах, в первых классах, кроме всего прочего, преподают историю Японии, где рассказывается, что Япония проистекла от богов и император есть божий сын, — преподают иероглифы и — преподают японскую науку мораль, где рассказывают о Бусидо, о генерале Ноги, о харакири.

Следует опубликовать справку, полученную из японских же источников. Первоначальное обучение иероглифической грамоты длится шесть лет. В Японии больший, чем в других странах, процент слепых, слепорожденных и ослепших. Для слепых изобретена своя грамота. И слепорожденные, — ровно такой же комплекс знаний и грамоты, который зря-

чие дети обретают в шесть лет, — слепые получают в четыре года. Долбежка иероглифов оставлена от средневековья. Пример со слепыми детьми требует два дополнения. Дети обучаются иероглифам, чтобы обалдеть до Бусидо. Иероглифы оставлены для того, чтобы иностранцы меньше знали о Японии. Японцы токугава-макиносского сословия, как говорило уже, предпочитают показывать иностранцам старинные храмы для гейш, — и любят поэтому писателя Пьера Лоти.

Что же касается иероглифов вместе с Бусидо и генералом Ноги, то они лишней раз иллюстрируют, что эпоху Мэйдзи не следует расценивать буржуазной революцией. Феодалы пронесли харакири от удельных времен до империи, не имея социальных причин к его уничтожению. Феодалы пролили в Японии человеческой крови и расписали свой разбой высокими моральями не меньше, чем европейцы подвигами Крестовых походов, дуэлей, дружиннической верностью, когда в Европе, в России, в Азии, вслед за умершим вождем, вдогонку, шли не только их генералы, но жены, лошади и военные доспехи. Бусидо — это этика и эстетика самураев, требовавшая беспрекословного послушания и презрения к смерти. Харакири — один из параграфов Бусидо. Харакири по существу своему, есть символ бесправия, этот ассортимент испаривания живота вдогонку за сюзереном (называется — оибара!), — при поражении в бою (особое название), — при компрометантном поступке (свое название), — в качестве довода действием для образумления обалдевшего господина. Что может быть рабственнее? Не даром остряки остряют, что и вообще-то Бусидо, чего доброго, было приведено в кодификацию и в кодифицированную красоту системы после 68-го года!..

Но кавалер второй степени Великого Чина, маршал граф Ноги вместе с женой сделал себе харакири «вдогонку» по весне 1912-го года. Не стоит опускаться в благоговейный трепет. Следует констатировать, что этот полководец, разгромивший одиннадцатидюймовыми мортирами порт-артурские форты, громивший Российскую империю и помогавший молодой русской революции, — следует констатировать, что в черепе этого хмурого солдата пребывали кроме мрака и мракобесие средневекового фанатика (Ким. Змеи). Ныне он бог, что и соответствует богам.

С сорока же семью самураями дело обстояло сложнее. Их дела — исторический факт. Они — боги. Они действительно отомстили за своего барина, убив его обидчика. По историческим архивам известно, что сделали они себе харакири не потому, что сами так порешили, но потому, что они были приговорены к смертной казни через харакири и ждали приговора два месяца. Эту историческую справку полагается не помнить.

Японцы боятся смерти — так же, как все остальные люди.

Не боятся японцы смерти так же, как не боялись ее немцы, французские, английские солдаты под Верденом.

В Японии, особенно в национальных кварталах, очень хорошо умеют украшать магазинные витрины. Магазин весь на ладони. Посреди магазина, подогнув под себя ноги, сидит торговец, около хибати. Окон у магазина нет, просто раздвинуты съодзи. Товар разложен тут же. Дети в Японии — любимейшее (эта любовь, в скобках, много меньше проявлялась в эпоху Токугава, когда детей, особенно девочек, так же, как до сих пор кое-где в Китае, родители уничтожали новорожденными, — и присутствует до сих пор распродажей девушек по публичным домам и фабрикам). Детские магазины замечательны. Тут и карандаши всяческих сортов, и вечные ручки, за полтинник, и автоматические карандашперезки, и самурайские сабли. И детские книги, множество книг. И восемьдесят процентов этих книг — журналов, листовок, плакатов — обязательно изображают как японцы колошматят русских казаков, как Ноги расстреливает Порт-Артур, как писатель Новиков-Прибой тонет в Цусимском проливе и прочая, прочая, прочая, в каждой книге и в каждом номере. И изречения, вроде следующего, профессора Нитобэ Инадзо (Ким. Змеи):

«... сражения на Ялу, в Корее и Манчжурии выиграли духи наших отцов, водящие нашими руками и бившиеся в наших сердцах. Они не умерли, эти духи, — духи наших воинственных предков».

И, кроме этого, обязательно замечательные рассказы из жизни самураев, приправленные бусидо.

И на витринах — не только детских лавочек — весной 32-го года были выставлены портреты — майора Куга и Трех солдат. Эти — тоже без малого боги. Они — на всех

витринах, на заборах, в трамваях, в журналах. Это — шанхайские герои.

Майор Куга пошел с отрядом японских солдат в атаку. Он был ранен. Он был взят в плен китайцами. Он был выменен у китайцев. Он вернулся на то самое место, где был ранен и взят в плен, и сделал там себе хакари.

Три японских солдата, вооруженные динамитом, ночью подошли к китайским проволочным заграждениям и взорвались, сами, чтобы взорвать проволоку.

Тот и те — герои. Когда газеты сообщили о доблестной смерти майора Куга, в газетах же появилось сообщение от семьи майора о том, что семья приняла весть о хакари — с удовлетворением.

Тот и те — герои.

Много позднее в газетах промелькнуло по поводу майора Куга, что он не был взят в плен, но сдался в плен, а сделал хакари не по самурайской воле, но по суду, ибо приговорен был к смертной казни через хакари.

О трех же японских солдатах китайские газеты писали, что они взорвались, никак не геройствуя, но — не умея обращаться с динамитом.

Во всем мире писалось о поразительном мужестве японцев под Артуром, особенно в тех случаях, когда японские транспорты направлялись прямо ко входу в Порт-Артур, на совершенно явную смерть, и гибли, загораживая собою выход из порта. Время объяснило геройство. Во флоте шел спрос: кто хотел бы вернуться на родину? — этих, хотевших вернуться, собирали на транспорты. Капитану давали курс, говоря, что иным путем он не пройдет, ибо море заминировано русскими, и капитаны вели корабли, людей и себя на убой. Капитаны шли — по домам!..

На рубеже двадцатых и тридцатых годов получился великий обычай воевать, не называя войн войнами. В 1932-ом году Япония воевала с Китаем, захватив три северные китайские провинции. Японское правительство, в иллюстрацию сих новых традиций, уже после того, как Мукден, Чаньчунь, Гиринь — все центральные пункты Маньчжурии — после разгрома китайцев — были уже захвачены, — опубликовало официальное постановление: считать происходящее в Маньчжурии — «событиями». Рассуждения о лицемерии вообще, об условности лицемерия — вообще поучительная тема.

У Пильняка в «Корнях» есть следующие рассказы.

«... взбушуются воды океана бурей, утихнет буря, — и волны лягут, вода сравняется. И — поелику земной шар есть шар, омываемый со всех сторон водами океана, — вода сравняется в шар. Вулканическая деятельность земли накидала на землю горы. Идут века, выветриваются горы, размываются водами, перекапываются человеком, заполняются долины лёссами и песками. И — пройдут века, еще десятки веков — земля будет ровна, как лысина почтенного англичанина.

«Все уравнивается, и идеальная геометрическая форма есть шар, у которого нет никаких углов. Психическая и бытовая геометрии — всегда были, есть и будут построены на началах геометрии евклидовой.

«Поистине земной шар переживает сейчас эпоху окончательного узаконения геометрической формы шара. Ибо — не только пароходами, купцами, миссионерами, машинами и пушками, — но и знанием, знанием — окончательно изборужден земной шар. Ибо заборы и «великие стены» национальных культур руются под железным шагом знания, уравниваясь в знании и труде, расплескиваясь через эти заборы, не считаясь даже с антропологией европейца, негра, японца, полинезийца. И вот задача — посмотреть, как, какими силами Япония разрушает старые свои заборы и какими умениями сама перебирается через заборы иностранств.

«Геометрическая форма шара. Сердце японского народа в старом, ум в новом. Пусть останется на совести тех, кто это утверждает, пусть сойдет за хороший образ утверждение, что японский народ надел на столетие маску. Армия, флот, фабрики, заводы, торговля — все это взято с Запада, и говорить о японских пушках, которых к слову, я не видел, — это то же, что говорить о системах пушек английских, немецких, прочих. Медицину японцы пеликом взяли европейскую, с немецкой фармацевтической записью, выкинув гадалкам жен-шени и лю-и. А заводы японцы строили так. Они выписывали из Германии и Англии машины и инженеров. Инженеры ставили машины и руководили ими. С инженерами заключали договоры на три,

пять лет. Эти годы проходили, приходил срок договору. И в день срока англичанину или немцу у ворот завода очень вежливо предлагали пройти в контору. В конторе, на полу, за традиционным чаем дирекция благодарила инженера. Ворота завода были заперты для инженера навсегда. Там на его месте стоял японец, тот самый, который в течение этих лет безмолвнейше исполнял все требования инженера и был у него на побегушках. Инженер навсегда покидал Японию, чтобы всячески ее ругать.

«Геометрическая формула шара слагается из ряда элементов. Искусство всегда есть та «крыса», по которой моряки узнают, как течет корабль¹. В Японии, во всем Токио существует только один театр европейского типа — Цукидзи, театр Осанаи². Когда, вернувшись уже в Москве, я показывал фотографии Качалову и Лужскому, они, Качалов и Лужский, находили на этих фотографиях самих себя. Осанаи так ставил вещи Чехова, что взяты были не только декорации, но и мизансцены. Осанаи переиграл почти все постановки Художественного театра. В почтительнейшей рамке у него висит в театре Станиславский. Осанаи считал Художественный театр — лучшим в мире. И работа Осанаи в Японии равнозначна работе Мейерхольда в России (вот еще одно доказательство «наоборот», — ибо девяносто процентов театральной революции Мейерхольда — так же, как Осанаи у Запада, — взято Мейерхольдом у восточного театра). Театр Осанаи — революционный в Японии театр. Когда ж я пришел впервые на классический японский спектакль, в Кабуки, я понял, что многое я уже видел у Мейерхольда. Театр Осанаи — единственный в

¹ И роман Кагава тому свидетель!

² Глосса Кима. Осанаи Каору. Родился в 1891-ом году. Окончил литературный факультет Токийского университета. Автор ряда романов, новелл, драм и теоретических работ по театру. Организовал вместе с одним из лучших актеров японского классического театра Итикава Садандзи «Свободный театр», который наряду с театром проф. Цубути открыл новую эру в истории японского театра. В 1926 году Осанаи руководил театром Цукидзи в Токио. На сцене этого маленького театра ставились вещи Стриндберга, Газенклевера, Чехова, Метерлинка, Л. Толстого, Чапека, Пиранделло, Горького, Вильдрака, Кайзера и О'Нэйля. Три постановки Осанаи подвергались запрещению со стороны полиции. Осанаи умер в 1927-ом году.

Японии европейский театр, — и множество есть театров в Японии классической японской трагедии.

«В Токио, на холме Кудан, при храме Ясукуни я видел но — те религиозные мистерии, которые суть прародители театрального действия, а в Осака я был в кукольном театре, который также есть прародитель театра теперешнего. На но артисты играют в масках. В кукольном театре играют куклы, величиною в человека, по сцене их двигают люди. И до окончательнейших пределов доведена условность театрального действия, когда зритель, отдавший в прихожей гэта, сидящий на полу, должен не в и д е т ь на сцене «никтошек» которые управляют куклами и помогают артистам, — и должен представить, что эти куклы и люди, говорящие и поющие голосами чревоушителей, говорят нормально. Но и кукольный театр окончательно поросли сединою. Мне показывали на но маски, которым пятьсот лет. В театрах же Эмбудзьо, Кабуки, Тэйкоку — в классических японских театрах — у каждого театра есть свой храм, храмик, где курится сандаловая смола и где хранятся священные реликвии театра. А артист Утаэмон Накамура, знаменитейший артист, играющий женщин, восьмидесятилетний старик, — есть тринадцатый в роде артистической династии Утаэмонов. И при мне однажды в театре вышел на сцену старейший из династии артистов, с ним вышел молодой артист, молодой стал на колени, и старик оповестил, что старший в роде молодого умер, этот молодой берет имя умершего и будет честно нести его до конца своих дней. Около сцены в этих театрах выставляются плакаты, на которых написаны имена артистов и благодарность зрителям, посетившим театр.

«И кто знает, что вращающаяся сцена и «дорога цветов» (дорога цветов, в элементарном зачатии, имеется в России только у Мейерхольда и ею пользовался Вахтангов в Турандоте), — что вращающаяся сцена, дорога цветов и использование прожекторного света — взяты европейским театром у восточного! — при чем у нас на сцене только один вращающийся круг, а в японском театре — два¹. Женские

¹ Глосса Кима. В 1668-ом году в театрике Каварасакидза впервые была устроена деревянная тропа, пересекающая весь зрительный зал, концом перпендикуляра упирающаяся в сцену. Тропа была предназначена специально для того, чтобы на ней раскладывали акте

роли в японском классическом театре играют мужчины. Там, за кулисами, в уборных Утаэмон Накамура, Канья Морита, Байко Оноэ, Косиро Мацумото, Содзюро Савамура — у этих знаменитейших японских артистов — перед уборной надо снять башмаки, надо поклониться артистам в землю. В уборных — аскетическая чистота, монастырская простота. Подушка перед зеркалом. На подушке артист. Сбоку хибати. На столике письменные принадлежности. Столик с гримом. Мацускуэ Оноэ, восьмидесятичетырехлетний человек, надписал мне на память иероглиф счастья, лучшую вещь, которую я вывез из Японии.

«Артисты гримируются так, что их грим похож на маску. Грим остался от веков масок. По гриму, по цвету грима, по тому, как подняты или опущены брови или углы рта, — зритель должен знать какую роль — благородного человека или злодея, счастливого или несчастного, прочее — какую роль играет этот человек. Пусть грим будет ступенью в мир театральных условностей, рожденных веками японского театра. Ибо, как грим, костюмы, декорации, свет, — все условно и в этой условности абсолютно строго учтено. Каждый жест актеров, манера его поступи, его движение, его голос — все в своей условности регламентировано. И — какая красота возникает вдруг в этой окончатель-

рам подношения. Но вскоре на этой тропе стали шествовать и бегать по ходу действия, и она стала незаменимой и неотъемлемой частью сцены. Между прочим в театре но, театре Асикагской эпохи, фигурирует мост — хасигакари, который может показаться прототипом «дороги цветов». Ныне историками театра непоколебимо установлено, что мост не имеет никакого отношения к «дороге», последняя развилась совершенно самостоятельно. Уже во втором десятилетии XVIII века на японской сцене стали применяться технические ухищрения. История японского театра сохранила имя крупного сценического новатора в Эдо — Накамура Дэнсити, изобретшего движущиеся декорации и перемещающиеся сценические коробки. Этот Всеволод Накамура делал полные сборы в театре своего имени — «Накамура-дза», показывая остроумные фокусы сценического оформления. В пятидесятых годах XVIII века все театры стали уделять острое внимание технике моментальной смены сцен, и здесь была поставлена проблема о верчении сцены. Вначале на самой сцене ставили площадку на колесах, и три-четыре никтошки медленно поворачивали ее, но в 1793 г. — в год французской революции — на японской сцене тоже произошел переворот. Один из оформителей догадался построить сцену на подобие карусели или волчка. Вскоре сцена весело закружилась, и стало навеки возможным мгновенно менять сцену и одновременно показывать два действия, происходящие в разных местах.

ной условности, где ничто не неучтено, где каждый жест, каждая интонация голоса, все выверено так, чтобы нести свои капли в копилку красоты. И как трудно после японского театра первый раз видеть европейский, где актеры слезли с котурн и ходят, кажется, как им бог на душу положит, и ходят во мраке. Во мраке — потому, что такого количества света, который есть в японском театре, нет ни в одном европейском театре, ибо на сцену в Японии бросается столько света, что там можно кинематографировать.

«Я пришел в театр в два часа дня. Я уйду оттуда в десять вечера. Я погружаюсь в мир условностей, где восьмидесятилетний старик играет девушек, где пьесы даже современных авторов (Дубоути — современного японского Шекспира, как его там называют) берут сюжеты из токугавской эпохи бытия самураев, где абсолютная сентиментальность и красивость. На сцену в сопровождении никтошек — дорогой цветов — идет артист. Он идет так, как обыкновенные люди не ходят. По тому, что лицо его мелово-бело, я знаю, что это несчастный герой. По тому, что он в белых одеждах, я знаю, что он благородный, неправильно гибнущий герой. Он идет дорогой цветов минут пятнадцать — вечность в театральном действии. Все глаза устремлены на него. Но вправо от сцены на помосте сидят три музыканта. Они играют на сямисэнах, и один из них голосом, идущим из желудка, никак неестественным, рассказывает историю героя. Он кончит рассказывать к тому моменту, когда герой пройдет дорогу цветов и придет на сцену. Никтошки, провожающие героя, одеты в черное. Они в масках. Их надо не видеть, как они поправляют костюм на герое, как они из маленького чайника дают промочить ему горло, как они, к тому моменту, когда герой приходит на сцену, перетаскивают декорации. Их — не надо видеть, но я слежу за ними, чтобы уловить фокусы того, как они меняют на сцене — на глазах у зрителей — города и замки на морские берега и горные тущобы, — как их волей плывут сампаны и движется целый остров, декорации на котором построены во всех трех измерениях, — как они передевают на сцене артистов. Я слежу за ними, за этими черными людьми в масках. Черными своими халатами эти люди должны были бы разрушить красоту света и красок. И я не успеваю проследить за ними в этой самурайской

пьесе, действие которой идет за сценой, о действии которой узнается из рассказа сямисэнщика, а на сцене видна только иллюстрация к этой длинной самурайской истории.

«Злой даймю уничтожает весь род своего вассала. Это рассказывает сямисэнщик. Один из сыновей вассала тайно учится в народной школе. Дайми посылает другого своего вассала убить этого мальчика. Сямисэнщик рассказывает, что этот второй вассал поклялся убитому вассалу сохранить жизнь его сына. Дорогой цветов идет вассал, посланный даймю на убийство. На сцене проходит — замок даймю, народная школа. Сямисэнщик рассказывает, что в этой же школе учится и сын идущего убивать. На сцене, пока герой идет по дороге цветов, показано, как мать ласкает своего сына. Все это кончается тем, что отец, чтобы сохранить, как он поклялся, жизнь сыну убитого вассала, вместо этого мальчика убивает своего сына. Он отрубает голову своему ребенку. Мать и отец тоскуют над головой сына. Всеми условными жестами и интонациями голоса отец передает страдания. Сямисэнщик уже молчит. И зрительный зал во мраке рыдает. И я чувствую, что и у меня в носу щекочет от этой наивной мелодрамы.

«Или: сямисэнщик рассказывает, а артисты иллюстрируют, как — в грозу, в молнию — княгиня-мать потеряла сына. Прошли годы. Мать, в тоске и обеднев, сошла с ума. Она ходила всюду, разыскивая сына, нищая старуха, и всюду рассказывала, как в грозу умер ее ребенок. Сын же ее не умирал. Он попал в буддийский монастырь, там рос и учился, и стал первосвященником города Нара. И там старуха-мать и сын-священник встретили друг друга. Сын узнал мать. Мать не узнал сына. И опять в этот момент, когда сын и мать плакали друг около друга, плакал и зрительный зал.

«На мой ум: только наивно. На мой глаз: удивительно, прекрасно, потому, что до Японии мне нигде не приходилось видеть такой продуманнейшей красоты, условности, доведенной до классики, рожденной но о, созданной династиями актеров, живущих за маленьким театральным хранилищем.

«И для пропорции формулы шара: один европейский театр и десятки классических. Многие писатели, по моей анкете, никогда не ездили на лошадях, сразу с курума (рик-

ша) пересев на автомобиль и электрическую дорогу. Приняв машинную Европу, нация японцев за последние семьдесят лет увеличилась в своем росте на два вершка, — нация, которая столетиями отсиживала ноги. И опять надо думать о наобороте и о шуме гэта. Если национальный шум Японии — шум гэта, то национальный запах Японии — запах каракатицы, ибо из каракатицы делается тушь, а каракатица — и свежая, и сушеная — продается в изобилии для еды, и на мой нос каракатицей пахнут даже санталовые курения. Студент Исида, с которым я познакомился в Японии и который со мной приехал в Россию, на мой вопрос — как он с русскими кушаньями? — ответил:

«— Спасибо, я привык, только, извините, я никак не могу привыкнуть к сметане».

«Сметанного понятия в Японии нет.

«Ну, а мы должны были привыкать жить совершенно без хлеба, есть каракатицу, маринованную редьку, горькое варенье, сладкое соленье, черепах, ракушек, сырую рыбу, сливы в перце, десятки кушаний за обедом, в малюсеньких лакированных мисочках, есть двумя палочками, сидя на полу. Пищу — мастерство кухни — тоже надо считать искусством.

«Всякое искусство — и искусство пища, театра и живописи — все это есть те монументы, которые возникают надстройками над бытом и, перешед бытие, бытие утверждают. Мейерхольд — революционер западного театра. Осанай — революционер восточного театра. Мейерхольд — в зависимости от восточного театра. Осанай — в зависимости от западного театра, от Московского Художественного. Японские классические картины в императорском музее, написанные сотни лет назад, есть то, к чему сейчас стремятся революционнейшие, левейшие художники запада, — есть последнее слово западно-европейского искусства. А на выставке Национального живописного общества, где были выставлены полотна тридцати с лишним современных японских художников, только у четырех-пяти — у Сахара, у Тамака, у Такаяма, у Мураками — сохранилась старо-японская манера письма. Работа остальных есть французский, голландский, немецкий классический запад. Иль — американский плакат. Достижения этих последних — есть тот канон, от которого на западе теперь освобождаются — во имя классической восточной живописи.

«Но вот существеннейшее: монументы возникают только тогда, когда фундаментом к монументам у нации есть материальные и духовные накопления. И работа Осанаи, работа художника Кавасима, их достижения стоят теперь на такой высоте, что Осанаи был бы желанным режиссером в европейском театре, а картины Кавасима нашли бы себе место на выставках парижского Салона».

Пильняк 32-го года не опровергает этой главы.

Средневековые создавало, создало и оставило не только Рабле, шутки которого напоминают шутки японского классического театра, не только Шекспира, который очень пользовался 6 японскими классическими сюжетами, — но и этот классический японский театр.

Англичанин в классическом театре услышал бы средневековую английскую историю о горбуне Лосторе. Немец прочитал бы на пилястрах театрального чайного домика германскую балладу. Покинутый родителями, ростом с мизинец, с иголкой вместо меча, ножнами которой служит соломинка, самурай, он приходит в Киото и женится на дочери министра, — разве это не европейский мальчик с пальчик?

Рыбак Урасима в сети поймал черепаху. Рыбак Урасима выпустил черепаху в море. В полночь женщина дивной красоты разбудила рыбака. Она повела его, — куда — об этом рассказано в «Тысяче и одной ночи», это перефразировано Пушкиным в «Сказке о рыбаке и рыбке», по деревням в России рассказывается об этом в сказке о царевне-лягушке.

Храбрый Сусаноо идет войной на дракона — змея-горыныча, поедавшего девушек, — и храбрый Сусаноо повторяет хитроумного Одиссея, опыняя дракона чудодейным вином. Кольцо-невидимка — Сандрильона, российская Золушка.

Писательница Мурасаки Сикибу написала роман о похождениях знатного юноши Гэндзи Моногатори, — японский Линьон не обладает терпеливостью и сентиментализмом европейского. Идиллии там кульминируют не воздыханиями, но актом совокупления, — но проистекает все это в сени кустов, при луне, в цветочных ароматах и женщины балдеют в любовной томности не хуже европейских.

Месть. Материнское самоотвержение. Наказанные измены. Андромаха, продающая свою верность, чтоб приобре-

сти верность мужа. Женевьева Брабантская. Принц, влюбленный в гейшу-куртизанку. Гейша-куртизанка, любящая принца, во имя своей любви, чтобы спасти от себя принца, отдающая себя тюрьме правосудия. Кальдерон. Шекспир. Даже Мольер. Даже чуть-чуть российский Островский. И, конечно, Сервантэс — милейший Санчо-Пансо, донкихотейший Дон-Кихот. Самураи с честью и самураи без чести. Плутующие бонзы. Воры. Йосивара. Прелюбодеи. Чудесные беспутники. Честные купцы и купцы-разбойники, и купцы-новаторы и ростовщики. Сводни. Рогоносцы. Человечнейшая — и вселюднейшая — средневековойшая — японская в такой же мере, как и европейская — картина!

Следует заключить, что средневековые у японцев было хорошее, обстоятельное, отстоявшееся.

И следует рассказать коротко содержание пьесы крупнейшего современного японского писателя Кикиути Кана (по глоссе Кима). Тоннель, о котором идет речь, существует в реальности на острове Кюсю. До появления этого тоннеля приходилось проходить, повисая над гулкой пропастью, мостом, который опоясывал отвес скалы. Многие путники, у которых был неудачливый гороскоп, низвергались в бездну этого моста. Один эдосский самурай, после невольного убийства своего владыки, проведший многогрешную юность, уставший от наслаждений убийств, обрил себе голову и, надев четки, пустился в странствие. Он пришел в деревню, около которой висел смертоносный мост. И он запылал желанием вооружить жителей окрестных деревень кирками и продолбить через скалу проход. Страстные речи пришельца ударились о скалу недоуменного изумления. Рьокай, так звали самурая, взял кирку и принялся за работу. Вид человека, колотящего по скале, был поистине жалким. Когда Рьокай через год, прорыв около двух сажен, скрылся в скале, его почти все забыли. Через четыре года пробоина в горе была длиной в семь сажен. На девятом году глубина пещеры уже достигла 54 аршин. Стук кирки из дыры делался все глуше и глуше. Окрестные жители, не читавшие Шекспира, сказали себе: «— Если это и безумие, то довольно систематическое» — и стали понемногу помогать Рьокаю. Рьокай работал, неутомимый, ровный, безмолвный. На восемнадцатом году после начала работы Рьокай не мог уже ходить. Он мог только стоять на коленях и бить киркой.

И тогда в деревню забрел один самурай, который, расспросив словоохотливых жителей о личности Рьокая, вдруг прося и, схватившись за рукоять меча, бросился в пещеру. Добежав до места работ, он схватил полуслепую бонзу за шиворот и громко назвал себя. Он оказался сыном самурая, павшего когда-то от руки Рьокая. Сыну убитого пришлось, согласно велениям самурайского обычая, по достижении совершеннолетия, пойти разыскивать убийцу отца, чтобы выполнить акт священной мести. Он, наконец, пришел к цели. Помощники Рьокая камнями отогнали самурая и после долгих увещаний вырвали у него согласие подождать до конца работ, до завершения туннеля. Первое время самурай злоежде сидел в стороне, наблюдая за работающими, но через несколько дней решил присоединиться к ним, чтобы ускорить хотя бы на минуту приход сладостного мига — удара мечом по шее Рьокая. Самурай взял кирку и, став на колени рядом со смертельным врагом, неистово заколотил по камням. Самурай и бонза бок о бок, плечо в плечо, проработали ровно год и еще шесть месяцев, и в одну сентябрьскую ночь — как-раз на двадцать первый год после первого удара — кирка Рьокая, звякнув, застряла в скале. Открылось звездное небо, огоньки деревень на горах и берег реки. Бонза бросил кирку, хрипло крикнул что-то и упал к ногам самурая, подставив свою голову под его меч. Но тот, потрясенный и смятенный человеческим подвигом, чудовищной победой человеческих рук, торжеством человеческого труда, молча опустил на колени, подняв рыдающего старика с земли, и обнял его. Так повествует Кикиути. Если бы Кикиути приехал в Москву и поучился хотя бы месяц в КУТВ'е что на Страстной площади, он, вне всякого сомнения, написал бы еще раз об этом туннеле. Кикиути отбросил бы в сторону мелодраматический сюжет с историческим бонзой и всепрощающим самураем и написал бы о том, как крестьяне нескольких деревушек провинции Будзэн двадцать с лишним лет непоколебимо боролись с каменной стихией, о том, как они ее великолепно победили!

Пьеса Кикиути о Рьокае написана лет десять тому назад.

Пильняк 32-го года просит акцентировать, что классических театров в Японии десятки, кукольный театр и но — существуют. Театр Осанаи не погиб после смерти его ос-

нователя, окончательно превратившись в революционный театр, в коем разыгрываются не только революционные пьесы, но и революционные трагедии действительной жизни, в роде той, когда в дни пребывания Пильняка в Токио, в мае 32-го года, из помещений театра был разогнан съезд левых писателей, сопровождаемый полицейскими арестами.

Но Пильняк доводит до сведения, что к театру Цукидзи прибавилось еще несколько видов европейского театрального действия. Это в частности — пролетарская синяя блуза, рабочие районные театры.

И тоже в частности — Такарадзюку — нечто в роде американских бурлески и европейских мюзик-холлных номеров. Это женская танцовщицкая труппа, балерины, которые танцуют и пачкой по сто человек, и в одиночку. Они танцуют, естественно, в европейских платьях или — точнее — в европейском бесплатии, с ногами выше головы или с сотней ног. Сотней ног они изображают сопение паровоза. Двумя шеренгами полсотен ног они показывают, как японцы неверных и коварных китайцев поражают на полях Манчжурии. Одинокие пары ног выше головы наслаждаются одиночеством заглядывания под юбки. В Такарадзюку, как в Париже и Чикаго, при помощи ног не только возбуждается мужской половой инстинкт, не только подается искусство нового танца, — но и передаются политические новости.

Такарадзюку — дополнены барами вокруг Гиндзы, совершенно естественно.

Эстетическое рассуждение Пильняка о геометрической форме шара — пусть существует!

4

И есть у Пильняка в «Корнях» следующее.

«Исследователи строения земного шара говорят, что Японский архипелаг являет собой две складки вулканических цепей, пересекающие друг друга, из которых одна идет со дна океана, другая с Курильских островов, и что не исключена возможность, если обе эти вулканические системы будут действовать одновременно, — не исключена возможность того, что весь Японский архипелаг в громе (или, точнее, беззвучно) землетрясений и вулканических катаклизмов исчезнет с лица земли, провалившись в

море. В беззвучии землетрясения: при землетрясении 23-го года шум был так велик, что он не был слышен. Когда люди говорили друг с другом, они видели, что губы двигались кинематографически. В эти дни землетрясения, продолжавшегося четверть часа, на одной из площадей Токио умерло, сгорело, задохлось в дыму — сорок тысяч человек. Самым страшным было то, что люди — пролетарии, купцы, мужчины и женщины, министры, шедшие и ехавшие по своим делам, вдруг почувствовали, как потерялась их воля. Не кто-нибудь иной, а госпожа земля — кинула людей вверх, тряхнула о потолок и стены, швырнула к другим стенам или вон на улицы. Тогда на токийских площадях люди сгорали и задыхались в течение трех дней.

«Первым движением японцев, которое было в момент землетрясения, это было — не двигаться. В Йокогаме разорвало плотины. Вода из моря полезла на землю. Вода из озер заливала парки. Нефть из цистерн горела на воде. Был такой шум, что для человеческого уха он превратился в беззвучие. Министры потеряли свои квартиры. Тогда пришла ночь, полыхающая невероятными заревами. Министр Патек оказался в одном из парков, по грудь в воде. Там он встретил не то английского, не то германского посла. По грудь в воде посол и министр вели соответствующие их рангу разговоры и возмущались обстоятельствами.

«Той ночью между огней, по шею в воде с бумажными фонариками, ходили люди, выкрикивая:

«— Люди, кто может сказать о таком или таком-то, там-то работающем, принадлежащем к такому-то роду и носящем такое-то священное имя?»!

«Так одни разыскивали других, дети отцов, отцы детей. И отцы, и дети, матери, мужья и жены, братья и сестры — не находили друг друга. Или находили друг друга. Отец нашел свою дочь. Они не бросились друг другу в объятия, нет. Они поклонились друг другу тем глубоким поклоном, которым кланяется японская вежливость, с руками на коленях и с шипением губ. Они поздравили друг друга добрым вечером. Они не коснулись друг друга.

«Первым движением японцев в землетрясение было — не двигаться, осмотреться, решить, организовать нервы. Сорок тысяч человек погибли только на одной из токийских площадей. Вокруг горели кварталы. Людей

засыпало горящими галками. Они стлевали в огне. Пожар кварталов съедал кислород. Люди обугливались от сжигающего жара. Кругом горели кварталы. Людям некуда было уйти. — Когда, после пожаров, оставшиеся в живых пришли раскапывать мертвецов, эти живые увидели, что мертвецы умерли, обуглились — в совершеннейшем порядке, строгими шпалерами. Живые под мертвецами нашли живых детей. Взрослые, организованно, обугливаясь, умерли без паники, почти без паники и — во всяком случае, обугливаясь, — углем своих тел спасали детей. Люди обугливались стоя.

«В беззвучии кинематографа в Токио и Йокогаме раскалывались многоэтажные дома, рассыпались, падали вниз. Из расколов, из щелей летели люди, кастрюли, хибати, куски людей.

«Япония еще не окончательно отлила свою форму. Восточные ее берега все время поднимаются, западные — уходят в море. В Токио, в Асакуса, там, где стоит храм Каннон, на памяти человечества было морское дно. Мне показывали деревушку, домики которой наполовину опущены в воду, домики не разрушены, как музейный обиход: десяток лет тому назад они были простой деревушкой, земля под ними уходит. Фудзи-сан, гора, о которой знает каждый человек в мире, и она каждое десятилетие меняет свои очертания. Земля Японских островов, тех островов, на которых живет тысячелетия японский народ, — эта земля движется всегда, постоянно, каждую минуту. Эта земля сотрясается грохотом вулканов. На эту землю в эти грохоты вулканов набрасываются волны океана, чтобы дать новый кусок земли или отнять. На этой земле народ живет тысячелетия. Я летал над Японией от Токио до Осаки. Японский архипелаг — красивейшее в мире место, красивейшего моря, красивейших гор, дорог, пагод, храмов, пейзажей, зелений, голубизн, оранжестей, тишины: все это совершенно верно. Но оттуда, из высот, с тысячи метров над землей, было видно, как эти японские горы выпирают из голубого моря. Сверху это — черный, злой камень, или вылезший из глубин, помимо его воли, или — тоже помимо его воли — просыпанный с неба, — злой камень, не нахожу другого слова, — страшная земля, изорванная обрывами и водопадами, разметанная камнями, лысыми верши-

нами, — злобная желтая земля, желтая, как лицо иссохшего старика-японца. Следовало бы недоумевать, — как у этого солнечного, корней солнца, всегда приветливо улыбающегося народа, народа, душу самурая отождествляющего с цветком вишни, — как у этого народа могут быть такие страшные, чортopodobные, ужасные боги, покоящиеся в их храмах? — тем паче, что каждый умерший в Японии переселяется в полубогов. С самолета из-за туч эта страшная земля была совершенно похожа — была судорогой чортopodobных японских богов, страшная, ужасная земля.

«23-го марта 1926 года, в 3 часа 20 минут я впервые испытал землетрясение. Было все очень просто. Был подземный толчок. Чуть качнулся, заскрипел и зазвенел стеклами дом. Чуть качнулись вещи на моем столе. Чуть качнуло меня.

«За все недели и месяцы моего пребывания в Японии очень и очень много разговоров, которые велись со мной японцами, начинались фразами:

«— а вот до землетрясения» —

«— а вот после землетрясения» —

точно землетрясения суть исторические эры. Да так, в сущности, и есть для японцев.

«Тогда, 23-го марта, я принял землетрясение не в плане поломанных костей и сожженного человеческого мяса. Тогда, в ту минуту, когда меня толкнуло ничем иным, как госпожей землей, не остывшей еще от космических действий вселенной, — я повеселел на момент от прикосновения к космосу, к тому великому и незнаемому и таинственному, что именуется Земля, что именуется космическими силами. И мне стало торжественно. Я — бессилен перед гражданином космосом. Но гражданин космос был у меня в гостях. Это он толкает меня сейчас. Это я — участник, пусть пассивный, космических работ!.. — У источников горячих ключей, около гейзеров, наблюдая за дымом вулканов, я всегда торжественно думал о космосе, еще не остывшем для этих островов.

«Но землетрясений было много.

«Однажды нас тряхнуло на улице. Улочка качнулась справа налево, сверху вниз, очень похоже на то, как получается на фотографических снимках, если, снимая, толкнули аппарат. Ноги заплелись в беспомощности. Правда,

у толпы первым движением было — не двигаться. Зазвенела и посыпалась посуда в соседней лавочке. Черные, пуговицами, вишенки глаз семилетней девочки раскосились в страшной, недетской сосредоточенности.

«И вот, каждое новое землетрясение никак не приучивало меня к себе, никак не делалось привычным. С каждым новым землетрясением все меньше было торжественности в мыслях о космосе. И уже не от мозгов, а со спины, от позвонка, приходил совершенно обыкновенный страх, самый разобыкновенный шкурный страшишко, — перед этим «гражданином» космосом, с которым ничего не поделаешь и который каждую минуту может тебя так тряхнуть, что ты вместе со всей Японией не найдешь себе места во вселенной.

Я жил в Японии — месяцы. Японский народ живет по соседству с этим космосом — тысячелетия. Стало быть, должен привыкнуть к нему и привыкнул? Стало быть, научился бороться с ним, обходить его, приспособлять к нему свой быт? — Ломанные кости и испепеленные, обугленные человеческие десятки тысяч не даются даром. Легенды японского народа о божественности его происхождения рождены вулканами?

«Социологам надо иной раз посидеть на краешке кратера дымящегося вулкана, посмотреть космическую дыру кратеров и — никак не поплевывать на социологию, рожденную вулканами».

«... Причины, давшие Японии возможность капиталистически развиваться:

- 1) Наука и техника, готовые из Европы.
- 2) Дешевый труд.
- 3) Удачные японо-китайская, японо-русская и мировая войны.
- 4) Жесткая таможенная политика (в связи с войнами) по отношению ввоза и протекционизм по отношению к национальной промышленности».

«... Главным конкурентом Японии на Дальнем Востоке являются Соединенные Штаты. Япония готовит плацдармы для войны с Америкой. Но Япония сидит под пятой американцев, ибо единственное богатство Японии — шелк-сырец — покупается только Америкой — 40 проц. всего

японского экспорта. Это в частности. Железо японцы ввозят, вырабатывая $\frac{1}{2}$ проц. того, что вырабатывают U. S. A.».

«... Япония — нищая страна, страна нищего камня, шалашей вместо жилищ, бобовых лепешек вместо хлеба, тряпок вместо одежды, деревяшек вместо обуви.

«Я смотрю направо и налево. И я вижу — удивительнейшее, до сих пор неизвестное мною. Я вижу, как японцы освободились от вещей, освободились от зависимости перед вещью. Народ создал свою архитектуру, которая определена бытом неостывшей земли, грибообразные дома без единого гвоздя и с бамбуковыми стенами, когда японский домик строится в два дня и в японском доме нет ни одной лишней вещи, вообще нет вещей в европейском понятии вещь, ни стула, ни шкафа, ни кровати, — одно хибати, будда, пара какэмоно: весь свой скарб японец может снести на плечах. Хибати сохранился от тысячелетий. Оби, тот пояс, который красиво бабочкой висит на спинах женщин, есть рудимент постели, кои носились женщинами на спинах. (Ойран носили постели на спинах еще в семидесятых годах позапрошлого века, — матери носят до сих пор детей на спинах, работая с ними, с детьми, в полях¹).

«Живая Япония есть страна мертвецов. Завет японца прожить жизнь так, чтобы быть достойным предков, дощечки с именами коих стоят в алтариках, — завет синто — религия этого безрелигиозного народа. Японский народ даже в свою безрелигиозную религию, каждый японец в отдельности внес правило, что всегда, какие бы ни были обстоятельства, пусть надо отказаться от куска хлеба, он должен найти правильный путь, пусть кривой, но всегда такой, который приведет к назначенной цели. Они переняли от европейцев, этот единственный на земном шаре цветной народ. На площадях землетрясений народ умирал организованно. Я видел однажды, как пожарные лезли на горящую стену, чтобы свалить ее, — было совершенно ясно, что они погибнут под горящими обвалинами, которые собою они хотели повалить; они были совершенно делови-

¹ Матери, работающие в полях с детьми за спиной, оказывается, оби и кимоно не носят, — смотри вышележащие справки. — Примечание 32-го г.

ты, они погибли, свалившись вместе со стеной, — толпа приняла это как должное. Народ создал такой язык, на котором нет слов брани. Народ создал такую манеру обихода, которая обяывает к вежливости. Японская мораль не позволяет женщинам кричать во время родов, и они не кричат, а когда во время родов кричала жена одного из русских дипломатических работников, об этом писалось в газетах. Вы никогда ничего не узнаете от японца по выражению его лица, — выражение лица японца создано, а не возникло, — так же создано, как освобождение от боязни индивидуальной смерти. Каждый раз, когда я говорил с японцами, даже с моими друзьями, даже в часы отдыха и прогулок, у меня разбалывалась голова. За последние сорок лет нация японцев повысилась в росте на два вершка: это сделано. У японцев есть понятие — сибуй, — трудно перевести — оскоминный вкус, отказ от вещи, доблесть простоты, доведенной до оскомины. Сибуй упирается в бусидо, — в ту честь, которая указывает не иметь денег, быть преданным и доблестным, не бояться смерти и не иметь потребностей. Сделанная психика японцев никак не похожа на психику европейцев. И еще о сделанности. Надо быть врачом, чтобы сказать, чей антропологический тип — японца или европейца — более совершенен. Но без качества врача можно утверждать, что тип японца более «сделан», чем тип европейца, более отстроен. И в Англии, и во Франции, и в Германии, а в СССР наипаче — есть и рыжие, и беловолосые, и серноволосые, и сероволосые, всех цветов. В Японии — все черноволосые. Иноволосых — нет. Эта особенность распространяется и на все другие антропологические особенности.

«В июле в Японии пойдут дожди. Они будут итти неделями подряд, в страшной жаре. Они не будут испаряться, все превратив в болото. Все будет покрываться плесенью, все будет истлевать в плесени и гнили. Солнце будет палить сквозь банные клубы пара в плесени, в многонедельном удушьи, когда ни днем, ни ночью нет человеку отдыха. А в ноябре пойдут с океана ветры, тайфуны, принесут холодную изморозь и туманы, «петербургскую» погоду, когда в японских шалашах за хибатями сидеть — занятие невеселое. Пусть на глаз туриста Япония очень красива.

«У каждого народа есть свой шум.

«Улицы Лондона чопорно шелестят, там не гудят даже рожки автомобилей, толпа там движется с медленной скоростью грузов. В России, в годы революции, национальным шумом были грохоты пушек вдали, шопот в переулках и песнь идущих красноармейцев на площадях. Америка сопит автомобилями и воет джазом рекламы.

«В Японии три шума. Тишина, безмолвие храмов и парков. Шум падающего водопада, шелестящего ручейка в деревне. И — человеческий шум гэта.

«Гэта — это деревянные сандалии, скамеечки, которые японцы надевают на ноги, выходя на улицу. В гэта японцы едут на велосипеде. В гэта детишки прыгают на одной ноге. Гэта прикреплены к ноге двумя бечевками, продетыми между большим и остальными пальцами. Шум гэта тверд, как кость, как голый нерв. Шум гэта страшен на ухо европейца, когда гэта скрипят деревом по асфальту.

«Шум каждой нации имеет свой смысл. Человеческий шум Японии: это костяной шум гэта.

«Автомобиль идет по улицам, залитым солнцем, цветами, пестрыми кимоно женщин, шумом трамвайных, автобусных, автомобильных рожков, простором площадей перед императорским замком, гамом американских быдлингов Гиндзы и Нихон-басси (японские быдлинги этажей по семь. Примечание 32-го г.), — окончательной теснотой национальных кварталов. И всюду главенствующий шум — шум гэта. В Уэно-парке, — так же, как в Хибиа-парке, как в Сиба-парке в Токио. Здесь в тени деревьев затаились национальный музей, храмы, чайные домики. Здесь под обрывом зарастает священными лотосами озеро. На острове среди озера — синтоистский храм. И здесь — в этот солнечный весенний день — тишина, пустая тишина, в роде той, что на Поочьи бывает в бабье лето.

«Мы едем к озеру Хаконэ. Поезда подходят к перрону каждую минуту, разменивают людей и мчат дальше. Поезд мчит мимо Йокогамы, по берегу моря, под горами, под горы. Мы едем до японо-библейской Одавара. Там мы берем автомобиль. И автомобиль несет в горы. Мы идем древнейшей дорогой самураев, путем из Киото в Эдо (нынешнее Токио), обросшим преданиями тысячелетий. Автомобиль лезет в горы, около обвалов, над обвалами, под об-

валами — древним путем, соединяющим восточную и западную Японию. Там, внизу, обрывается со скал река. Направо, налево с гор свисли трубы, зажавшие воду для того, чтобы ее энергия превращалась в белый уголь. Через обрывы перекидываются висячие мосты, по ним в горы уходят электрические поезда. Сначала идут леса бамбуков, затем платанов, японской сосны, лиственниц, кедров, криптомерий, просто сосны. Дальше идет ель. И еще дальше — каменные остуженные голые громады. Оттуда, с этих громад, можно шутить о том, что там за океаном видна Америка. И здесь наверху лежит снег, водопады выложили свои логовища льдом и холодом. Электрическая дорога повисла внизу висячим мостом, уперлась в скалу и ушла под камень, в тоннель. И тогда нам открылось озеро несравненной красоты, с водами, как небо в грозу, пустынными и прозрачными, как русский сентябрь. И в озере опрокинулся Фудзи-сан, раздвоившись, ставший над горами и опрокинувшийся в ледяных водах озера. Фудзи-сан — священная гора — покоивствовал, величествовал над окружающими горами и над нами, в белом своем плаще снегов. У озера, где путь самураев огибает озеро, стоят ворота, — граница между западной и восточной Японией. Тут рядом кладбище, таинственные японские могильные камни. Тут совсем недавно, только несколько десятков лет тому назад, средневековая застава спрашивала прохожих, — куда и зачем они идут мимо этой заставы?

«Мы мчали автомобилем в горах под, над и около обрывов, через пропасти, от жаркого весеннего утра до морозного зимнего дня, от бамбуков до елей и голых скал. Тоннелями и цепными мостами мимо нас уходила дорога, местная дорога, построенная только к тому, чтобы связать горных жителей с долиной и чтобы вывозить с гор леса. Я смотрел кругом и — кланялся человеческому труду, нечеловечески человеческому... Я видел, что каждый камень, каждое дерево охолоны, отроганы руками от долин до отвесов обвалов. Леса на обрывах посажены — человеческими руками — точными шахматами, по ниточке. Это только столетний громадный труд может так бороться с природой, бороться природу, чтобы охолить, перетрогать, перекопать все скалы и долины. Это только огромный труд может перекинуть через пропасти мосты и врыть-

ся тоннелями в земные недра на десятки километров. Это только человеческий труд может так зажать в трубы стихии воды, горные водопады, чтобы превратить их в белый электрический уголь. Все, куда ни кинь глазом, где ни прислушайся, все говорит об этом труде, об этом организованнейшем труде. Шесть седьмых земли Японского архипелага выкинуты из человеческого обихода горами, скалами, обрывами, камнями, — и только одна седьмая отдана природой человеку для того, чтобы он сажал рис. Рис может расти только в воде. Все долины Японии разрезаны полями величиной в среднюю нашу комнату. Земля на этих полях выверена по ватерпасу, чтобы вода на ней стояла ровно. Каждое такое поле по краям огорожено насыпью, чтобы не стекала вода. И все поля, все эти комнатовеличинные учреждения для проращивания риса соединены между собой сложнейшей и требующей окончательной внимательности оросительной системой. Вся Япония долин выверена по ватерпасу. — Ох, сколь это сложнее, чем европейская триангуляционная — на бумаге — выверка земли!

«Японская земля очень красива еще не остывшая от вулканов; та земля, которая человеческому труду отдала только одну седьмую часть себя, — пусть так. На самом деле чудесны глазу японские пейзажи вулканов, бухт, гор, островов, озер, закатов, сосен, пагод. Природа Японии — нищ а я природа, жестокая природа, такая, которая дана человеку — на зло. И тем с большим уважением следует относиться к народу, сумевшему обратять и возделывать эти злые камни, землю вулканов, землю плесени и дождей. И — за всей экзотикой и красотью, за всеми поездками, миллионотиражными газетами и прекрасными книгами — Япония — нищая страна, эта вулканическая держава. И понятно, почему японцы живут в шалашах, — понятно, почему едят ракушек, одеваются в тряпки, ходят босые на деревяшках, — это вулканическая держава организованного нищенства, нищенственнейшего экзистенциминимума. И — тем с большим уважением следует относиться к японскому народу.

«Национальные богатства государства создаются рудами железа и прочих металлов, каменным углем, нефтью, — тяжелой индустрией. Япония не имеет ни своего железа, ни

каустики, ни нефти. Ее уголь не коксуется. У Японии нет ничего, что обыкновенно, в стальной наш век, определяет национальную мощь государства. И тем не менее, Япония — великая держава.

«Мистер Смит из Шанхая, американский гражданин, так говорит о Японии:

«— Так это-ж не страна, а чорт знает, что такое! — говорит мистер Смит. — Ведь все они — жулики и невежды, хоть и все время улыбаются. И — каждый японец — идиот. Это — чорт знает, что такое! — а как соберется пять японцев, с ними не столкнешься, переговорят.

«— А — если десять?

«Мистер Смит молчит.

«— Десять японцев вместе — обжулят кого угодно в мире, — говорит сердито мистер Смит. — Но вы смотрите! — восклицает мистер Смит. — Это же не страна, а чорт знает, что такое, у них же ничего нет!.. — Ведь это форменные нищие!.. — у них же все плесневет, костюма нельзя хорошего привезти.

«Япония — великая держава. Япония не имеет ни железа, ни химсырья. И я вижу: то место, которое в Англии занимает кардифский уголь, в Японии заменяется нервами, волей, организованностью. Нервы и воля японского народа и его нищенство есть та необыкновеннейшая рента, организованностью своей создающая национальное богатство и национальную мощь. Этого я не видел ни у одного народа. Я слушаю шум гэта, костяной шум обуви. И этот шум есть для меня символ воли и нервов японского народа, нервов, сжавшихся до того, что они стали, как дерево бамбука.

«Старые народы, имеющие многовековую культуру, многовековой быт, — затруднены в новаторстве. У таких народов их быт, их обычаи, их мораль и их культура, законсервированные веками, теряют гибкость, теряли способности к новаторству. И нации более молодые их обгоняли именно благодаря своей молодости и гибкости, к новаторству способные. Так было с Египтом, Вавилоном, Грецией, Римом, Индией, Китаем. Казалось-бы, так-же должно было бы быть и с Японией, сверстницей Греции. Япония нашла

в себе силы стать молодой страной, — силы, указывающие, что у этой страны — очень много молодости.

«Какие это силы?»

«Я смотрю быт и обычаи японского народа, его этику и эстетику. Быт и обычаи поистине крепки, как клыки мамонта, — тысячелетний быт и обычаи, и сознание, перешедшее уже в бытие. И то, что в Японии все грамотны. И то, как организована японская воля. И этот тысячелетний быт, создавший свою особливую мораль, не оказался препятствием для западно-европейской конституции, заводов, машин, пушек.

«Какие это силы?»

«Развитие духовной и материальной культур, оказывается, не идет рука об руку. Далеко ли от Платона и Аристотеля, философов и мыслителей европейской древности, оазов человеческого духа вообще во все эпохи, — далеко ли от них ушли Кант, Гегель, Толстой? — и можно ли с этими нашими днями сопоставить век Платона, век ручного труда и войн кулаком и камнем — с веком заводов, металлургии, электричества, железных дорог, авиации, радио? — Ребенок, он родился ничего не зная, ему десять лет. Ему показали автомобиль. Он ничего не знает о том, сколько человеческого труда и гения было затрачено на создание этой машины. Он в три дня научился управлять этой машиной. То, что достигнуто материальной культурой — культурой вещей — прежних веков, он принимает как норму, от которой надо идти дальше, и воспринимает устройство автомобиля с таким же трудом, как устройство сохи. И другое. Ребенок. Для того, чтобы достигнуть культурного уровня его отцов, чтобы иметь право идти дальше в духовной культуре, он должен потратить тридцать лет, он должен потратить долгие годы. Толстого он может изучить не тем, что прочтет о нем, а только тогда, когда прочтет самого Толстого. И — сколько бы Толстых он ни прочитал, сколько бы научных дисциплин ни изучил, сколько бы ни проповедывали ему отцы — он по-своему расшибет себе лоб о любовь и ненависть, по-своему определит свое место под луной, создав свое оправдание своего места и своего назначения. И он все должен накопить сначала — от дикаря до Толстого и Платона. Ибо наследие предков, культура предков — биологическим путем передает культу-

ру отцов — даже не промиллями, но меньшими единицами богатств. И тогда, когда материальная культура делает шагги по европейской сказке сапогами-семиверстами, — шагура духовная тянется черепахом. В Америке колоссальная материальная культура, — но культура духовная там еще в пеленках, только сейчас встает на ноги. Черепаха духовной культуры японского народа заползла далеко.

«Ни одного Вестминстера и собора Парижской богоматери в Японии — нет, — ее храмы крыты соломой. Теперешние японские фабрики и заводы — не старше пятидесяти лет. Раньше заводов и фабрик в Японии не было. Японский быт упирается в землетрясение. Землетрясения освободили японский народ от зависимости перед вещью и убрали вещь. Народ опростался от вещи волей, не ошившей еще от вулканической деятельности земли. Японская материальная культура трансформировалась в волю и в организованные нервы, — жизнеспособнейшая культура «разумности», умеющая бороться даже с невзгодами вулканов. Япония — островная страна, — своей историей знает эпоху Токугава, когда Япония на два с лишком века заперлась от всех остальных народов мира. Это дало Японии чрезвычайно высоко напряженный национальный инстинкт.

«И еще одна предпосылка. Естественно: когда строят завод, его лучше строить по последнему слову техники, — и не всегда, когда есть уже старый завод, пусть отстающий от должного уровня техники, есть возможность его перестроить, ибо издержки на его переустройство не покроют тех преимуществ, которые даст новый завод перед старым. Это обстоятельство ставило очень многие отрасли производства во многих старых странах на колени перед молодежью.

«Я поставил себе вопрос:

«— Какие силы японского народа дали ему возможность, единственному народу на земном шаре не белой расы, стать великой державой, стать в ряд великих держав?» —

«И я отвечаю:

«— Вулканы.

«У Японии не было своей материальной культуры, — и была старая, проверенная веками, духовная культура, — проверенная веками и вулканами, выправленная волей и нервами. Известняка и склероз материальной культуры не

связывали руки японского народа (так, например, как они связали руки Китаю). Островная психика была подчеркнута националистична, старая духовная культура и воля — нашли силы противостать европейцам. Дешевый труд и тот принцип, что новый завод всегда строится по последнему слову техники, — дали право японцам бороться с европейцами. И решающим фактором в этой борьбе были воля и нервы Японии, рожденные вулканами».

... По поводу землетрясения 23-го года следует (Змеями Кима) сделать несколько дополнений. Есть классическая японская поговорка, состоящая из четырех имен существительных: «землетрясение — гром — пожар — отец». Она перечисляет квадригу наиболее грозных для японца явлений, расположенных в нисходящей градации. После землетрясения 23-го года японские социалисты, в чьих рядах вместе с катастрофой большое опустошение произвели жандармы и полицейские, пустили в обращение новую поговорку: «дзисин — кэмпэй — кадзи — дзюнсэ», — что значит: — «землетрясение — жандарм — пожар — полицейский». В обоих случаях на первом месте по грозности стоит землетрясение. Великое землетрясение 23-го года избрало своими жертвами пять восточных префектур во главе с Токийской. В одиннадцать часов пятьдесят минут утра 1 сентября 1923-го года земля в этих пяти префектурах внезапно прыгнула вверх на четыре вершка, а через несколько минут на побережье Камакуры, Дзуси, Кодзу с мощью, закачавшей вселенную, хлынул вал с Тихого океана, зеленая водяная стена в несколько сажен высотой. Земля стала извиваться и прыгать, как обалдевший дракон. С 12-ти часов дня 1-го сентября до 12 часов дня 2-го сентября сейсмологами было насчитано восемьсот пятьдесят шесть толчков. Со 2 по 3 сентября — двести восемьдесят девять судорог. После первых толчков в городах, во главе с Токио и Йогогама, запылали пожары, и жители этих городов оказались перед двумя бессмысленными стихиями, а жители прибрежной полосы восточных провинций — перед тремя. В Токио сгорело заживо 56.774 человека, утонуло в каналах, реках и прудах 11.222 человека и было раздавлено домами 3.068 человек. Этот бунт безобразия стихий уничтожил двадцатую часть национального богатства Японии.

Следует привести следующую таблицу:

«Газета «Дзи-Дзи»:

Дата	Пострадавшие районы	Число раз-	
		рушенных домов	Количество жертв
11/XI — 1855	гор. Эдо	50.000	6.757
14/III — 1872	Ивами, Хаката	4.049	537
28/X — 1891	Мино, Овари	225.000	7.273
22/XI — 1894	Ямагата	10.000	726
15/VI — 1895	Три северные провинции	13.066	27.122
31/VIII — 1896	Сев. провинц.	10.000	789
1/IX — 1923	Восточн. провинц.	558 049	91.344
23/V — 1925	Кита-Тадзима	1.700	387
7/III — 1927	Кита-Танго	26.607	2.992
26/II — 1930	Каногава	6.322	295

Японцы и американцы.

Эти две страны похожи друг на друга, как летучая мышь на буйвола. Эти две страны похожи друг на друга, как японский бонза на велосипедиста, — и так же, как американский дядя Сэм на японского студента.

Американские буйволы сели в автомобиль с тем, чтобы отвезти из городов по деревням — на ряду с «деревенскими» платьями, придуманными в городах, — самоновейший «капиталистический феодализм», эти люди, возникшие в бегах от средневековья и имевшие только две традиции — традицию молодости и традицию отсутствия традиций.

Японцы все еще едут на курума. Везет их курумайя, человек, а не машина. И загружены они на курума так, что их вместе с курамайей не видно из-за этих завалов традиций, преданий, поверий, феодальных реминисценций средневековья. Они едут из провинции в город. Они до суматошности спешат. Иные из них теряют терпение, — они выпрыгивают, выскакивают из-под багажа, через оглобли курумы, через голову курумайя, — они бегут вперед. И тогда оказывается, что в них, пусть они стары, молодости никак не меньше, чем у американцев.

Деревенская Япония до сих пор похожа на Китай. Из всех стран на земле городская Япония больше всего похожа на Америку, на U. S. A. И больше всего интересуется Америкой эта страна — императорские японские соединенные штаты феодально-империалистов. Недаром эти две страны, Корни Солнца и Юнайтэд Стэйтс, так сердечно любят друг друга вот уже много лет. Не случайно Америка «открыла» Японию для мира, предопределив эпоху Мэйдзи пушками коммодора Пирри!..

Как досадно, как досаднейше досадно Пильняку 32-го года за недозычи Пильняка «Корней»! — в главах о шуме гэта и о вулканах, где Пильняк «Корней» ставил себе вопрос, каким образом «языческая» Япония стала мировой державой, — в этих главах есть косноязычнейше и неграмотно выраженные истины.

То американское строительство, коим щетинятся в небо Токио, Осака и прочие японо-американские города, — это в очень большой мере не оправдано географическим расположением Японии на земле. Землетрясение 23-го года унесло двадцатую часть японского национального богатства: на Японию феодальную, на Японию деревень в этом разорении выпал всего один процент. Деревенская Япония столетиями приспосаблилась к землетрясениям бумажными домами, отсутствием вещей, организованной нищетой. «Господин Космос» бил в решающую очередь привезенное из-за океанов, — многоэтажные дома, тяжелые фабрики, нефтяные цистерны, — и шел пожарами коротких замыканий, самовозгораний светящего газа, разлитого бензина. Феодальная Япония провинциальных городов и до сих пор живет в отказе от вещей. Империалистическая Япония на ряду с былингами вещами обзаводится усерднейше. Тут к слову и месту будет вспомнить старое, во всех странах повторявшееся правило о том, что, как всюду, в Японии, цена национальные свои вещи, пусть их немного, — европейские — международные, капиталистические — вещи зачастую употребляют так же, как российский мужик однажды употреблял зубную щетку для расчесывания бороды.

На обрывах кавказских, альпийских и сьерра-невадских гор и их отрогов целесообразнейше разводить виноград. На севере живут голубоглазые блондины. Голубоглазые германцы, выехавшие из Германии на Нижнее казако-та-

тарское Поволжье, за полтора века монгольского солнца почернели, как киргизы, скулы покрыв азиатско-желтым загаром. На севере Сибири найдено небольшое племя, охотники. Охотники сами себе лили пули из замороженного свинца. В их пулях оказалось свинца пятьдесят процентов, серебра — тридцать и — двадцать процентов платины. Платина эта не добывается, ибо прежде чем ее добывать, надо построить дороги, притащить машины, послать людей и людям создать человеческую жизнь. Но в том же Советском Союзе в те же советские дни облазали все пустыни и горы, очаровываясь и разочаровываясь хондриллою, в поисках каучуконосов. Мысль понятна и не нова. Климатические условия, географические являются очень решающими коррегаторами человеческой жизни, человеческого экономического состояния и человеческих устремлений, — даже антропологии. В песках пустыни рыбу ловить бессмысленно, ибо ее там нет. На океанских водах пшеницу сеять не стоит, ибо в воде пшеница не произрастает и потонет.

Средневековье отрывало страны друг от друга всяческими стенами. Средневековье имело досуг. Древневековье катастрофически, решающе зависело от природных соизволений и должно было их слушаться. Средневековой Японии не приходилось трудиться великими китайскими стенами — их заменяло море.

Японцы позволили себе средневековую роскошь — на два с лишком столетия затвориться от мира, как мечтало каждое средневековье. Японское средневековье было средневековьем, так скажем, хорошим, длинным, степенным, неспешащим, от древности подслушавшим вулканы. Вулканы сделали крепкие нервы. Жестокая природа, нищая природа научила трудиться. Феодальная консервация за 200 с лишним лет анабиоза забила крестьян — второе сословие — до вежливости и терпения, до терпения безразличия. В то же состояние была приведена и целая половина человеческого рода — женщины. Феодальным идеалам помогла островная территория Японии.

Но в дни, когда к островам приплыли американские и европейские пушки, — японцев выручили — те же вулканы. Следующим образом. Пирри пришел в Йокогаму весной 1853 года. Путятин пришел в Нагасаки осенью 53-го года. Через пять лет после этих визитов японцы «заключили» со

всеми странами, с американцами, русскими, англичанами, французами, голландцами, пруссаками, ползавшими тогда по земле колониальным разбоем, такие «договора», как китайцы, в коих китайцы «благополучествуют» до сих пор, — договора о консульских судах и экстерриториальности иностранцев, о монопольной торговле, о пошлинных гарантиях и прочее, ничем от Китая неотличимое. Но — в том же 853-м Россия, Англия и Франция занялись на два года высокополезным делом Севастопольской кампании, после коей Россия приступила «к несчастью» освободительных реформ, а англичане с французами, во-первых, — склокой между собой, а во-вторых, — внедрением в Китай. Победительствовала Англия. Соединенные же Штаты, в успехе калифорнийского золота добравшиеся до Хакодате и Симоды, вдруг впали в гражданскую войну Северных и Южных штатов, надолго отодвинувшую заботы Белого Дома о благополучии Тихого океана и о справедливостях на нем.

Японцы имели передышку. В тихоокеанских водах хозяйничали англичане. И эти ж англичане задушили-б японцев, и им помогли-бы американцы, если-б англичане не прослышали, что японский император, вернувшись из божественного в человеческое состояние, пятым пунктом своей первой человеческой речи за всю тысячелетнюю историю не сказал бы:

«— Новые идеи будут заимствоваться со всего света, и слава империи от этого выиграет!» — и если-бы, на ряду с этой очень неглупой фразой, англичане не узнали-б с достоверностью, что японцы — просто нищие. Англичане первые отказались от неравных договоров с Японией. И англичане первые заключили союз с Японией.

Европейским державам в международных делах, и Англии, владычице морей, в первую очередь, неплохо было иметь на водах Дальнего Востока хорошего сторожа — против России, против Германии, да также и против Америки, хоть против Германии и России Америка полублокировала с англичанами. Японцы оказались слишком бедны, чтобы их стоило и можно было-б целесообразно грабить. Японцы оказались не так глупы, чтобы не стать на полстолетия английскими сторожами. Император сказал, и японцы — на пустое место — потащили к себе европейские штаны, шка-

фы, комоды, стулья — в гораздо меньшей степени, чем винтовки, пушки, порох, дредноуты, вообще военную промышленность. Неравные договора, расторгнутые англичанами в первую очередь, жили до конца XIX века. И они — бывают парадоксы — помогли экономическому росту Японии. Отсутствие высоких пошлин, оговоренное договорами, удешевляло европейские товары — и раньше всего машины, станки и фабрики. Ограниченная-ж деятельность консульств, оговоренная также договорами, помогала свободно трудиться японским купцам и промышленникам. Национальный бюджет Японии строится на ситце. Самое крепкое, что есть в Японии, — это армия.

В Японии — даже в баронских замках — за эти последние годы — в национальном их обиходе — вещей не прибавилось. То же хибати. Те же какэмоно. Те ж бумажные стены, и стены, и двери, и окна одновременно. Шкафы в японских домах поместиться не могут. Стулья на татами ставить бессмысленно. Татами остались на окраинах городов, по всей провинции, — по всей Японии, в сущности. Шкафы и комоды потащили за собой европейские этажи, лифты, швейцаров с галунами, грумов. Они уравнили улицы для автомобилей. Они поселились в столицах, в больших городах. Пословица гласит — дзисин — кэмпэй — кадзи — дзюна — землетрясение и прочее, в 23-м году унесшее двадцатую часть национальных богатств Японии, потрянув Токио о Йокогаму. Японцы забыли о том, что их земля негодна для тяжелой индустрии!?

Пушки commodора Пирри! — к тем временам токугавский режим создал уже богатейших купцов, знатно торгующих до сих пор. Крестьяне имели сотни восстаний, иногда многотысячными толпами сразу, в остервенении благоприличий нищеты. Ронины — самурай-дружинники, — хоть они и носили две катана, японские сабли, — переселились в города, чтобы на перекрестках у храмов и перед сьогунскими приказами писать молитвы и прошения, чтобы сочинять романы и поэмы о прекрасном прошлом, — чтобы актерствовать, — чтобы учиться на врачей, — понемножку превращались в интеллигенцию.

Японский писатель Игрэкава (от слова игрэк) говорил Пильняку в майскую ночь 32-го года, дня через два после майских событий:

— Я с очень большой охотой написал бы повесть о генерале Араки. Вы знаете этого человека большой воли, старинной закваски, японского полковника настоящей самурайской чести. Вы знаете те армейские силы, которые вывели этого рядового и незнатного генерала на пост военного министра, в положение сильнейшего человека империи — этого человека, о котором в газетах пишут, что он каждое утро занимается самурайскими упражнениями с катаной, с нашей национальной саблей. Это — армейские капитаны, ваши Максимы Максимовичи, покрашенные у нас самурайскими традициями. Вы помните обстоятельства, так характерные для Японии, при которых генерал Араки пришел в министерство. Перед его приходом было арестовано 70 человек офицеров его группы. Они, конечно, освобождены, ибо эти аресты показали правительству силу Араки. Араки пришел в министерство победителем. Он пришел в правительство с решениями самурайской катаной разрубить все узлы наших социальных противоречий, кризиса, крестьянского вопроса, — с решениями воевать. Меморандум барона Танака был его евангелием. Он не прочь был бы воевать со всем миром сразу. Генерал Араки, пришел в министерство и, став министром, прочитав секретное досье, ознакомившись с донесениями контрразведки, — министр Араки понял, что его мечты — есть только мечта. 15 мая, в час двадцать минут ночи, группа офицеров, из тех, что кидали бомбы и убили Инукаи, приезжала к Араки на дом. Этот ночной визит никак не похож на проявление дружеской заботы о генерале. Газеты сообщили, что генерала не было дома. К министру Араки приезжали люди, которые хотели того же, о чем мечтал генерал Араки.

Не повторилось ли с генералом Араки то же, что с Японией, в дни смены сьогуната на императорскую власть?

Под пушками американцев, русских, англичан сьогунат заключал договора с обладателями пушек. Это было во круг 58-го года, за десять лет до гибели сьогуната. Сьогунаты приняли иностранных консулов и послов.

«Реставраторы», восставшие против сьогуната, поднима-ли страну лозунгами:

- За реставрацию императорской власти!
- Против сношения с иностранцами!
- Против сьогуна, друга иностранных чертей!

Императорские «инсургенты» били династию Токугава именно за признание иностранцев. Если эпоха Мэйдзи (точный перевод — эпоха просвещения) была революцией, то революция опередила революционеров. Через пять лет после Пирри американцы «перезаключили» договор с сьогунатом, открыли новые порты Канагава, Нагасаки, Ниигата, Хього, установив право экстерриториальности для американцев. Самурайство ответило террором против сьогуната. Убили премьера Наосукэ Ии. В Эдо, в токугавской столице, в нынешнем Токио, разгромили и сожгли американское и английское консульства. Били «заморских чертей», стреляли по их кораблям. Англичане вместе с американцами, французами и голландцами послали соединенную эскадру, — погромили порты, разумно, конечно, корабельной артиллерией, — взяли контрибуции миллионов в пятнадцать долларов, — наказали виноватых скоро, право и милостиво. «Инсургенты» закричали еще громче:

— Долой иностранцев!

— Долой сьогунат!

— Да здравствует реставрированный император!

Были междоусобные бои, возглавленные клановыми вождями, самурайские бои между кланов. Южные кланы при помощи осакских купеческих рублей, победили северян вместе с сьогунатом. Осакских купцов, этих японских ганзейцев, родоначальников нынешних демократов, — во-первых, никак не надо забывать, а во-вторых, они очень боялись превратиться в компраторов, в лакее-купцов для иностранцев.

Власть оказалась в руках «инсургентов». Императорствовать стал император. И в первой своей человеческой речи император говорил, на открытии государственного совета — даири:

«— ... мы, император, клянемся... будет введена система совещательного собрания, и все меры будут приниматься в согласии с общественным мнением... предрассудки и вредные обычаи доевних времен будут покинуты, и справедливость явится единственной мерой поведения в будущем... новые идеи будут заимствоваться со всего света, и слава империи от этого только выиграет...»

Клановладельники и самурай, осакские и эдоские ганзейцы слушали речь императора с удовлетворением, эти, дав-

шие императору власть. Кланона начальники превращались в юнкерствующую бюрократию. Самураи мечтательно видели впереди дорогу интеллигенции, оседланную бусидо. Эдо-ские ганзейцы, подпертые властью, подпершие власть, разбавленные самурайскими сооси и кланона начальническими промышленниками, капитализировались, становились демократией, водили мечтами свои корабли на всех морях. Император переселился из Киото в Эдо, в сьогунскую столицу, в сьогунский замок, переименовав Эдо в Токио. Клан Тьосю взял на себя заботы об армии, на феодально-капиталистический откуп, поставлял вождей и переорганизовывал, европеизировал солдат и пушки, кормясь на них. Клан Сацума взял себе в откуп моря и морской военный флот. Правительство откупилось от даймио и самураев, заплатив им, вместо натурального средневекового риса, выкупные, отступные, сразу, одновременно, деньгами. Эти феодалы, ставшие капиталистами, сразу получившие большую деньги, но оставившие за собой аристократические припуки, — рублем стакнулись с купчишками, титулами и «сердцем» остались в кланах. Они первые, побывав в правительстве, организовали оппозицию, образовав партии, родоначальницы нынешних Сэйюкай и Минсэйто, запросив парламент. Партии родились из кланов Тоса и Хидзэн, но поддерживаются рублем и концернами Мицуи и Мицубиси, японские парламентарии. Пошли реформы. Уравнение «четырех сословий» освободило самураев от двух мечей и косички на голове на все четыре стороны в свободные профессии, в торговлю, в промышленность, на землю. Император высказал пожелание достигнуть в Японии всеобщей грамотности. В 1872-ом году возникла первая газета. В 77-м году открыт первый университет. Реформы административного управления, суда, денег. Телеграф. Почта. Железные дороги. Пароходство. Европейская медицина. Начинания и обстоятельства были совершенно разумны, прогрессивны и справедливы, — ибо — чем японцы хуже англичан и русских? — Темпы и реформы были колоссальны. Они шли из дворца. Страна баррикадировалась пошлинами, правительственным покровительством, правительственной промышленностью, правительственными идеями. Работали солдаты, купцы и иностранные инженеры. По миру поехали люди, чтобы собирать со всего света «новые идеи». Темпы были колос-

сальны. Города и дороги строились заново. В первобытном состоянии осталась одна лишь деревня, которой ничего не перепало от Мэйдзи, кроме новых налогов, пресуемая и феодальными традициями, и борзым капитализмом. Иностраный капитал за бедностью Японии в деревни не заглядывал. Иностранцы займы отправлялись на военные заводы. Япония очень быстро освоила германо-американскую технику правительственного управления. Япония сразу научилась у европейцев внешне экспансировать, начиная с 74-го года, когда японцы по тому же методу, как англичане и американцы лет за 15 до этого их самих, «наказали» «виноватую» Формозу, ныне принадлежащую Японии и называемую — Тайван. Тогда же японцы начали «мирно» проникать в Корею. На свои провинции японцам денег не хватало. Японские ганзейцы очень быстро осознали, осознав себя единым целым. Они никак не были оппозицией его величеству, — они были оппозицией его величества, — и то очень недолго, эти ганзейские американцы, американские демократы. Они запросили власти. Они удовлетворились прусским парламентом и американскими партиями, с теми караваями, которые дала им власть. Парламент был дан. Англия была другом, отказавшись от экстерриториальности. Китайцы были побиты. Англия стала твердым другом, заключив военный союз. Российский император был бит. Рабоче-крестьянский, женский, детский труд был каторжно дешев. «Колониальные» колонии были рядом. Феодальные эны капитализировались и концентрировались. Капитализм феодально монополизировал. Крестьяне разорялись. Демократия — соосиствовала. Япония европеизировалась. Прогрессивная Азия становилась жандармствующей Европой. Неравные договора были сброшены, — за счет вулканов и в благодарность феодально-клановому капитализму, очень неглупому, сумевшему освободить «язычников» от белого рабства до — до жандармского состояния.

Конец мировой войны был принят в Японии национальным бедствием!

Впрочем всеобщая грамотность...

Темпы! Темпы!

Японский парламентаризм теснейше живет с японским феодально-кланством. О японском парламентаризме можно не

рассказывать, отослав к рассказам об американских делах, одев американца в японский фольклор. Фольклор дорисует общий пейзаж. Не стоит искать преимуществ хрена Минсэйто — Сэйюкай перед редкой американско-республиканской. Следует вспомнить начало романа писателя Кагава, совершенно справедливое, — «Дни, когда возопиют камни». Американская — то бишь японская — демократическая партия постоянных членов не имеет. Членских взносов не собирает. Управляется боссами, которые все могут, и орграспредствует при помощи сооси. Доходы партии покрываются распределением мест, постов, концессий. Расходы партии покрываются взятками и воровством. Воровать для партии, — с тем, чтобы половина ворованного залипала по частным карманам, — никак не позорно. Субсидировать партию — даже правительственным министерским организациям — совершенно демократично. Места продаются и покупаются — места членов парламента, губернатора, министра, — равно как баронские звания и медали, — по священным традициям феодально-парламентаризма¹.

Американская — то бишь японская — демократическая партия пала вслед за убийством премьера. Новое министерство создано партией конституционных коллег, но в столичном муниципалитете остались демократы. Надо было распределить муниципальные места по рукам коллег. Коллеги уперлись в конституционных демократов, которые имели большинство в столичном муниципалитете. Раньше всего следовало свалить демократического мэра. Это делалось просто, на заседаниях гласных в муниципалитете. Гласные — коллеги вместе со своими сооси, устроили мэру парочку кошачьих концертов, понаставили десятка два членских фонарей под глазами, свернули набок дюжину членских скул, красноречиво и кроваво обвинили мэра в ротозействе, изломав всю муниципальную мебель. Вообще ломать муниципальную равно как и парламентскую мебель, совращать скулы и скромно выражаться — это есть достояние всех демократических неприкосновенностей. Голова у мэра цела осталась случайно. Мэр подал в отставку. Первый шаг был сделан. Теперь следовало придумать способ роспуска парламента и назначения новых выборов. Министер-

¹ Смотри об этом в книге Пильняка «О-кэй, американский роман» и в прочих ему соответствующих справочниках.

ство внутренних дел, которое уже переснастилось на конституционных коллег, послало ревизию. Ревизия установила, что, пункт первый, — полгода тому назад муниципалитет разрешил постройку новой ундрегрундной линии, получил от строителей полтора миллиона эн за аренду подземных недр, миллион провел по книгам, а пятьсот тысяч — по своим собственным фуросики (по-японски) или бумажникам (по-американски), — пункт второй — красильные предприятия столицы требовали с муниципалитета компенсацию за убытки в связи с переменной фасона вывесок, компенсацию получили и половину ее вернули отцам в знак благодарности, — пункт третий, пятый, множество. Демократы в последний день своего существования выдали разрешение на открытие новых двадцати пяти баров, получив за то благодарность вечным правом пребывания в оных и натуральным их пользованием, — на завтра были распущены, человек десять из них посели по кутузкам недели на две. Газеты неистовствовали возмущением. Назначены были новые выборы. Заработали боссы и сооси.

О работе боссов рассказывал лидер Тимура. Лидера Тимуру Пильняка видел в Токио в 32-м году, обедал с ним.

В старину сооси встречались на больших дорогах, чаще в одиночку, изредка артелями, иной раз в лохмотьях, но всегда с гордым видом и с катаной наготове, эти отважные самураи, эти ронины, на которых девушки из Йосивары смотрели с восхищением, которые часто замышляли смерть врагам, но чаще отыскивали себе господина. Теперь по летам они ходят в канотье и в европейских костюмах, эта порода сооси. Они не разбойники и не кондотьеры. Сооси — так скажем — почетная стража парламентаризма. Они ломают стулья на заседаниях. Они охраняют и рекламируют кандидатов. Они охраняют избирателей, воруют их друг у друга, воспитывают, пасут. Иному избирателю некогда пойти поизбирать, да и не охота, — он и улизнул бы от своих священных демократических прав, если бы не сооси. Под конвоем сооси избиратели ходят к избирательным урнам, защищенные от других, которые эскортируют других избирателей. Сооси бьют иной раз избирателей. Сооси дают им эны. Сооси клеветают на конкурирующих депутатов. Сооси выкрадывают секреты чужих партий. Соосями командуют партийные боссы — «капитаны». Капитанами командуют — лидеры.

Лидер Тимура описан писателем Кагава.

Писатель Пильняк был приглашен однажды в японский артистический дом на обед. К обеду неожиданно приехал человек, о котором прошептали, что он — он друг министров, в его руках судьба парламента, в его воле карафутские концессии и международная политика. Он перегружен работой создания нового кабинета министров. Он — все может сделать. Это был высокий по-японски, сухощавый и подвижной старик, в сером шелковом кимоно с громадным — поистине министерским — портфелем. Ему было отведено почетнейшее место, под камэмоно. Он сел за стол на пол первым, и он усердно пил сакэ. Он был очень весел, дружелюбен, подвижен. И сакэ его любило, по японской поговорке. И обед, выражаясь неточно, получился ералашным, — из-за веселья господина лидера. За обедом был единственный европеец — Пильняк. Господин лидер занимался тем, что поражал Пильняка. Он предложил Пильняку написать несколько слов на память и дал ему свое перо. Пильняк развернул автоматическую громадную ручку. Из ручки стремительно выскочил чорт на проволоке. Господин лидер распылся, раскололся, покатился смехом. Господин лидер передал Пильняку коробочку в роде тех, в каких хранятся у европейских дам бриллиантовые кольца и сережки, обделанную бархатом. Пильняк стал открывать, открыл, и — вдруг коробочка выстрелила, как пугач. Господин лидер взорвался смехом. Господин лидер в веселейшем смехе и гордости показывал все, как заряжается пистоном эта коробочка, и просил всех по разику стрельнуть из нее. Господин лидер предложил Пильняку закурить из его портсигара. Пильняк взял сигарету, и — все сигареты выскочили из портсигара, превратившись в длинную палку. Господин лидер блаженствовал хохотом, растирая себе от удовольствия голые стариковские колени, вылезшие из-под кимоно. Господин лидер подсунил Пильняку под локоть бумажную змею. Министрский портфель господина лидера был неисчерпаем. Господин лидер подарил Пильняку и змею, и портсигар и автоматическую ручку, сердечно радуясь тому, что Пильняк был поражен. Тросточнообразные сигареты, стреляющая коробочка, автоматические перья с чертями так разблагодружили господина лидера, что он повез всю мужскую компанию после обеда в чайный домик к гейшам для

самурайских танцев, при чем сам господин лидер был первым танцором. Господин лидер, любимый сакэ, обещал устроить Пильняку визу, позвонить министру внутренних дел — и, само собою, ничего не сделал.

Все это — совершенно естественно — вещи совершенно европее-американские. Речь идет о парламентаризме. Если бы в Японии была республика, то ее правительственный режим можно было бы не изучать, отослав к американцам. Но в японской конституции ни слова не говорится о парламентаризме и ни словом не поминается понятие «кабинета министров». Кабинеты министров в Японии, как известно, заняты главным образом игрой в чехарду. Япония — империя, император которой происходит от бога и породил все японское племя. Американские буйволы развозят ордена и титулы на скорострельных автомобилях из столиц по провинциям, голые от традиций. Японская летучая мышь едет на курума, задавленная орденами, в таком количестве примет, богов и чертей, от которых европеец впадает в философию потомственного философа Хомя Брута. Японские «инсургенты» от 15 мая 1932-го года, подписавшие свои прокламации «офицерами армии и флота, друзьями рабочих и крестьян», в первом абзаце распроклиная капиталистов, в последнем абзаце, как-раз перед подписью, восклицали:

«— Да здравствует император!»

Пильняк 32-го года убежден, что этот крик так же искренен, как вскрики инсургентов 68-го года и как мечты генерала Араки за сутки до министерского кабинета. Речь идет о власти. За 1932-ой год по тюрьмам в Японии расселось 7 тысяч коммунистов. «Офицеры армии и флота, друзья рабочих и крестьян», здравствуемые императором, — недовольны капиталистами и убили премьера Инукаи, подранив хранителя государственной печати, феодала и мракобеса, старейшего в клане Сацума, лорда Макино. Араки был выдвинут на министерский пост капитанами. Армия по-прежнему в руках клана Тьюсю. Военные корабли обшаривают Тихий океан, сильнейшие на нем попрежнему под командой клана Сацума. Армия и флот — сильнейшее в этой стране ситцево-государственного бюджета. Армия и флот заменяют в Японии тяжелую индустрию. Император никог-

да (теперешний император слывет за отличного энтомолога, сортирует мотыльков, и также изучает породы риса), — император никогда в Японии не владел реальной властью. Именно поэтому он так популярен. Император феодальных японцев действительно популярен так, как ни в одной другой стране, реставрированный освободитель синтоистский бог. Европейцы называют японского императора — микадо — выдуманным словом, ибо слова микадо в японском языке не существует, даже отдаленно созвучающего. Император по-японски — тэнно. Микадо по-японски — европейское вранье.

За императором и за министерской чехардой, за кабинетами и парламентом, существовал конституцией непредусмотренный Генро, инсургентский исполком 68-го года, от которого не помер только один принц Сайондзи. Генро был всемогущим. Сайондзи до сих пор утверждает премьеров. И существовал, и существует конституцией предусмотренный верховный тайный совет. Его название определяет его смысл. Он состоит из 26 стариков. Эти 26 пожизненно назначаются императором и председательствовали членом Генро. Эти двадцать шесть остались от клана нового средневековья. Писатель Кагава начал свои «камни» фразой:

«Весной пал кабинет Вакацуки под давлением верховного тайного совета» —

Кабинет министров существует по воле принца Сайондзи, последнего Генро. Палата пэров, верхняя палата парламента, существует по воле тайного совета. В ней пожизненно сидит человек тридцать принцев, человек тридцать маркизов, человек двадцать графов, человек шестьдесят виконтов, человек семьдесят баронов, и председательствует она принцем Токугава, который был-бы шестнадцатым сьогунуо его династии, если бы сьогунат его династии существовал.

Но верховная власть не здесь. Хранитель государственной печати лорд Макино — он старейший в клане Сацума, он крупнейший банкир и промышленник, — и он теснейший друг единственного Генро, принца Сайондзи. Верховная власть хранится вместе с государственной печатью.

Принц Токугава, он древен. Пильняк был в 32-ом году с визитом у принца Токугава. Он, древний Токугава, кроме палаты пэров, председательствует в Пан-Пасифическом клубе, в клубе японо-американского взаимораспознавания и вза-

имного понимания. Он вышел к Пильняку — в приемную свою гостиную — всеми веками японского сьогунатства и американским джентльменом, человек в веках и в визитке. Сьогунат жив в японском правительстве 32-го года не только сьогунуо-американцем, членом тайного совета и председателем верховной палаты принцем Токугава. Сьогунат первый «признал» европейцев-американцев. Сьогунат предрекал путь японцам. Путь сьогуната, признавшего европейцев, оказался историческим путем Японии. Сьогунат до сих пор, чего доброго, сильнее парламента, парламентаризма и демократии, правительственной японской демократии! — и не существует ли сьогунат в Японии до сих пор — императоро-концерно-сьогунат?!

Поистине рассуждения о геометрической формуле шара, о переплескивающихся национальных границах — имеют резон! — шум гэта в Японии заглушает, за шумом машин и парламентаризма, — не поэтому ли вулканы бьют в первую очередь по городам?!

У средневековья была замечательная традиция условностей, лицемерия, гипокритства, пронизавшая быт от дома до правительств. Голых королей полагалось видеть одетыми по штату. Собирались люди в гости. Хозяин готовил, что получше. Гостям хотелось наесться доотвалу. Хозяин говорил, — простите, мол, нечем вас угостить, так кой-какие пустяки, — точно вчера и третьего дня он ел и больше, и лучше. Гости кобенились, что-де сыты, забыли, да и пообедали дома. И цветы нюхали, точно всю жизнь этим делом только и занимались. По всему человечеству прошла этакая ерунда, как парики и иерихонские прически. Ехали в те же гости и прели под париками, стаскивали их с головы до поры до времени, съезжали они у них при танцах и драках с головы туда и сюда. Людовик XIV назывался королем-солнцем, — у него из-под парика вши на приемах ползали. Грабила одна страна другую страну, — называлось это войнами, и Лиги наций обсуждали: законно или незаконно происходит грабеж, на основании договоров либо нет?!

Средневековый режим условностей, лицемерности расцветал по многим причинам. Лицемерность в частности возникала производной от забитости, от подозрительности, соз-

данных всяческой полицейщиной. И они вырабатывали «терпение». Человеческая личность, стесненная в правах познания и в праве иметь свою мораль, ограниченная в своем труде, законсервированная традициями и каменностью власти, — не единственный-ли у нее, не наилегчайший-ли у нее путь — путь отречения и самопожертвования? не заключалось ли гордость средневекового японца в том, что он гордо носил ярмо, которого стряхнуть не мог? вплоть до ярма смерти, ибо и жизнь не принадлежала средневековому японцу! Если так называемая нравственность «народа» состояла у средневековья в покорном подчинении политической воле правителей, то японцы — куда обошли любой европейский народ!.. — при таких обстоятельствах иной раз действительно человеческая личная жизнь начиналась только со смертью: умер отец — старший сын стал жить по своей воле, умер старший брат — второй брат стал хозяином, — женщин личная жизнь не касалась.

Шум гэта!

У японцев есть поговорка:

— «слово сьогуна подобно поту, раз вышел, назад пот не возвращается».

5

В «Корнях» есть следующие рассказы:

«... японцы низкорослы, смуглолицы, черны, крепко скроены. Психическая организация японцев действует на европейца чрезвычайно утомительно. Японцы не любят, когда европейцы говорят на их языке. И европейцы, проживая иногда по несколько лет в Японии, не научиваются различать индивидуальных черт японского лица. Все лица кажутся им на одно лицо. Индивидуальность стирается. Она стирается и манерой японцев ничего не выражать лицом. У японцев есть манера вежливости шипеть при разговоре, кланяясь и при еде, шипеть, втягивать в себя воздух, как делают европейцы, обжигаясь. И мистеру англичанину начинает иной раз казаться, что он сидит за обеденным столом или беседует с японцами, когда для него стерта индивидуальность японцев и они шипят, как растревоженный муравейник, эти маленькие люди конденсированной воли и непонятного языка, — европейцу начинает совершенно ясно казаться, что пе-

ред ним не люди, а людоподобные — сделанные — муравьи...

«Европеец — американский гражданин мистер Смит или Райт из Шанхая — презирает Японию. Он говорит с величайшим презрением:

«— Это, чорт знает, что такое, каждый японец — обязательно идиот, а пять японцев вместе — такие наглые жулики, что с ними ничего невозможно сделать, и они тебя вокруг пальца обведут. Это же не страна, а чорт знает, что такое!

«Никак не разделяя мнения мистера Райта о Японии, тем не менее я очень его понимаю. В общежительном отношении эта страна — европейцу неудобна. Зимой в этой стране холодно и сыро. Летом в этой стране невероятно жарко и — опять сыро, так сыро, что все пиджаки мистера Смита и его ботинки покрываются плесенью. Нельзя достать настоящего сливочного масла, ибо такового нет, и невозможно получить настоящего хлеба, ибо, как европейцы не разбираются в тридцати способах варения риса, так и японцы не имеют толкового понятия о качестве хлеба. Ветчину европеец должен есть в консервах, привезенную из Австралии, квартиры, такой, чтобы не дуло с пола и из окон, в Японии найти невозможно, ибо, хотя там и строят европейские коттеджи, все равно они строятся на японский лад, картонными фонариками, в которых все дрожит и отовсюду дует. Все европейцу в Японии дорого, ибо японский табак ему непривычен, а на английский — баснословные пошлины. Ибо у европейца такие погрешности, которых нет у десяти японцев. Ибо — даже в универсальных магазинах — две цены: для японцев и для иностранцев.

«Но все это мелочи перед тем основным, что решает все, — перед тем, что в Японии не у в а ж а ю т европейца, белого человека. С ним совершенно вежливы и совершенно вежливо спрашивают на границе, кто у него бабушка, и неукоснительно просят развязать его чемоданы, — а затем в вагоне (он едет в первом классе, по вагонам идет бой-сан из вагона-ресторана, раздавая билетки на обед) мистер Райт, негодуя, видит, что в вагоне-ресторане сначала перекормят всех японцев, даже третьеклассников, и только потом позовут его, первоклассника. И накормят, чорт знает, какой белибердою, подделанной под английскую кухню. Но

и этой белиберды дадут такое количество, что мистер Райт поднимается из-за стола голодным, в горькой обиде от голода и от того, что его не уважают.

«Мистер Смит остановился в Токио в Империял-отэле, иначе он «потеряет лицо». За номер платит двадцать семь эн в сутки. И ему отовсюду дует. И его не уважают. И кругом него стена вежливейших лиц, — не лиц, а масок, через которые мистер Смит ничего не видит.

«Мистер Смит приехал заключить торговую сделку, и он ее заключит, — но непременно так, что он будет надут. Мистеру Райту вечером скучно, но в театр он не пойдет, ибо в тех местах, где японцы плачут, ему хочется спать. В ресторан он не пойдет, ибо никаким рублем его не заставишь кушать каракатицу. Хорошую девушку, гейшу из чайного домика, которая любила бы мистера Райта и была бы страстной, мистер Райт достать не может в этой, по его понятиям, развратной стране, — ибо хорошая японка не пожелает иметь интимных дел с европейцем, от которого — на нос японцев — кисло пахнет, а в Йосивару пойти — вся охота пропадет, как только он увидит, что там такая спокойная деловитость и институтственность, что даже выпить нельзя.

«И мистер Смит раздумывает о землетрясении. И ночью, когда на самом деле будет маленькое землетрясение, он выскочит в коридор из своего номера мертвецки бледным, без подштаников и с туплей в руках.

«И мистер Смит презирает Японию, ее камни, ее народ — чистосердечнейше, искреннейше. И если мистер Райт к тому же писатель, он пишет тогда — книги! — книги, интересные только тем, что в них можно проследить расовую ненависть европейца-англичанина к японцу.

«— Это же, черт знает, что такое, — говорит мистер Райт: — это же муравьи, термиты, которых даже землетрясения не унимают!.. Это же, это же, — и мистер Смит в страхе и недоумении склонен предаться метафизике! —

«Я сразу открываю карты потому, что у меня нет ничего, кроме окончательного недоумения и ощущения окончательного идтиотства перед японской полицией, — и ничего нет, кроме благодарности и уважения и даже виновности, — перед японской общественностью.

«... О полиции.

«В японских театрах есть такие «никтошки», которых надо не видеть, но которых все видят и которые в своей невидимости — тоже — играют. Сами японцы своих секретных агентов называют «ину» — собаками. Так вот эти «никтошки-ину», никтошные собаки, много мне крови испортили.

Китай был мне увертюрой. На китайской границе у меня отобрали все книги, взяли даже Флобера «Саламбо», издание 1897 года: большевистская зараза. В Харбине на моей лекции, когда я открыл рот, чтобы говорить, подошел ко мне китае-офицера-полицейский чин и сказал, дословно, следующее:

«— Гавари — нельзя. Мала-мала пой, мала-мала танцуй. Читай нельзя.

«Я ничего не понял. Мне перевели: полиция запрещает мне говорить и читать, но разрешает танцевать и петь. Звонили по властям, волновались, недоумевали. Некоторые советовали даже лекцию мою читать мне нараспев. Петь лекцию я отказался. Этаким добрый Китай: стоит, смущенно улыбается, вежливый, ничего не понимает и все объясняет в сотый раз:

«— Гавари нельзя. Мала-мала пой.

«Так и разошлись ни с чем.

«... Удивительнейшая, прекраснейшая на глаз страна — Корея, Страна Утренней Ясности, как она называется по-корейски, пустынная страна гор, долин, голубого моря. В вагоне, кроме нас, ехали японские офицеры, синяя весна благословляла землю. Мы сидели в обсервешэн-кар, в стеклянном вагоне, прицепленном к концу поезда для того, чтобы из окон его можно было обозревать красоты, поистине прекрасные. Мы сидели на терраске обсервешэн-кар, грелись мартовским солнцем, любовались белыми одеждами корейцев, точно вся Корея — некий средневековый, белоодеждый монастырь. Корейцы, высокие, стройные, в белых одеждах, трудились над рисовыми полями. В вагоне-ресторане бои подавали медленно, в этом солнце и тепле после голубых и отчаянных манчжурских морозов. Впереди, к ночи, предстояли Фузан, Цусимский пролив, — наутро — Япония, Симоно-секи.

«Мои дела начались с Фузана. В тот момент, когда я шел за безмолвным носильщиком, мне в глаза вник и меня оста-

новил низенький человек, в шляпе, в европейском пальто, сидящем на нем так же, как на мне сидело бы кимоно.

«— Ви — русский, ви говорите по-русски, ви грамотный? — спросил он меня сурово, по-русски.

«— Да, я русский, — ответил я.

Тогда он стал вежливым, поклонился в пояс, зашипел и сказал:

«— Ви — Поруняку-сан? Ви японский визит? Я ситар в газете.

«Он разыграл, что случайно читал обо мне в газетах, поэтому знает.

«— Ви писи-писи? — ритеракура?!

«— Да, литератор, пишу.

«Чемоданы мои были где-то. Ину повел меня на паром, он, видите ли, гуляет, и он очень любезен. Организация у японцев прекрасная, мои чемоданы без меня уже лежали в моей каюте. И сейчас же за мной в мою каюту вошел ину, без всякого конечно спроса. Сел, вынул листок бумаги, И, — без всякой любезности, с катастрофически-идиотской скукой, с трудом, как если бы я иероглиф, — стал писать.

«— Ви Пируняку-сан? Ви грамотный? Ви писи-писи ритеракура?

«Допрашивал, как во всех на Земном Шаре участках. Объяснял, что он «полицейский», агент особых поручений при фузанском губернаторе. И стал со мной разговаривать о том, о сем, ловить, не зная языка, расселся удобнее, собака. Я стал соображать, что он проплывет со мной в моей каюте до Симоносек, сказал ему:

«— Вы бы ушли отсюда, здесь женщина едет, ей надо переодеться.

«Когда никтошка не хочет отвечать, он делает вид, что не слышит и не понимает.

«— Вы, что же, поедете со мной до Симоносек?

«— Нет, там вас другой порицейский встретит.

«Мой ину ушел с парохода последним. С ним я встретился еще раз, возвращаясь из Японии. Он встретил меня, как старого знакомого. Он был гораздо живее, совсем хорошо говорил по-русски беседовал о «ритеракуре», спросил:

«— Как вам японская пориция?

«Я ответил чистосердечно, что японская полиция произ-

вела на меня впечатление идиотское. Он рассмеялся и сказал:

«— Да, знаете, совершенно собасья дорзность!..

«Цусимский пролив — прекрасен. И пароходы у японцев там ходят отличные. И в третьем классе на пароходах, сообщил мне мистер Смит, общая для мужчин и женщин купальня¹. В Симоносеках встретили меня — уже не один, а с полдюжины ину. В шипении и в отчаяннейшей, непреклоннейшей вежливости одни записывали мою биографию, другие диктовали мне «объявление», в коем «я», нижеподписавшийся», обязался не нарушать японских правил общественного порядка и не заниматься коммунистической пропагандой. Под надзором ину я ходил в сортирчик. Ину повел меня в ресторан. Ину взял мне билет. Несколько ину всадили меня в пустой вагон, где лежали мои чемоданы. Рыться в вещах ину, шипя из уважения к вещам, могут гениальнейше, по способу Синоби.

«Я был совершенно трезв, но я сам себе казался тем кинематографическим пьяным, который спасается от сорока полицейских. У меня не было ничего нелегального, все документы у меня были в порядке, ехал я по приглашению японской общественности, по приглашению японских газет. Меня обыскали, перерыли мои вещи, ко мне приставили конвой. Все мои действия и желания предупреждались ину, ину даже решил за меня, что я хочу есть. Со мной ехал Викторин Попов. К нему тоже приставили ину, обыскали, только не брали «объявления». Мистер Смит, которого только обыскали и опросили, в нашу сторону и не смотрел.

«В ресторан ввалилось человек пятнадцать корреспондентов. Есть же интернациональное братство работников пера. Я взвыл от полиции перед ними. И тут я впервые научился различать индивидуальность японских лиц по тому, как опускали в молчании свои головы корреспонденты. Корреспонденты-фотографы просили ину отойти. У меня в бред разрослись слова, с которыми ко мне обращались по-русски ину: «— Ви русский? — ви грамотный? — ви писи-писи ритеракура?

«Ину посадили нас в поезд. Поезд понес нас в красоты

¹ В 1932-ом году на пароходе между Владивостоком и Цуруга общественной купальни Пильняк не заметил, но писсуар для матросов был на деке и отдельной женской уборной не было.

Японии, в эту невероятную для глаза прелесть, в зеленые рощи, в созревающие апельсины и в такую глубь синих заливов моря и синего неба, и синих гор, — что — — передо мной сидел ину. Ину дал мне свою визитную карточку, — «чиновник особых поручений при симоносекском губернаторе». Ину пытал меня, фантастически арестованного человека. Я не понимал, что такое произошло, по какому поводу я арестован. По наивности я спрашивал об этом ину, они отмалчивались, не слыша. Через каждые два часа ину менялись. Так было до Токио.

«В Токио мы приехали утром. Часа за два до Токио, еще раньше Йокогамы, в моем купе собралось такое большое количество японцев, что я был вынужден с ними перейти в вагон-ресторан. Я ничего не понимал. Теперь я знаю, что те, кто выехал вперед встретить меня, были подлинными моими и русской литературы друзьями, представители различных общественных организаций и газет. Пусть простят они меня: я тогда не понимал, кто полиция и кто не-полиция. Представители общественных организаций мне сказали, что на вокзале мне организуется встреча.

«Ну, и встречу-ж мне организовала полиция!

«Впоследствии я узнал, что общественным организациям разрешено было меня встретить, но не разрешено было со мною говорить. Разрешено было встретить молча. И около нашего вагона выстроилась шеренга полиции, уже настоящей полиции, в форме, при пистолетах. На меня набросились фотографы, запыхал магний, от которого слепнут глаза. А в это время подходили люди, молча жали руки, передавали визитные карточки и отходили в сторону. Понять ничего возможности не было. Затем по команде полиции мы тронулись к выходу. Тут уже поистине я потерял все, волю, понимание, вещи, друзей. Я ехал в одном автомобиле, вещи в другом. Кто платил носильщикам, за автомобили — не знаю. В одной гостинице нам отказали, в другой тоже. В третьей, когда тащили мои чемоданы, я видел, как спешно в два соседних номера вселялись ину, а внизу у портье размещался наряд полиции. Видел, как репортеры воевали с этой полицией, чтобы проникнуть ко мне. Мне подсунули листок бумаги с вопросами о прабабушках, написанными по-английски. В волнении я стал писать по-русски, — заметив, хотел было начать снова. Мне сказали, что

в гостинице живет русский, сибирский атаман Семенов, — он переведет.

«Тут я бросил мои чемоданы и побежал доставать автомобиль. Мой переводчик который все время был спокоен и успокаивал меня тем, что так, как со мной, в Японии поступают со всеми уважаемыми иностранцами, — вытащил за шиворот от шофера ину. Я поехал в наше полпредство, к полпреду В. Л. Коппу. И перед Коппом я взмолился, чтобы он меня спас. В тот же день я переехал на дипломатическую квартиру к секретарю полпредства Л. И. Вольфу. В тот же вечер японской полицией был занят особняк перед нашим домом, перед моим жильем, — и полиция оттуда выехала вместе со мной. В. Л. Копп писал в японское министерство иностранных дел; ему ответили оттуда, что полиция приставлена ко мне, — «чтобы со мной ничего не случилось, охранять меня от опасностей».

«Мне объяснили, что полиции бояться нечего, ее можно даже бить, ину. Моя спутница вскоре привыкла к своему ину, звала его Петей, и он таскал из лавочек ее покупки. У меня же много раз болела голова от этих никтошек, которые считали себя в праве поступать иной раз так: — я сидел у приятеля, на улице шел дождь, был двенадцатый час ночи, — в дверь постучали, — мой никтошка, сняв шляпу, в позе из европейской оперы, обратился ко мне:

«— Пируняку-сан, я обращаюсь к вашему человеческим чувствам. На улице идет дождь, уже поздний час. Пожалуйста, ступайте домой, где я смогу передать вас другому полицейскому, а сам обсохнуть...

«И почти ни разу я не существовал без полицейского надзора в Японии. Круглые сутки ни на минуту меня не оставляли никтошки-ину, в городе, в полях, в горах. Когда я летал из Токио в Осака на аэроплане, никтошки расстались со мной на аэродроме, проводив меня головами, задранными вверх, — и осакские никтошки в Осака первые встретили меня густой сетью. Ничего более idiotического и нелепого, чем эти никтошки, я на своем веку не встречал, эти собачьи рожи, так и ждущие кирпича. Ничего более оскорбительного для Японии, как эти никтошки, в Японии я не встречал.

«И, — чем идиотственной были эти никтошки, собаками ходящие за мной, — тем большее уважение вызывают в моей памяти люди японской общественности, потому что всех японцев, приходящих ко мне, потому что каждого японца, приходившего ко мне, полиция записывала, и каждого японца, выходящего от меня, допрашивала, — допрашивала, никак не стесняясь меня, ибо, если я выходил с моими друзьями-японцами, все равно их сейчас же отзывают в сторону, задерживали и мотали их души. С рядом писателей я так и не мог встретиться, ибо полиция даже к их домам приставила ину.

«А около моего дома была лирическая картина. Мой дом стоял на углу, в тесном переулке, заросшем тенистыми деревьями, И на другом углу был разобран забор. В заборных щелях, около хибаты, грея руки и кипятя едо, сидели — очень мирно — ину. Я выходил в палисадничек, смотрел на них. Они кланялись и улыбались, очень вежливо.

«... И — о японской общественности.

«За час до Кобэ, по пути в Токио, ко мне пришли представители осаких газет. За два часа до Токио мне пришлось переселиться из своего купе в вагон-ресторан, чтобы беседовать с людьми, встречавшими меня. На станции в Токио — безмолвно — я пережал десятки рук. И в этот день, несмотря на то, что я и полиция окончательно обалдели в погонях за гостиницами, — полиция в погоне за мной, я в бегах от полиции, — через полицейские заставы ко мне пришли Акита, Сигемори, Канэда, — они пришли от Нитиро-гэйдзюу-кьокай, от Японо-Русского литературно-художественного общества, — поздравить меня и пригласить к себе, и моей спутнице они принесли цветы. В эти дни во всех газетах была моя физиономия, и через полицейские заборы никли ко мне корреспонденты газет. И в газетах едчайше издевались над полицией. На второй день моего приезда я был уже сотрудником крупнейшей японской газеты «Осака-Асахи-симбун», газеты с полуторамиллионным тиражом, и сотрудником социалистического журнала «Кайдзо» (на аэроплане «Асахи» я летал над Японией). Меня переприглашали все японские театры и художественные объединения. В театре Осанаи я чувствовал себя таким же своим человеком, как за кулисами дружеских московских

театров. А картину Эндосана, подаренную с выставки, я повесил в лучшей мой угол. Мое время взяло у меня Нитиро-гэйдзюу-кьокай, посвятившее мне и моему приезду девятый номер своего журнала, — общество, по отношению к которому у меня нет ничего, кроме глубочайшей благодарности: оно, взяв мое время, не побоялось ползть на рожины полиции, возило меня на Синсю¹, в Коганэи, устраивало банкеты, Сигемори и Канэда были постоянными моими переводчиками.

«Вот декларация Нитиро-гэйдзюу:

«Россия после Октябрьской революции 1917-го года показала себя во всей своей сущности, и новое творческое искусство ее привлекло к себе внимание всего мира. Само собой разумеется, что изучение этого нового искусства имеет огромное значение. В то время, как наши так называемые насадители культуры склонны с пренебрежением относиться к развитию современной жизни, наша молодежь из одного угла Дальнего Востока устремляет свой пытливый взор к новым течениям мысли всего мира, и немудрено, что она

¹ На Синсю Пильняк осматривал ткацкую фабрику, ту, где девушки сравнивают себя с цветком телеграфного столба. Полиция прозвала поездку Пильняка на фабрику, и у Пильняка записано:

«...тогда началась сумятица. Заряжал автомобиль, — мы должны были ехать на хутор, но мы оказались в новой гостинице, не в той, где ночевали. Тут же по непонятным причинам оказались наши че-моданчики. Мы совершенно недавно завтракали, — а тут на столе оказался обед, которого есть мы не хотели и времени которому не было. Кроме нас, за столом оказались посторонние люди, которых я не приглашал. Я ничего не понимал. Вежливость мне не позволяла перейти на истинно-русский язык. Все делалось и очень успешно, и очень медленно. И во всяком случае очень методично. Из-за стола, что вообще считается неприличным, меня вызвали на улицу, к озеру фотографироваться. —

«И все это кончилось тем, что меня замертво везли на вокзал, в поезд, в Токио. И, мучаясь отчаяннейшими болями в желудке, я хотел только одного: скорее приехать в тот дом, который я считал своим, в полпредство, чтобы говорить по-русски и быть среди своих соотечественников. Я не знаю, но мне кажется, что меня отравила полиция, чтобы ликвидировать мою настырность в поисках деревенской Японии и японского быта. Так или иначе, без всяческих дураков, в поезде тогда я, в полубреду, думал уже не о том, как может заболачивать Восток, а о том, как выширает он, выталкивает из себя пробкой из квасной бутылки, к чортовой матери всех, кто сует нос, куда не следует, — и у меня ко всему — всяческая — пропадала охота.

«Так закончилась моя поездка в Синсю».

самым серьезным образом интересуется также и русским революционным искусством. Как орган, который мог бы содействовать изучению этого искусства, нами было организовано Японо-Русское литературно-художественное общество. Цель общества заключается не только в устройении собраний, изданий печатных трудов и организации лекций, но и в установлении непосредственных связей между литературным миром России и Японии путем командирования членов общества в Россию и приглашения советских художников и литераторов в Японию. Однако для успешного осуществления этой цели прежде всего необходимы взаимное понимание и дружба. Только при таких условиях мы надеемся на возможность целесообразного изучения искусства обеих сторон и на вытекающее отсюда культурное сближение их. Культурное же сближение обоих народов, как мы в том глубоко уверены, принесет крупную пользу не только обеим странам, но и всему вообще миру».

Учредители Японо-Русского
литературно-художественного
общества.

Токио, март 1925 г.».

«Я перелистываю книги, только те, в коих сделаны пометки по-русски, ибо по-японски я могу читать только свою фамилию, — и эти книги совсем не все, переведенное и написанное в Японии.

«Выписываю, — переведены:

«Блок, Белый, Брюсов, Каменский, Мандельштам, Полетаев, Есенин, Эренбург, Обрадович, Колоколов, Орешин, Клюев, Князев, Маяковский, Пастернак, Владычина, Демьян Бедный, Рюрик Ивнев. Александровский, Герасимов, Кириллов, Мариенгоф, Хлебников, Вс. Иванов, Зощенко, Яковлев, Федин, Замятин, Буданцев, Касаткин, Лидин, Ляшко, Никитин, Новиков-прибой, Сейфулина, Соболев, Шагинян.

«Театр Осанаи-сан издает свой журнал, посвященный главным образом русскому театру. Симфоническое общество Ямада-сана издает журнал, посвященный главным образом русской музыке. У меня хранятся шесть томов профессора

Нобори-Сьому¹. Вот названия этих томов по порядку, названия, выписанные по-русски рукой Нобори-сана: 1. «Мое впечатление от Советской России». 2. Театр и балет революционной эпохи». 3. «Утренний период новосоветской литературы» (в этой книге, кроме общих статей, даны характеристики следующих писателей: Вяч. Иванова, Брюсова, Кузьмина, Сухотина, Блока, Маяковского, Пастернака, Мариенгофа, Эренбурга, Федина, Вс. Иванова, Пильняка, Толстого). 4. «Первый сборник новосоветских искусств» (посвященный живописи). 5. «Пролетарский театр, кино и музыка».

«Японцами сделано гораздо больше нас для изучения нашего искусства, — гораздо больше даже того, что сделано нами для изучения японской культуры и японского быта. Когда японцы что-нибудь делают, они делают это очень упорно. Японская государственность заботливейше отгораживается от теперешней России всякими способами, и в частности книги, посылаемые почтою в Японию, даже заказною, туда не доходят; это тоже только на мельницу японской общественности. Я по приглашению, полученному через наше полпредство, был на выпускном акте Токийского института иностранных языков. Там собрался дипломатический корпус посмотреть, как японская молодежь учит иностранные языки. И перед нами прошли студенты, говорившие директору института прощальные речи на русском, немецком, французском, испанском, португальском, китайском, индусском, малайском, английском языках. Юноши, которые окончили институт по русскому отделению, приехали уже в Россию и будут здесь совершенствоваться в языке и изучать Россию лет по восемь: и они будут знать Россию.

Я — тоже европеец, сын страны, чуждой Японии. Я только-что рассказал, как меня встретила Япония, — и о том,

¹ (Глосса Кима). Сьому — псевдоним: «Рассветный сон». Родился в 1878 г. Один из лучших переводчиков Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Куприна. В последнее время переводит большие критические работы, в частности сейчас перелагает на японский все опоязовские описи и «А все-таки она вертится» Эренбурга. В 1923 г., в конце лета, приезжал в Москву, но, пробыв несколько дней, спешно поехал обратно по получении первых телеграмм о гибели Токио, где он оставил свою семью.

как Япония встречает Россию. То, что было со мной, слагается из ряда элементов и — выбрасывает ряд элементов.

«У меня очень часто в Японии болела голова от нервного перенапряжения, от непонимания того, что со мной делалось, от насморков: я тоже европеец, сын чужой страны. И ину добились конечного многого: в укромных местах я сидел над записями и книгами, чтобы разобраться в этих укромностях, но я ни разу не исхитрился побывать в рабочих районах, на рабочих собраниях. Однажды я побывал на фабрике и о том, как я поплатился, об этом я рассказал. В укромных местах я узнал, что два года тому назад на площади Терономон студент Намба первый раз за всю историю Японии стрелял в принца-регента, ведущего род свой от богини солнца Аматэрасу, — студент Намба, бросивший университет для рабочих казарм. Этого мира японская полиция не дала мне увидеть».

«Я читал роман Эгути. Такие романы писались у нас в 1904 году. Газетный работник ушел в подполье, в революцию, он связался со студенчеством и он, и студенты его дружба, и его любовь были очень одиноки, одинокий кружок, никак не сумевший связаться с рабочими, с действующими силами. И попустому, в благороднейшей любви к абстракциям и боли, они пошли в тюремные бредни. — Фарфоровым чашкам телеграфного столба, конечно, трудно расцвести!»

Рассуждение о цветении телеграфных столбов — вещь страшная. Вообще-ж вышеприведенные рассказы «Корней» надо расценивать как фотографию, со всеми фотографическими недостатками.

О японской интеллигенции говорилось уже и будет говорить. И фарфоровые цветы телеграфных столбов могут цвести.

В ряду полицейских дел надо вспомнить цитату «Корней» о том, что —

«... в морали европейских народов, несмотря на их присутствие, аморальными считались и почитаются — сыск, выслеживание, шпионаж: в Японии это не только почетно, но там есть целая наука, называемая синоби или ниндзюцу».

И так далее, сопровождаемое цитатами из японского сло-

варя и русского специалиста по шпионажу В. Латынина, подобранное Р. Кимом.

Цитату можно дополнить рядом японских материалов. Громкой памяти генерал и премьер Танака писал в своем «стейтменте», что он, до русско-японской войны, в Санкт-Петербурге (Куприн, как гласит предание, с него писал своего Рыбникова), — молодой офицер Танака, практиковавшийся в русских полках кавалерийскому искусству, обучался танцам в ряде танцевальных школ, через танцклассы разбрасывая свою шпионскую сеть. Нынешний наместник Манчжурии (официально — посланник в Чань-Чуне) барон Муро в своем стейтменте, вдогонку генералу Танака, сообщил недавно, что он — офицером генерального штаба — был поваром у коменданта крепости Порт-Артура. И прочее.

О японском шпионаже пишется множество.

О японском полицейском пишутся целые научные исследования, — об этом омавари-сан — «господине туда-сюда» (точный перевод — ходящий вокруг), как на японских улицах называются постовые, по аналогии с мерзкой памяти российским городовым. Каждый, побывавший в Японии, может рассказать анекдоты не худшие, чем у Пильняка от 26-го года. Утверждают преданность японцев полиции. И утверждают, что каждый японец — шпион, бои, прачки, лавочники, врачи, журналисты, адвокаты, генералы, адмиралы, — все! — Одни это объясняют мистическими особенностями японского национального характера. Другие — страшным национализмом. Третьи — историческими традициями. Еще до эпохи Токугава, в японских деревнях возникли, наподобие русским крестьянским «мирам», административно-хозяйственные организации, по пять дворов в каждой, со своими старостой и печатью. Назывались эти миры гонингуми. Гонингумиане обязаны были платить налоги миром в круговой поруке, оказывать мирянам помощь в беде и — следить за поведением каждого из мирян, все в круговой поруке. За грехи гонингумианина отвечал весь гонингуми. Токугавская эпоха, эпоха идеального полицейского строя, довела полицейское состояние до совершенного блеска и лакировала его двести пятьдесят, без малого лет, вогнав шпионаж в японскую плоть всеяпоногонингумийских масштабов. Так говорят. Омаварисан в Япо-

нии непремѣнный член национальных переулков. Он предсказывает погоду. Он обучает детишек самурайству. Он выпивает на похоронах. Он объявляет, когда надо чистить перед нюбаем татами. Он — господин, ходящий вокруг туда-сюда — ни дать, ни взять российский XIX века классический будочник.

Что же, фотографии Пильняка от 26-го года следует расценивать очень просто. В 26-ом году в Японии была средневековая полиция, средневековых навыков, и только. И у средневековых японцев было свойственное их возрасту отношение к полиции. Еще раз — и только.

Но Пильняк 32-го года отрицает уходящее в легенду подтверждение того, что вся Япония предана шпионажу и все японцы обязательно шпионы. И не только по одному логическому утверждению того, что всякий шпионаж, даже японский, даже в средневековых отношениях, обязательно вызывает контршпионаж.

Что касается самой полиции, то к 32-му году она очень европеизировалась. Шпика, явно приставленного, Пильняка видел всего один лишь раз. Спутница Пильняка по женскому своему инстинкту в 26-м году поступала правильно, посылая Петю в лавочку. И Пете было легче. И Пильняк в 32-м году поступил по принципам спутницы. Он подсел к гороховому пальто (и в Японии они гороховые!), спросил чистосердечно:

— Вы говорите по-русски?

Тот чистосердечно ответил:

— Да!

— Кто же вы будете? — спросил Пильняк.

И тот ответил сердечно, гордо, выпятив губы, шопотом: — Шпиён.

Побольше бы таких шпиёнов сорвавшихся со средневековья!

Но этот случай был единственный. На чемоданы Пильняка набрасывались незаметно. Ни его, ни его гостиницу не насиловали. Двигаться не препятствовали.

В Москве визу Пильняку дали всего на месяц, когда вообще визы японцами даются на год. В Москве Пильняка успокоили, что конечно виза будет ему продлена на месте, в Токио. Пильняк понял, что японцы намерены проверить его поведение, прежде чем дать или не дать визу. И Пиль-

няк двинулся в одиннадцатитысячекилометровый путь. Приехал, через неделю стал хлопотать о продлении визы перед главной полицией. Ему сказали, что виза будет продлена. Он успокоился. В день, когда месяц его визы истек, Пильняк не выехал из Японии только по той случайности, что его не поймал полицейский телефон, ибо в продлении визы ему было отказано, и полиция ловила его телефоном, чтобы попросить о выезде, Пильняк просил ходатайствовать за него советское полпредство. И сам написал ходатайство господину японскому министру внутренних дел. Советский генеральный консул ездил в министерство иностранных дел. Советскому генеральному консулу было обещано продление визы. Пильняк был полууспокоен. Через десять дней Пильняк получил отказ в продлении визы от господина министра внутренних дел. В этот же день советский генеральный консул получил от японского министерства иностранных дел уведомление, что, в виду того, что господину советским генеральным консулом точно не указывался срок, желательный для продления визы господина Пильняка, ходатайство господина консула конечно удовлетворено и виза господину Пильняку продлена на две недели. Одним словом, Пильняк должен был сложить свои чемоданы в 48 часов и выехать за пределы Японии.

Это — куда умнее, чем в 26-ом году! — Пильняк знал, что продление его визы зависит от его японо-полицейской благонадежности — и Пильняк не знал даже часа своего отъезда из Японии. И это — куда «капиталистичнее»! — и это, также, никак не опровергает утверждения того, что японская государственность есть государственность полицейская.

Что же касается утверждения всенародно-японского шпионства, то это утверждение, надо полагать, не будет справедливо по отношению к студенту Намба, который, по всем вероятностям, полиции не докладывался, стреляя в принца регента, — и не будет справедливым по отношению к тем офицерам и юнкерам, «дружбам рабочих и крестьян», как они подписывали свое воззвание, убившим 15 мая 1932 года премьер-министра Инукаи и кидавшим по Токио бомбы не по любовным чувствам, надо полагать, не с разрешения полиции, хоть они, эти «друзья рабочих и крестьян», были и офицерами, и фашистами, и монархистами.

И не только по отношению к этим неверно утверждение всеяпонского шпионажа. О японцах надо сказать, что именно этот полицейский режим, шпионско-донощичий, создал колоссальное уменье у японцев конспирироваться и очень утвердил различные Моисеевы заповеди. Если японец дал честное слово, он его сдержит так же и при тех же обстоятельствах, как любой европеец и американец.

У Пильняка в 26-ом году то и дело болела от Японии голова. Пьер Лоти, Лавкадио Гэрн, Анри Бельсон напутали о Японии так, что Пильняк в 26-м году приехал в Японию с настроениями в роде тех, что были у философа Хомы Брута перед его путешествиями ко гробу паненки в полунощную церковь, описанными известным русским ученым Николаем Васильевичем Гоголем в его глубоко-научном и философском труде «Вий». Между 26-м годом и 32-м у Пильняка лежали шесть советских лет и северное полушарие земного шара от Токио через Париж — Нью-Йорк до Лос-Анжелоса и обратно.

И Пильняк в 32-м году, приехав в Токио и встретив старых своих приятелей и знакомых, думал о них без философского тумана Хомы Брута, — люди и люди. Зная ж японские полицейские обычаи, зная по газетам, что многие его знакомые писатели, которые в 26-ом году допрашивались до и после свидания с Пильняком, а в 32-м — просто сидели по тюрьмам, — зная об этом, встречаясь с уцелевшими от тюрем знакомыми, Пильняк говорил с ними попросту, по-товарищески, по-человечески, как он говорил с русскими, французскими, американскими людьми.

Пильняк говорил и спрашивал примерно следующее:

— Я знаю ваш полицейский режим. Я знаю политическую напряженность между нашими странами. Я знаю события Шанхая и Манчжурии. Мы оба знаем это в одинаковой мере. Я знаю ваши дружеские чувства ко мне. Вы знаете мои дружеские чувства к вам. И я ни в какой мере, именно во имя нашей дружбы, не хочу создавать вам каких-либо неудобств. Мне понятно, что нет никакого удовольствия видеть у себя постоянных визитеров из полиции. Я говорю о том, что, если вам неудобно встречаться со мной, — мои чувства к вам не изменятся, если вы прекратите со мной встречи.

И Пильняку отвечали по существу и попросту. Несколь-

ко человек сказали, — да, им опасно встречаться, и они не встречались. Другие сказали, — да, им опасно бывать в гостинице, но они могут встречаться в публичных местах. Третьи просили поселиться подальше от советского полпредства, куда им опасно ходить. Четвертые, а среди них были и третьи, и отчасти вторые, говорили, что, если встречи будут затруднены, они предупредят. Пятые ж, которых Пильняк не видел за эту поездку, через первых, вторых, третьих, четвертых, передавали Пильняку приветы и объясняли свои невстречи полицейскими заборами.

Пильняк выехал из Москвы в Токио 23 апреля 32-го года, в дни, когда особенно густо повисли над Дальним Востоком гнилые тучи войны, готовые разразиться громами пушек и удушливых газов. Визные дела Пильняка рассказаны. Тем не менее Пильняк читал лекции в университетах, печатался в японских журналах, ходил на китайские банкеты и — пребывал подчеркнуто-советским писателем и гражданином.

Совершенно неверно, что каждый японец — шпион! — и колоссальный японский полицейский режим существует не потому, что он пришел и существует вместе со средневековьем, но именно потому, что не каждый японец — шпион.

В. Латынин, специалист по шпионажу, в своем труде писал:

«... Еще до русско-японской войны» — и так далее, парикмахеры, лакеи, лавочники — офицеры японского генерального штаба, — купринский рассказ «Штабс-капитан Рыбников» — теперешний японский наместник Манчжурии господин Муто —

Япония эпохи Мэйдзи, конечно, проделала колоссальный путь, это единственная пока на земле кроме стран СССР, «цветная», «языческая» страна, в шестидесятых годах прошлого века стрелявшая еще стрелами луков, к эпохе мировой войны ставшая мировой «великой» державой. Для шестидесяти миллионов человек, живущих на Японских островах, конечно, эти годы от шестидесятых до сегодняшних, — освобождение от «белого» человечества, европейская медицина, удачные войны, — большой переход к лучшему будущему, расцвет, успех. Утверждение европейцев и убежде-

ние самих японцев в том, что Япония древняя страна, — неверно. Япония — очень, чрезвычайно молодая страна, с очень молодой историей. Ибо историю теперешнего человечества надо считать от развалин средневековых замков, отодвинув все остальное в доисторию. Эпоха Мэйдзи — начало японской истории.

В 32-м году Пильняк был приглашен в замок к барону Х, японскому дипломату, банкиру, реставратору, промышленнику, сподвижнику императора Мутсухимо. Пейзаж и дорога были чудесны. Поливал нубай, этот японский июньский дождик «созревания персиков» и бреда для европейцев, когда то-ли облака опустились на землю, то-ли земля поднялась на облака. Безоблачное небо светило солнцем и моросил дождик, садился на лицо и на одежду и парил людей, двигавшихся в жарчайшем и липком российском древних времен банном полке. Ехали на поезде с кислым свистком. Уезжали в чудесность гор. На полустанках за проволокой перронов, в мокром зное, цикады стрекали уши крапивой звуков. Приехали. Автомобиль пошел дальше в горы, заехал за забор в лес.

Этот лес и был замком, раскинувшимся от подошвы до вершины горы, со множеством домов, хижин, шалашей, храмов, служб, ферм, плантаций — средневековья, — феодальное владение. Навстречу вышел очень бодрый, очень подвижной и не очень маленький старик, которому восемьдесят четыре года. За локтями господина барона стояли две молодые, лет по восемнадцати, красавицы в ярких кимоно. Господин барон был в тяжелой визитке, в тугом пластроне. Крахмальный воротник с черным галстуком лежал вокруг его желтой, как воск, сухой из морщин и сухожилий шеи очень плотно. Белые от времени глаза господина барона были веселы. Он весело зашутил. Он попросил пройти в дом, пропустил вперед гостей и бодро зашагал, точно шел на ходулях. Из ушей у господина барона росли белые волосы, аккуратно подстриженные. Мослы его ступней в лаковых туфлях выступали столетием. За господином бароном пошли две девушки. Сначала он принял гостей в европейском дворце, сделанном по всем европейским правилам, в гостиной. На столе лежала папка писем, только-что присланных со штемпелями Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Калькутты. Прислуживали девушки. Господин барон пред-

ложил прогуляться по замку, по горам и по другим шалэ. Он шел по горам с своими подогнутыми и тем не менее ходулешагающими ногами быстрее и привычнее его гостей, совсем не задыхаясь, поразительно бодрый старик, этот человек-эпоха.

Господин барон охотно рассказывал.

Та-то таинственная и потаенная хижина под крепкими постройками построена в честь принца такого-то, где барон принимал принца за чайной церемонией. На той-то солнечной площадке, над обрывом, с пейзажем, на долину рисовых полей и на океан, он принимал российского и американского послов за месяц до русско-японской войны. Здесь, около этого водопада и прудика с золотыми рыбками, он впервые услышал о мировой войне, которая должна была начаться через две недели, и высказал свое мнение.

На самой вершине горы был храм, казавшийся оставшимся от тысячелетий, храм, посвященный императору Мэйдзи, отцу и покровителю господина барона.

Второй отдых был в японском дворце, съезде которого на самом деле остались от тысячелетия, в котором красавицы приготовили чай, сладости, сигары. Господин барон чуть-чуть отдыхал, в хорошем расположении духа. За спиной его стояли две очень красивые восемнадцатилетние девушки, храня его носовой платок и ожидая его расправления.

С русским писателем барон говорил о России. Солнце и нубай парили до умопомрачения. Цикады стрекали уши до головной боли. Руки господина барона, восковые, состояли из одних мослов. Господин барон, вспоминая чуть-чуть прикрывал узкие свои глаза, затем они делались веселыми, хитрыми и добрыми.

— Я был на вашей родине, да-да, — когда это было? — Я — да-да, — я заезжал туда из Парижа в прошлом веке, кажется, в восьмидесятых годах, да-да, на коронацию императора Александра III... как ужасно тогда ушел император Александр, — Благословенный, не так ли? — но моя судьба вообще связана с Россией. Мой отец был мелким чиновником на одном из маленьких северных островков. Это было еще в эпоху Токугава, задолго до эпохи реставрации. На этот остров море иногда заносило русских рыбаков, и мой отец знал несколько русских слов. В пятидесятых годах ча-

сто уже стали появляться около берегов Хоккайдо американские и русские суда. И именно потому, что мой отец знал несколько русских слов, правительство сьогуна перевело его в Хакодате. Мне было тогда, да-да, восемь лет.

— ... да-да, я был боем у первого американского консула в Японии, мне было четырнадцать лет, я научился у него английскому языку...

Господин барон замолчал, щурясь на солнце, на океан, на половину-третьего дня.

— ... когда во Францию поехала первая японская делегация, я поехал тогда в первый раз в Европу. Я не был в штате миссии, я прислуживал ее членам. Но в Шанхае у нас умер штатный сотрудник, произошло передвижение в чинах, и я получил первый чин... да-да. Мы ехали в полном самурайском наряде, в наших национальных мужских прическах, в париках, в парадных кимоно и хаори, каждый с двумя саблями. Наполеон Третий нас встретил военным парадом, да-да... И получился смешной конфуз. Нашей миссии было предложено сесть на коней, чтобы вместе с французским императором проехать мимо полков и принять парад. Мы сели на коней, чтобы не потерять лицо, да-да. Мы плохо владели ими. Не знаю, случайно ли, или это было придумано французами: лошади для нас были собраны из разных полков лейб-гвардии, и, как только прогудели военные сигналы, эти кони марш-маршем разнесли нас по своим полкам... да-да... Вы знаете, что первый лифт, который был устроен в Париже, был в русском посольстве на рю де-Греннэль? — Там также произошел смешной конфуз. Мы были приглашены к русскому послу. Нас роскошно приняли. Мы прошли по замечательным коврам, посланным по посольскому двору от самой улицы. Мы вошли в вестибюль. Еще два шага, да-да... и наш посол оказался за решеткой!.. глава нашей миссии схватился за саблю, решив, что мы попали в плен. Члены делегации, не успевшие оказаться за решеткой, также были готовы схватиться за мечи. Клетка с главой нашей миссии поползла вверх. Он признавался потом, что готов был сделать себе хакири, а когда дверь клетки открылась, он боялся выходить из нее, чтобы не попасть еще в какую-нибудь ловушку... Да-да, это был лифт, первый во Франции лифт: да-да, ваши императоры никогда не были нашими друзьями...

Господин барон вспомнил, что перед ним сидит русский писатель. Он на момент прикрыл глаза, они выглянули из седых ресниц старческими и добрыми.

— Да-да... но я больше всего люблю Россию, Америку и Россию. У вас в России нет уже императоров, я слышал. В 1925-ом году я должен был поехать в Москву к господину Калинину, в связи с рядом наших экономических проектов, для обретения взаимного понимания. Но я немножко стар, да-да... Я удалился теперь от государственной работы... Одно время я увлекался чайной культурой. У меня есть свои плантации. Моего чая нет в продаже. Я каждый год посылаю его в подарок императору, дарю моим друзьям, да-да, и пью сам... Я увлечен теперь вопросами национального питания. Я ставлю лабораторные опыты. В Европе едят хлеб. В Азии едят рис. Центральная Азия, Россия, Балканы едят баранину, которой почти не едят на севере Франции, на Скандинавах, в Англии и совсем не едят в Юнайтэд-Стэйтс. Человечество вообще употребляет пищи больше чем следует. В Японии все больше и больше обостряется рисовый вопрос, да-да... Я изучаю рационы для нашей бедноты, чтобы это было самым дешевым и наиболее полезным, да-да... Я ставлю лабораторные опыты на кроликах.

Писатель полюбопытствовал посмотреть эти опыты. Опять пошли по горе. Пришли на площадку, завитую плющом, диким виноградником, залитую ньюбаем и солнцем. К скале прилепились два дома. Один — национальный, грибообразный, под соломенной, рисовой соломой, крышей. Другой — баракообразный, временной постройки, европейский, под цинковым железом. Вошли в барак. Там, в клетках, сидели штук восемьдесят кроликов. Девушки вышли из-за локтей господина барона, чтобы открывать клетки. На широкой скамье, заменяющей лабораторный стол, стояли аптечные весы, лежали книги и справочники. Кролики, главным образом, были тощи. Ничего особенного не было. Вышли обратно.

— А что в этом доме? — полюбопытствовал писатель.

Глаза господина барона на момент закрылись, затем они выглянули из седых ресниц старческими и спокойными.

В национальном доме, грибообразном и под соломенной крышей, на татами рядами сидели за пальцами женщины,

в возрасте лет от четырнадцати до тридцати, человек шестьдесят. Женщины пали в ноги господину барону и его гостям. Женщины вышивали на шелку аистов для съодзи и ширм, гору Фудзи, сосны. Женщины вышивали на полотне европейской гладью. Это была маленькая кустарная фабричка, — такими, надо полагать, были российские крепостные и европейские феодальные девицы.

— Это моя школа, — сказал господин барон. — Дети и женщины бедных крестьян приходят ко мне учиться мастерству... да-да.

Пильняк видел живого феодала, человека эпохи Мэйдзи. Господин барон начал свою судьбу без баронского титула, боем у американского консула. И он заканчивает свою судьбу Соломоном, ибо он, подобно Соломону, песчился (не от слова песок, а от библейского слова песчись) о благе народном и для продолжения своей благостной жизни окружил себя девственницами. Эпоха Мэйдзи создала много таких людей. Такие люди — делаи эпоху Мэйдзи. Теперешние дни Японии таких людей не делают, не смогут сделать, ибо эпоха — не та. Встреча с господином бароном — поучительна вообще.

Но в частности Пильняк ее вспомнил в связи с цитатой В. Латынина. Офицеры эпохи Мэйдзи могли быть боями у русских офицеров, тому свидетельство в действе господина барона и в истории с российским лифтом. Офицеры теперешней эпохи не смогут быть боями, тому свидетельством заботы господина барона о разведении кроликов и его рукодельная школа.

Цитаты ж Пильняка о напряженнейшем японском национализме, правильные для эпохи Мэйдзи, устарели для теперешних дней, — тому свидетельством дальнейшие главы.

6

Пильняк 32-го года вел записную книжку.

Приехал в Цуруга. Всю дорогу, выехав из Москвы 23 апреля, когда газеты были очень щетинисты, не имел никаких сведений о политических новостях. Дул сильный ветер, теплый и очень резкий. Советское консульство, которое было на самом берегу, однажды в бурю снесло ветром, разнесло по морю. В пустом ветре мертвого городишки, в вет-

реной тишине, поразили крики ястребов. Их было очень много, они летали иной раз стаями. Выяснилось, что ястреба в Японии так же чтимы, как голуби в России и Италии. В орденской японской системе есть орден Золотого Ястреба.

В Цуруга проведена мобилизация запасников в Манчжурию, — мобилизация цуругской дивизии. За сутки до объявления мобилизации округ являл собой толпище экстренно заболевших и желавших лечиться, а на станции, в переселении народов, исчезли билеты. Первая газетная новость в Цуруга — выстрел Горгулова, газеты сообщали о зверстве большевиков.

Гостиницы, кроме американских, все и везде одинаковы. На пороге надо разуваться, когда европейская обувь очень сиротливо выглядит среди рядов гэта. На пороге в пояс кланяются хозяин и служанки. Голоса служанок похожи на скрип европейских провинциальных дверей. Перед порогом сад с такими ж фонарями, как в храмах, вытесанными из камня в рост человека, покрытыми мхом, среди карликовых деревьев и искусственных скал над озером метра в два размером, в котором плавают золотые рыбки. Лестницы полированы, как у европейцев рояли. Прислугу надо звать — через бумажные стены, где слышен каждый шорох, — ударами в ладоши. И прислуга отвечает протяжно и жалобно: «хай!».

Ямагата — отэл в Токио — точный перевод — горнодобный — считается «резидентским» отэлом, отэлом для приезжающих пожить неделю-другую. Отэл совершенно пуст, по приказу кризиса. За окнами обрыв, овраг. Хибиа-парк, деревенский пейзаж, полошится насекомые и птицы в своем семейном гаме. И каждое утро надрывается под горой граммофон одной и тою же пластинкой — «Дубинушкой» Шаляпина, — «эй уухнееэм!».

Наем детей в нищенство — по договорам с родителями, — подобно найму в публичные дома и на фабрики. Беспризорники, малолетние бандиты, дети с улицы, — выгнаны голодом и развалом семьи.

Около Мито. Подземные — в пещерах — ночлежки. Целые деревни выкинутых кризисом.

Токио. По каналам в городе, неподалеку от дворцовых каналов, — подобно Кантону, — в лодках живет беднота. В 26-м году этого не было. Полиция идет навстречу: под ночлежки на каналах приспособлены баржи.

Пословица: «Сберегая керосин, прогадаешь на детях».

Газетные рассуждения. На приколе в порту стоят — по приказу кризиса — первоклассные океанские корабли. Предлагается на них открыть американские дансинги и бары.

Продажа волос — женских причесок — для покупки риса. Продажа крови для переливания. Продажа тела в университетские морги. Человек не хочет уходить из тюрьмы, просясь в тюрьму, делает мелкие преступления, чтобы быть в тюрьме. Семейные самоубийства по социальным причинам. Отец, мать, старики, дети, весь род. Самоубийства со-спар. Двойные самоубийства. Очень частое бытовое явление. По поверьям токугавской эпохи, двое влюбленных, умерших вместе, оказываются вдвоем на лепестке лотоса.

Газеты уже несколько дней разрабатывают такую двойную смерть. Трупы бедного студента и буржуазной девушки вскрыты. Девушка оказалась девственницей. Студент был из очень бедной, из никакой семьи.

Полпредский сотрудник, говоривший по-японски, в поезде на Никко, подслушал разговор двух гимназисток. Они ехали в Никко, чтобы там броситься со скалы, ибо одну из них школьное начальство заподозрило в потере девственности —

Цветы «Эдо» — страховые поджоги.

Армия спасения.

Били армеек спасения, офицерши и солдатши, за — за агитацию против публичных домов. Стало быть — армия спасения, англо-американская штучка, в Японии имеется.

Рассказ соседа. Две англичанки-спасительницы офицерши-диакониссы разагитировали девушку, сироту, сделали ее христианкой и армейкой спасения. Окрестили, поцели псалмы, поселили с собою, давали ей в месяц 10 эн. Жили

и радовались. И увидели однажды у девушки припрятанными погребальные священные дощечки, те, на которых написаны синтоистские имена предков. Офицерши-спасительницы очень остервенели и потребовали — или утопить дощечки, или они не будут платить жалованья, 10-ти эн. Девушка бросила души своих родителей в реку. Это видели. Соседи возмутились святотатством. Спасительницы, отработав свой срок, собрались и уехали в Англию. Перед отъездом они разочаровались в девушке. Они поздравляли ее с истинным христом. Девушка плакала, она говорила о том, что ее бойкотируют. Она просила немного денег, чтобы уехать куданибудь в провинцию, ибо в Токио она сможет найти себе место только в публичном доме. Спасительницы впали в ужас от таких босых разговоров ужасного существа, потерянной девушки. Они прогнали ее вон. Сосед говорил, девушка улыбнулась, поклонилась англичанкам по-японски в ноги и отправилась в Йосивару. Но ее не взяли даже в Йосивару, святогатку, ибо ее там могли встретить соседи, ибо соседи тогда перестали бы приходить в сии публичные места.

Спасительно!

32-ой и 31-ый годы. Десять процентов всех японских человеческих смертей — самоубийства.

Текстильная промышленность. Голодовка в качестве разновидности забастовки, — голодовка в женских рабочих казармах. Съезд крестьян-родителей текстильных работниц. Их, вместо самих ткачих, протесты. Толпы родителей около заводских ворот, где за воротами голодают, бастуют дочери. Полиция. Газетная корреспонденция.

Шесть татами — три семьи — нормальная рабочая жилая площадь. «Блохи величиною больше рисового зерна». Первое место среди городов мира по туберкулезу — у Токио. В Токио чудесные громадные парки — «дикие» леса и болота с дикими утками.

Японское открытие: «университеты — фабрики безработных».

По специальности находят заработок люди с высшим об-

разованием только 20 процентов. 50 приблизительно процентов таких людей вообще никакой работы не имеют. Эпоха Мэйдзи, когда высшее образование обеспечивало место не ниже губернатора, кончена. Теперь, в лучшем случае, университет дает место сельского старосты. Общее высшее образование работает впустую по воле и в результате общественно-государственной системы, понятно. Жажда образования — громадна. Высшие школы переполнены. Студенты одеты немногим лучше рабочих, волосаты, как русские шестидесятники, между собой говорят, примерно, так:

— Тебе нравится Канэко-сан?

— Да, она уже прочитала старика Меринга.

Студенты русских факультетов — отсев, за последнее время главным образом полицейский, со всяческими «благонадежностями», — и тем не менее — большевики, разбойники.

На такси — в любой конец Токио (Токио сейчас — самый большой по площади город на земле) — полтинник, пол-эны. Шофера-студенты — не редкость. Шофера спят и вообще живут в такси, — бытовое явление. Ночью в такси часто пахнет спальней. На каждой машине всегда два шофера. И всегда газеты и книги.

Начальник полиции — содержатель публичного дома. Газетная истина.

«Харакири ныне заменяется петлей или газовым крапом» — замечает начальник токийской полиции, отмечая значительный рост самоубийств на почве безработицы и истощения. — «За первые шесть месяцев 1932-го года покончило самоубийством в Токио свыше тысячи человек. Число самоубийств увеличивается каждый месяц».

Сэйнэндан — допризывники полупринудительного порядка, в полувоенной форме. Пожар. Подожгли допризывники, чтобы нарядиться в форму. Газетная истина. Ходят с американским пробором и здороваются по-американски, с японским произношением, где «л» заменяется «р»:

— Хэрро!»

Обязательный союз запасников — продолжение армии, дополнение к полиции — блюстительная функция.

«Наука и преступление». Журнал. Совершенно европейская похабщина. Синоби и Пинкертон.

В парламенте на столах нет чернильниц, — убраны, дабы ими не бросались. Бросаются плевательницами. Гости с хоров принимают в прениях горячее участие, и их перед входом в парламент обыскивают. Были случаи, когда депутатов выносили с заседаний на носилках. Полиция в помещении парламента, в зале заседаний и на хорах, стоит спиной к председательствующему, но не лицом, — дабы лицом быть к публике и быть готовым каждую секунду спасти и спастись. Парламентская полиция специальная — умеющая дзюдзитить, рукопреть.

Голос выборщика — от эны, смотря по надобности и по местности. Таксированная плата за «уступить дорогу».

История японского парламентаризма начата историей железнодорожных скандалов. Сейчас — сахарное дело. Крах. Расхищение. Дутые начинания. Банкротства. Замешаны: налоговый департамент, министерство финансов, прокуратура, суд и вожди обеих партий. Поскольку в «деле» обе партии — дело выяснить невозможно. Газеты витийствуют. Дутая перекупка земли. Дутые дороги. Скупка дутых дорог правительством.

Премьер-министр Вакацуки (тот, что был до Инукаи) судился по публично-домовым делам.

Когда театр Кабуки во главе с актером Садандзи вернулся из Москвы на родину, в Токио, на первом спектакле на сцену бросались, разбрасывались по зрительному залу свертки с живыми змеями. Фашистили. Поридали сочувствие большевикам.

Верхняя палата. «Кенкюкай» — организация баронов. «Косейкай» — организация виконтов.

«Кокусуйкай» — общество национальной чистоты. Фашистско-цеховая организация. Большой процент полуробочих. «Оябун» — «мастер» в феодальном смысле слова. Мастера имеют своих оябун, и так далее до верхушки, до «большого мастера» — «дай-оябун». Самурайствуют.

Штрейкбрехерствуют. Нанимаются бить, кого прикажут. Минсэйтовцы нанимают, чтобы бить сэйюкайцев. Сэйюкайцы — минсэйтовцев. Бьют первомайские демонстрации. За-рабатывают неплохо.

Газета «Асахи» и др. от 1-го июня 1932 года.

«Давление на Про-бунка ренмэи (пролетарская культурная лига) продолжается такими же темпами, как и раньше. 29 мая арестовано 30 человек представителей пролетарского театра. 31 мая арестовано шесть человек представителей издательского отдела Союза Пролетарских Художников и конфискована литература».

Газета «Дзи-Дзи» от 1-го июня 1932-го года.

«Недавно арестовано семь человек представителей Дзенкио (левый профсоюз Японии), когорые после ареста руководителей этой организации организовали столовую, вокруг которой группировали своих членов и собирали средства».

Текстиль. Вербовщики девушек-девочек работниц ездят по провинции с кино, рекламой, проспектами. Конкуренция.

В деревнях, во время беспорядков и стычек с полицией, орудием борьбы служит гэта, так же такэяри, — заостренный бамбук — бамбуковые пики.

На круг по всей Японии, на человека в деревне, на день, добавочное к рису питание обходится меньше золотой копейки — около полутора сэн.

Газетная статья по поводу «волны преступлений», все увеличивающейся.

Демонстрация рыбаков. Дороговизна земли в Токио создала концессию по отнятию, как в Голландии и Бельгии, земли у моря. Рыбаки демонстрируют против того, что их сгоняют с воды, где они и прадеды с испокон веков ловили рыбу.

Газетные заметки.

В ряде мест и в ряде случаев на мелких предприятиях —

так скажем — исчезали вывески. Хозяева задерживали жалованье рабочим. Хозяева устраивали сберегательные кассы, удерживая заработки рабочих. В некие паскудные дни рабочие приходили к своим фабрикам. У ворот толпились оябуны из Общества национальной чистоты. На воротах существовала новая вывеска. За воротами был новый хозяин. Это значило, что старый хозяин смылся, что фабрика перепродана и — новый хозяин ничего не знает о прежних хозяйственных расчетах прежнего хозяина с рабочими.

Был случай, когда рабочие залезли на крышу фабрики и сидели там, забаррикадовавшись с лозунгом на плакате: «Отдайте нам наши деньги!»

Родовое клановое начало. Родовая порука. Скрытая от статистики безработица, когда потерявший работу в городе идет к брату, к отцу, к дяде — иль в другой город, или в деревню. Родовая порука не позволяет отказать пришельцу. Пришелец будет принят даже тогда, когда те, к кому он пришел, голодают. Пришелец будет помогать роду. Будут голодать вместе.

Задолженность деревни — около 6 миллиардов эн — растет ежегодно на полмиллиарда. Баланс сельского хозяйства, стало быть, пассивный. Работа дочерей в бардаках и на фабриках — уравнивание баланса. Некий экономист додумался и предлагал через газету, как самое выгодное, — удобрять рисовые поля рисом же. Ибо все остальные удобрения монополизированы и безбожно вздуты в цене.

Газетные сообщения.

В ряде мест и в ряде случаев в деревнях арендаторы, не уплатившие помещику арендную плату (арендная плата доходит до 50 процентов стоимости урожая, в товарных исчислениях), — арендаторы судом сгоняются с полей. Арендаторы тогда протестуют. Арендаторы против постановлений суда приходят на землю, безмолвно, дабы нельзя было найти «говорунов», становятся на рабочие места и безмолвно, без видимой команды, дабы нельзя было найти «зачинщиков», все сразу поднимают и опускают кирки, приступая к обработке своих участков. Это — разновидность бунта.

Положение мелких собственников — не лучше арендатор-

ского. Денежные налоги и их сроки заставляют продавать рис тотчас же после урожая, и в урожайные годы дело обстоит хуже, чем в недородные. Цены на рис и спрос падают, надо бегать и умолять, чтобы продать урожайный рис. Аренда берется в процентном отношении к урожаю, но берется — деньгами.

Неуплата долгов — явление не только деревенское, но всеяпонское. Недоимки растут повсюду.

Газетные сообщения.

В ряде сельских районов врачи и акушерки разъехались из-за неуплаты жалованья. В ряде районов сокращение — и жалованья, и количества учителей. В некоторых местах — восстановление натурального обмена.

Волна крестьянских «мораториумов» — коллективной неуплаты долгов. В связи с этим сельские постановления: детям в школы не ходить, всем селом, дабы оставить одних детей помещиков, которые пусть и платят налоги. Надо помнить, что первоначальное обучение в Японии — обязательно. Кое-где в деревнях возникли «пролетарские» школы, помимо правительственной системы, с выборным учителем, безвозмездным. Одна из деревень ходатайствовала перед правительством о том, чтобы ее не считали деревней, распустили-б, ибо эта деревня не могла платить общинных налогов и не хотела ни школ, ни больницы, ни почты. Одна из деревушек организовала союз по ограничению рождения детей. Председателем союза стал старшина. На членские взносы покупались предохранительные против беременности средства и давалось вспомоществование забеременевшим на аборт, хоть аборт и воспрещены законом.

Газетные корреспонденции.

Ростовщик наложил арест на 72 дома сразу в одной деревне. Полиция помогла правозаконному человеку отобрать весь рис у деревни, отправив деревню в голод.

Газетные сообщения о самогонщиках — гонят целыми деревнями.

Газетные сообщения о краже риса.

Полицией установлены факты организованного детского

воровства. Дети воровали, чтобы кормить родителей. Дети воровали потому, что ответственность за кражу — детская — меньше родительской.

Ряд газетных статей о ряде голодающих мест на севере и в центре Японии, в коих сообщается о том, что в ряде деревень население питается рыбными жмыхами, теми жмыхами, которые обыкновенно употребляются на удобрение земли.

Газетные сообщения о помещике. Сошел с ума. Не получив арендной платы. Не имел риса. Пришел срок платить поземельный налог. Сошел с ума. Землю продать невозможно, ибо никто не покупает.

Деревня, сложившись энами, выписала для всех женщин пессарии — презервативы, надевающиеся на шею матки. Газетная корреспонденция.

Корейский рис удвоил рисовый кризис метрополии. Ввоз корейского риса запрещен. Примерно так же обстоит дело с фушунским каменным углем. В парламенте поднимался вопрос о запрещении его ввоза в метрополию. Надо полагать, будет запрещен.

Поговорка: «Хороший урожай — большое несчастье».

Рекордный процент несчастных случаев в горной промышленности — у японцев. Газетные справки. Пожар в копиях. В копиях было до сотни рабочих. Пожар потушен радикально; закупорен доступ воздуха, пожар потухнул вместе с задохнувшимися людьми. Охрана труда, совершенно естественно, отсутствовала.

В Токио шла пьеса аналогичного сюжета. На сцене внизу задыхались рабочие, наверху мучились родственники.

В 26-ом году коммунистическое движение выглядело, главным образом, студенчески-интеллигентским. По газетным отчетам 1-го мая 32-го года, во время демонстраций были арестованы 1.200 человек. Демонстрации происходили не только на улицах. Служащие кино забастовали в честь 1-го мая, забаррикадировавшись в ряде кино-помещений, и дрались с полицией чем попало — мебелью, зон-

тиками, гэта. Коммунистическое движение громится ежегодно: стало быть, ежегодно растет.

При министерстве внутренних дел организован департамент по религиозным делам. Раньше его не было.

В институте иностранных языков — забастовка. За сутки до забастовки я читал там лекцию о советской литературе. Разговоры с профессорами. Студенческая шкала: марксисты — спортсмены — бонвиваны (пьют в кафэ и барах с кельнершами) — зубрилы — фашисты. Военизация школы: не только военная подготовка, но и собрание фашистской молодежи, их кружки. В массе студенчество уклоняется от военного обучения. Ряд удостоверений об окончании военного образования — как в старину в России фальшивые удостоверения о говении. Университетская инспекция открыто связана с полицией. «Сикэн дзигоку» — точный перевод — экзаменационный ад, — «десять заповедей». Японский классицизм, вместо европейского греко-латинского, изучает китайский «камбун» — «чистый текст» и историю древней литературы. «Борьба с опасными мыслями». Забастовки в учебных заведениях — явление бытовое.

Газеты «Осаки», «Иомиури» и др. от 16-го июня 32-го года.

«После ареста писателя Фудзимори Сэйкицы, который был задержан 8/VI немедленно после возвращения из Германии, выяснилось, что он начиная с весны 29-го года перешел на восстановление коммунистической партии около 800 эн. Деньги передавались через Курахара, Огава и других. Прокурор токиосского окружного суда немедленно составил протокол относительно нарушения закона об общественном порядке в спокойствии и поместил Фудзимори в тюрьму. Фудзимори известен в Японии, как руководитель лиги пролетарских писателей».

Газета «Асахи» и др. от 16 июня 32-го года.

«15/VI в Институте иностранных языков в Токио, в связи с забастовкой, устроенной учащимися, арестовано одиннадцать студентов, заподозренных в левых тенденциях. Указанные учащиеся оказались руководителями забастов-

ки и связанными с марксистами. Ожидаются дальнейшие аресты».

Иные фашистские организации принимают религиозную окраску. Раньше этого никогда не было. За церковь взялись, как папа за капитализм.

Газетная корреспонденция.

В связи с манчжурской кампанией приговорен судом к отсидке буддийский бонза, — за продажу амулетов, освобождающих от воинской повинности.

Газетная корреспонденция.

Такасима. Человек сто солдат ворвались в офицерское собрание и избили офицеров.

Дезертирство из армии.

Раненые на родину не допускаются, лечатся и выздоравливают на стороне.

«Мертвая» агитация. По деревням развозят урны с пеплом убитых — в Цуругском округе — нагойцев, в Нагойском — цуругцев.

Самоубийства солдат в армии. Самоубийство военного пилота со-спар: он и она разбились с самолетом, сознательно.

Демонстрация по принципу «Потемкина».

В помещениях армейских казарм: новый сторожевой пост в сортирах, ибо сортиры превращаются в агитпункты плакатов, прокламаций и собраний.

Крестьянский голод на севере главного острова начался с осени 31-го года. Правительственные рисовые запасы гниют на складах.

Отказы итти в атаки под Шанхаем. Роты. Батальоны.

Запасные 14-ой дивизии, собравшись по мобилизации, начали бить квартиры офицеров. Их распустили. Суд.

Шанхайские события. Разговор с японцем А.: командование не оценило сил противника, не учло стратегического

положения, бессмысленно теряло людей, показало устарелость маневренной тактики и вооружения, — покачнуло авторитет непобедимости.

Солдатский состав армии — на восемьдесят процентов крестьянский. Офицерский состав: 50 процентов мелкой буржуазии, 20 — военная среда, 20 — зажиточное крестьянство. Самурайские традиции. Разрыв между старым клановым высшим командованием, генералитетом, сложившимся в эпоху русско-японской войны, и рядовым кадровым офицерством, не имевшим возможности продвигаться дальше капитанов из-за отсутствия больших войн, то-есть больших смертей, когда офицерство обыкновенно быстро продвигается в чинах. Капитанское офицерство, связанное с мелкой буржуазией и крестьянством, совершенно естественно, переживает кризисное состояние вместе со всей страной.

Генерал Араки именно связан с этим капитанским офицерством, с фашистской мелкой буржуазией. Разговор с писателем В.:

— Перед приходом генерала Араки в министерство было арестовано 70 человек офицеров группы Араки, — почему они не были преданы суду и были освобождены? — спросил я.

— Потому, что к власти пришел Араки. Расправиться с этими семьдесятю — это значит расправиться со всем офицерством.

«— Армия (подразумевается офицерство) сейчас превращается в партию, в политическую партию» — не острота, но факт.

Программа «партии»:

1. Борьба с партиями и партийностью, с «парламентаризмом» взяточничества и воровства, все-купли и все-распродажи, с коррупцией.

2. Борьба за национальное правительство и «национальную чистоту».

3. Борьба за улучшение положения крестьянства, рабочих, мелкой буржуазии, путем переложения налогового пресса на капиталистов, — иль даже конфискации имуществ концернов, для раздачи беднякам.

4. Укрепление армии, усовершенствование вооруженных сил.

5. Твердая внешняя политика. Овладение Манчжурией. Твердые договора с Манчжоу-го. Война с Китаем и СССР. Несчет с Лигой наций.

Манчжоу-го. Манчжурские события. Разговоры о социализме.

Д.:

— Я думаю, часть офицерства имеет программу завоевания Манчжурии, конфискацию имущества капиталистов для того, чтоб построить в Японии императорский социализм.

Е.:

— Вы знаете, что японские социал-демократы поддерживают правительство в вопросе манчжурских событий, ибо они полагают, что овладение манчжурскими естественными богатствами, японская эмиграция в Манчжурию, рациональная организация труда манчжурского населения, — все это поможет японскому рабочему классу, а стало быть, приблизит наступление социализма.

Визит к министру народного просвещения господину Хатояма.

Господин Хатояма считает, что человечеству следовало бы создать всемирное министерство народного образования ибо: того требует эпоха. Господин министр просил меня передать Стране Советов, как перевел переводчик, что он, господин министр, знает, что некоторые японские круги относятся враждебно к СССР, — но он и его партийные друзья всемерно будут заботиться о дружбе между Японией и СССР и о взаимной как экономической, так и культурной соработе, ибо человечество должно разрешать коллизии не войнами, но экономическим и культурным взаимным пониманием. Господин Хатояма один из лидеров партии сэйюкай.

Встреча с Кикучи Каном. Крупнейший японский писатель. В кимоно и гэта. С лица похож на русского Всеволода Иванова. Очень сдержан. Встретились в ресторане. Очень молчалив. Говорили о странах и о литературе.

Кикучи Кан:

— Политические, экономические и международные дела привели Японию в тупик.

Вопрос Кикучи Кану:

— Что хорошего в современной японской литературе?

Ответ Кикучи Кана:

— Ничего хорошего.

И после паузы — о том, что он, Кикучи Кан, — представитель японской буржуазной литературы, — что (с чуть заметной, быть может показавшейся, иронией) — у пролетарских писателей цели, конечно ясны.

Вопрос Кикучи Кану:

— Что надо посмотреть в Японии?

Ответ Кикучи Кана (чуть-чуть строго):

— Нечего смотреть в Японии.

Кикучи Кан:

— Япония так дальше существовать не может.

Содан — магическое, клановое, родовое слово, наслаждение ума отдохновения души. Надо ли переделывать ванну, или выдать замуж дочь, купить кролика, переменить тапками, начать или кончить торговлю, съездить к святым, — надо собрать содан, — собрать своих друзей, соклановцев, сородичей, чтобы вместе обсудить эти вопросы, сидя вокруг хибати и раскуривая папиросы или трубки, сбрасывая в хибати пепел и прикуривая от хибати. Первым высказыванием инициатор собрания, излагающий суть дела, за ним часами, по существу, говорят остальные, обязательно очень глубокомысленно. Соданят по поводу нового граммофона иной раз часов семь подряд.

Анатолий, племянник, воспитывающийся в Японии у профессора Йонэкава с тем, чтобы в СССР был лишним хороший японовец, проживающий там уже четыре года, от своих восьми до двенадцати, на вопросы по-русски: — «ты не устал? тебе не холодно? — ты не голоден?» — на вопросы, построенные «ты не», — отвечает: — «да!» — Да — по-японски и по принципу наоборот.

К слову о Толе. На границе в анкете был вопрос: — цель вашего визита в Японию? — ответил: — писательские дела и встреча с племянником. В Токио, при вселении в гости-

ницу, полицейские чины очень вежливо советовали пребывать в Японии не в качестве писателя, но в качестве дяди «Тори-чан», предаваться родственным наслаждениям в перманентном родственном состоянии.

Похоронная процессия. Мертвец не лежит, но сидит в ящикообразном гробу с головой между коленями, как в утробе матери. Перед гробом идет отряд солдат и монахи, в белом, несущие золотые лотосы. Около гроба несут цветы и блюдо с едой. Сзади идут люди во фраках, у каждого в петлице по белой бумажной розетке. Дальше ползут автомобили и курума. Вошли в парк. Прошли аллеи вишневых деревьев. Гроб поставили на стол, обставили горшками со священным сандаловым курением. Бонзы в митрах, похожие на российских батюшек голосами российских батюшек запели псалмы, то проглатывая слова и ритмы, то растягивая их до скуки. Десяток бонз с бритыми головами уселись вокруг гроба по-буддийски на колени, завывли флейтами, отбивая такт гонгами и тамбуринами. Затем процессия двинулась в крематорий. Хоронили виконта.

Поездка в Никко.

«Из гроба вставал барабанщик».

В Никко гробницы первых Токугава, первого Токугава — Иэясу. Пословица гласит: «Кто не побывал в Никко, тот не видел Японии». Поездка совпала с годовщиной смерти Иэясу, и из гроба вставали барабанщики. Люди из старых кладенцев достали старинные доспехи, оставшиеся от токугавских дней, панцыри, мечи, луки, пики. Под поистине вековыми крептомериями, в средневековой прозрачности, в пустоте и благоуханности горного воздуха, шумящего падающей водой, люди, несколько тысяч чудачков, распределились по кланам и по доспехам. Возникли из древности полки, надевшие доспехи своих предков. Полками командовали даймио. Средневековые дружины здравствовали. Полки в зеленых, красных, синих латах, в кольчугах с мечами, без кольчуг с луками и колчанами, по роду оружия, в музыке свирелей и флейт, среди средневековых храмов, возглавленные даймио на священной белой лошади, полковыми и ротными шеренгами ходили кланяться могилам своих созеренгов, первых Токугава. Полки состояли из тех, в родах которых ос-

талось старинное обмундирование. Каждый полк в отдельности был вооружен и одет одинаково. Полки шли торжественно. Средневековье было сейчас. Путь полков шпалерами обставляли школьники и зрители, приехавшие на поминки Токугава.

Фантазия японцев усердно поработала на склонах никкских гор. Храмы расположились по горам, как мухоморы. Издали они на самом деле похожи на мухоморов в киновари грибообразных крыш. Храмы обвязаны японо-билийскими канатами из рисовой соломы. В храмах пусто и тихо, под храмами в крептомериях, в пагодах, течет горная река. Перила лестницы, ведущие к могиле Иэясу, заросли густейшим влажным мхом. Хвойный воздух синь от полумрака гор и крептомерий. Кругом пагоды. И там могилы. Камень. Гератический журавль, сидящий на черепахе. Тени. Молчание. Деревенская простая бедность.

Комментировать — не стоит, эти полки, восставшие из гробов, очень пригодившиеся бы «Корням».

Сюжеты для рассказов с «японской рекомендованной психологией».

1. Молодой офицер под Шанхаем спас молодую японскую девушку от пуль. Девушка, совершенно естественно, восхитительной красоты. Офицер отвел ее к купцу-отцу. Отец предложил руку девушки офицеру. Офицер отвечал торжественно, что душа, обреченная на смерть, не может связывать себя призрачными узами.

2. Любовник пробрался в дом мужа, чтобы отрубить ему голову. Отрубил, притащил домой и установил, что в темноте он отрубил голову любовницы, но не ее мужа. Он потрясен. Он прибежал к мужу, пал к его ногам вместе с головою любимой, каясь и прося наказания. Муж заключил:

— Как я могу наказать человека, который так любил и любит?!

3. Удивительное путешествие в Васобиойэ — японского Гулливера.

Море унесло его на сампане из Нагасак. Он был прибит морем к неведомому острову Вечной молодости и Вечной жизни. Обитатели этого острова, где в три тысячи лет умирало не больше одного человека, заняты были, главным об-

разом, мечтой о смерти и изобретениями способов отпраздновать к праотцам. Столы людей были уставлены ядами и отравленной пищей. Стены домов были украшены мертвецами и картинами смерти. Эти люди пребывали в остревенелом обалдении от жажды умереть. И — не умирали, как окаянные, наказанные жизнью.

4. «Зеркало есть душа женщины, как сабля есть душа самурая».

Человек, бедный человек, подарил зеркало своей жене. Жена умирала и умерла. Перед смертью мать отдала зеркало дочери. Мать сказала маленькой дочери:

— Твой отец наверное женится вновь, у тебя будет махеча. Смотришь в это зеркало, — я буду там всегда.

И девочка смотрелась в зеркало. Мать смотрела на нее из него сначала горестно, затем грустно, затем нежно, любяще, внимательно, затем мать и дочь сладостно плакали. Шли дни и годы. Лицо матери делалось все яснее и на улыбки девочки оно отвечало короткими улыбками счастья сознания того, что мертвая мать и живая дочь — одно и то же.

5. Факт из жизни. 20/XII—32. «Токио — Асахи». «Самоубийство подпоручика Нисю. Нисю в качестве командира взвода 19-го полка попал в плен вместе с майором Куга. 10 декабря он покончил с собой при помощи фамильного меча. 8 декабря он простился с матерью, сказав ей: «— Я послезавтра направлюсь к Куга. Я хотел бы испить свой позор красивой, мужественной смертью. Простите, что я причинил вам столько тревоги, не выполнив долга сына. Мой дух будет охранять страну и ваш дом».

По сообщению газеты, вся семья знала, что Нисю собирается умереть. Все беспокоились только об одном; чтобы он умер, как подобает военному, а не вешался и не топился.

Интервью с братом Нисю: «— Брат хорошо сделал, что умер. Мы установили престиж перед всеми. Я очень рад, что он умер с улыбкой, без мучений, проткнув себе горло фамильным мечом».

В данной газетной справке существенно отметить, что Нисю покончил с собою без малого через год после майора Куга. Военными властями к харакири он приговорен не был. В харакири его загнали быт и родственники.

Сюжеты очень пригодились бы «Корням».

Итак, все, что написано выше, совершенно естественно, написано по поводу писателей Кагава и Пильняка, — да и написано на их материале.

Цитаты. Газета «Миако» от 6 июня 1932-го года:

«Недовольство крестьян всей страны, жизненные условия которых оказались в противоречии с той работой, которую они выполняют, и на которых давит долг в размере 7 миллиардов эн, вылилось наружу во время заседаний чрезвычайной сессии парламента. В Токио появились ходоки из различных губерний, в первую очередь из Нагано, Ибаракы, Ниигата и т. д., с ходатайством о помощи. Со дня появления в Токио они ежедневно обходят представителей правительства, министров и вождей партии. Они просят о принятии срочных мер к оказанию помощи деревне. В число требований крестьянских ходоков входит:

«1. Срочное проведение мораториума крестьянской задолженности.

«2. Обеспечение производственных расходов на сельскохозяйственную продукцию.

«Переговоры с представителями правительства вносят только разочарование в сердца крестьянских ходоков. Но, если крестьянские требования закончатся ничем и представителям крестьянства придется вернуться в деревню с пустыми руками, то есть опасение, что крестьянское движение перейдет в следующую фазу и примет более глубокий и серьезный характер. В настоящее время ведется подготовка к тому, чтоб под крестьянскими заявлениями собрать подписи солдат и подписи союза запасных с тем, чтобы такое заявление было передано императору».

Газета «Асахи» от 7 июня 32-го года:

«... Донесение чиновника министерства земледелия, ездившего по деревням префектуры Ниигато... в уездах Китагама, Хара, Накагамакара и Уонума и крестьян стало обычной пищей то, что предназначено для удобрения, — тук и пр... Дети продаются за цену от 100 до 400 эн».

Газета «Джапан Адвертайзер» от 8 июня 32-го года:

«Вчера в Токио прибыла группа крестьян из префектуры Нагана, представители как арендаторов, так и собственников, с прошением о том, чтобы парламент принял ме-

ры для улучшения положения крестьян. Они беседовали со спикером нижней палаты Акита. Они просили также работников минвнудела, чтоб полиция была снисходительной. Они обратились к доктору Баба, президенту ипотечного банка, с просьбой установления мораториума по всем крестьянским делам. Они беседовали также с представителями столичных газет.

«По рассказам этих крестьян о положении в Гока, одной из деревень префектуры Ногана, имеющей семьсот крестьянских дворов и сто землевладельцев, в настоящее время владельцы не пытаются даже собирать причитающуюся им в натуре (рисом) арендную плату. Раньше они пробовали делать это, и деревня Гока была известна своими конфликтами между арендаторами и землевладельцами, — теперь они ограничиваются только практическими вопросами. Собрание арендной платы не практикуется. Молодежь, объединенная пожарной дружиной, становится все более и более радикальной. В деревне нет риса и пшеницы, и другие съестные припасы на исходе. Все находится в одинаковом положении. Люди, считавшиеся ранее богатыми, — сейчас уже перестали быть таковыми. Они уже не получают арендной платы, и даже арендные конфликты прекратились. В городе Уэда, одном из районов шелководства, школы должны кормить около 10 процентов детей, или 500 человек в день. Между Маруко и Уэда имеется трамвайная линия. Сейчас трамваи останавливаются между своими конечными линиями редко: ни у кого нет денег на проезд в трамвае. Ездят только пассажиры, пользующиеся бесплатным проездом. В Маруко имеется 25 дымовых труб, но сейчас дым идет только из одной. С тех пор, как крупнейшая шелкомотальная фабрика закрылась в конце мая, город фактически опустел. Местечко Нагакубо Синмацзи, в северной части Нагана, известно как единственное место в Японии, где проститутки днем занимаются кормлением шелковичных червей. Нынешней весной они занимались только червями. В городе имеется десять публичных домов, и, хотя два или три продолжают оставаться открытыми для посетителей, таковых не находится.

«В заключение глава этой крестьянской группы Саки Хириси сказал:

«— Мы ни в каких подробностях не преувеличиваем.

Даже в дни сьогуната Токугава крестьяне были в состоянии иметь в запасе некоторое количество пищи. Нынешнее правление является тиранией. Если положение будет предоставлено своему естественному ходу развития, то наша система самоуправления будет разрушена. Власти должны выдвинуть коренной план смягчения бедствий крестьянства.

«— Мы понимаем серьезность экономического и финансового тупика», — ответил спикер нижней палаты Акита, — «лично я не могу ничего сделать, чтобы помочь вам, но, как спикер нижней палаты, я сделаю все, что в моей власти».

И — таблица.

«Население занятое в (исчислено в тысячах):

Отрасли	Хозяева	Служащ.	Рабоч.	Всего	Проц.
Сельское хозяйство	5.155	12	8.961	14.128	50,5
Рыболовство	205	4	348	557	2,0
Промышленность	1.307	315	4.103	5.725	20,5
Торговля	1.677	404	1.106	3.187	11,4
Транспорт	268	140	639	1.037	3,7
Прочие отрасли	1.090	638	1.650	3.378	11,9
Итого	9.692	1.513	16.807	28.012	100,0

Половина японского населения занята в сельском хозяйстве.

Еще таблица:

Распределение земельных богатств (одно тё равно 0,992 га):

Размеры владений	Число владельцев в тысячах
Более 50 тё	4,3
От 10 до 50 тё	46
От 5 " 10 "	115
От 3 " 5 "	228
От 1 " 3 "	889
От 0,5 до 1 "	1.218
Менее 0,5	2.479

К 2.479.000 крестьянских хозяйств, имеющих половину тё, надо прибавить полтора миллиона безземельно-арендаторских хозяйств. Арендатор уплачивает различными платами — не пятьдесят процентов урожая, как на круг вообще крестьянство, но — восемьдесят. Комментировать эти

обстоятельства следует вышеприведенными справками из газет и — следующими справками. Даты газетных справок следует помнить.

На первом месте в сельском хозяйстве японца стоит рис, с прочими зерновыми культурами, пшеницей, и ячменем, — да шелководство. Рис в национальном балансе давал два с половиной миллиарда эн, шелководство — 570 миллионов, — две трети всего сельскохозяйственного баланса Японии. Тысяч двести крестьянских хозяйств занимались разведением шелководного червя. Тысяч сто крестьянских хозяйств разматывало коконы и шелководствовало по бумажным своим избам.

Государственный бюджет Японии, как говорилось уже, — текстильный, ситцевый, шелковый, — растительный. В японском вывозе на первом месте стоит шелк, решающе вывозимый в Американские Штаты, да текстиль. В 1928 г. шелка было вывезено на 742,6 миллиона эн, — текстиля — на 654,2, — итого на 1.396.800.000 эн из 1.972.000.000, то-есть 69,8 процента всего японского экспорта. В том же 28-м году вывоз был: в Соединенные Штаты — 859.000.000 эн, в Китай — 539.000.000 эн, то-есть на сумму в 59,7 процента всего японского экспорта.

С Китаем Япония ныне в войне, которую приказано считать «событием», по принципам средневекового ношения париков.

С Америкой — — с Соединенными Штатами. — — —

Основная статья японского экспорта — шелк. Основная статья японского экспорта — экспорт в Соединенные Штаты. Основная статья экспорта в Соединенные Штаты — шелк.

Поэтому опять газетные справки.

«Асахи», «Нити-Нити», «Дзи-Дзи» и др. от 29 мая 1932:

«О положении на шелковом рынке.

«... Все газеты уделяют чрезвычайно много внимания вопросу о ценах на шелк и перспективам шелковой промышленности, в виду продолжающегося резкого падения цен и общего ухудшения на рынке шелка. Одной из причин, вызвавших беспокойство среди кругов, связанных с шелковой промышленностью, является то, что состоявшееся заключение договора между японским правительством и американ-

ской компанией о продаже всех японских запасов шелка пока не реализовано, так как американская компания неожиданно потребовала исправления некоторых пунктов договора».

«Правительство по этому вопросу пока не высказало своего окончательного мнения. В Токио созвана всеяпонская конференция представителей шелковой промышленности. На конференции присутствует свыше 400 делегатов».

«Асахи», «Дзи-Дзи», «Хоци» и др. от 1 июня 32-го года:

«В Токио приехал директор компании Асахи-шелк, который является посредником между японским правительством и американской компанией. Директор компании имел длительное совещание с представителями минземледела и директором Спэси-банка, где он в ответ на требование о выполнении заключенного договора, ссылаясь на политические перемены в Японии, потребовал исправления некоторых пунктов договора».

«Асахи», «Нити-Нити», «Дзи-Дзи» и др. от 3 июня 1932:

«Вопрос о реализации договора между японским правительством и американской компанией о продаже шелка остается нерешенным. Это оказывает большое влияние на дальнейшее резкое снижение цен. Для ускорения разрешения указанного вопроса 2/VI премьер Сайто посетила делегация в составе председателя всеяпонского центрального шелководческого союза виконта Макино, председателя всеяпонской федерации шелководческих союзов барона Фудзимура и председателя федерации шелкопрядильных союзов Имай Госуки».

Все газеты:

«Вчера, 5 июня, несмотря на праздничный день, в виду важности вопроса, состоялось чрезвычайное заседание кабинета министров относительно расторжения договора, заключенного между японским правительством и американской компанией на продажу всех запасов шелка, в виду требования со стороны покупателя исправления некоторых пунктов договора».

«Основные пункты решения кабинета:

1. На основании общего согласия обеих сторон, заключивших договор на продажу в Америку всех запасов шелка, указанный договор расторгнут» — —

Итак, стало быть, договор порван.

История с шелком — вещь порядка иллюстративного. В 1928-ом году кипа шелка стоила 1.300 эн. В январе 32-го года та же кипа стоила 520 эн. В мае она стоила 415 эн. В 1928 г. эна стоила половину американского доллара. После 15 мая по банковским расценкам 100 эн стоили 31 доллар, а на черной бирже, с рук на руки, настоящими долларовыми бумажками, японцы рассчитывались — главным образом бессребренные самураи — сотнезной бумажкой за 22 долларовых бумажки. Цены шелковых кип исчислены в энах.

Американцы — вообще друзья японцев, начиная с дружеских пушек commodora Пирри, кончая барами. Японцы помнят дружескую помощь американцев в Портсмутском договоре с императорской Россией. Японцы помнят «джентльменский договор» 1907 года, джентльменски намекувший Японии, что она — желтая раса. Японцы помнят сердечную помощь американцев в оккупации Советского Дальнего Востока и в отказе японцев от Двадцати-Одного китайских Пунктов. Англичане, американцы и японцы знают, что американцы на Вашингтонской конференции 22-го года помогли японцам навсегда порвать военный союз с Англией, давнишний, тесный, многолетний союз, после которого Япония осталась сама при себе, при французах, у которых нету дел на Тихом океане, да при поляках, обладающих портом Гдыня. На той же конференции были уничтожены «специальные интересы» японцев в Китае. Японцы помнят, что в 23-м году высший американский апелляционный суд еще раз джентльменски напомнил японцам об их желтой расе, запретив японцам натурализоваться в Америке. Японцы имели в Китае, в Манчжурии друга — Джан Дзо-Лина, которого они ж низвергли и с сыном которого они воюют. Япония помогла другу-мракобесу против национальных революционных войск Китая, посылая своих солдат. Япония, надо полагать, помнит, каким антияпонским бойкотом ответил Китай, — и помнит, как помогали китайцам Юнайтэд-Стэйтс, — так помогали, что вместе с выводом солдат из Китая, вместе с убийством Джан Дзо-Лина должен был пасть японский премьер-министр Танака, тот, который написал меморандум. Много японцы помнят и знают, касающееся сердечной любви к ним американцев.

Японцы в частности знают также и то, что войска из Шанхая в мае 32-го года были выведены — не по воле японцев, но по воле американцев, — недаром вслед о приказе отвода войск случилось 15-е мая, — недаром вслед за 15-ым мая американцы разорвали шелковый договор с Японией, — недаром глаза японских офицеров и дула морских пушек свирепо смотрят в Тихоокеанский Восток!

Недаром политические заправила по миру, с красно-синим карандашом в руках, спокойно рассуждают:

— а) или японцы нападут на Америку до 36-го года, —
— б) либо американцы разгромят японцев в 36-ом году, —

понеже к 36-му году будет переоборудован американский флот.

Недаром японцы прут и прут — в долги, в кризис — в Манчжурию, чтобы закрепить тылы для войны 36-го года, — лезут в квашню бобовых манчжурских пространств и партизанства, и в сердечное осwirепение всего Китая (даже Лиги наций!), — того, экспорт в который, после Америки, составляет вторую крупнейшую японскую статью дохода.

Но речь идет о писателях. Глава начата крестьянскими доходами. У японцев, кроме шелка, есть злаки. Поэтому — опять газетная таблица.

... Производственные расходы на один тан обрабатываемой площади:

Наименование расходов	На 1 тан заливн. земли	На 1 тан сухой земли	Среднее
Стоимость семян	0,45 эн.	0,48 эн.	0,46 эн.
стоимость удобрений	—	—	—
а) собств. производства	7,30 "	6,83 "	7,09 "
б) покупных	2,46 "	3,15 "	2,77 "
Зарплата наемных рабочих	13,10 "	11,91 "	12,56 "
зарплата членов семьи	1,72 "	1,04 "	1,41 "
Амортизация с.-хоз. орудий, материалов, строек	2,00 "	2,17 "	2,04 "
Себестоимость	27,03 эны	25,52 эны	26,33 эны

«Таким образом, средняя себестоимость одного коку выражается, принимая во внимание среднюю урожайность на один тан, в сумме 14 эн 33 сэны. К этой сумме надо прибавить арендную стоимость земли, в среднем 2,03 эны на

тан, и различные обложения, приблизительно 33 сэны, — итого сумма производственных расходов одного коку выражается в 16 эн 68 сэн.

«Эти цифры надо сопоставить с ценами хлебной биржи. 7/VI сего, года цены на оптовом рынке были 4,80 эны за сто кин, то-есть приблизительно — 10 эн 50 сэн за одно коку».

Комментарии излишни.

Токугавская эпоха знает многотысячелюдные крестьянские восстания. В 1918 году так называемые «рисовые бунты» повели за собой до 10 миллионов человек японских крестьян и охватили две трети территории Японии. Ходоки из Нагана, как цитировано, —

«... просили также работников мининдела, чтобы полиция была снисходительней»... «Молодежь, объединенная пожарной дружиной и союзом молодежи, становится все более и более радикальной»... «Даже в дни сьогуната Токугава крестьяне были в состоянии иметь в запасе некоторое количество пищи»... «Есть основание, что крестьянское движение перейдет в следующую фазу и примет более глубокий и серьезный характер».

Все отрасли японского хозяйства, — кроме сельского, конечно, поставляющего рис ниже себестоимости и женщин в дополнение к себестоимости риса, — все отрасли японского хозяйства синдицированы с божьей помощью парламентаризма. Хозяева — концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитома, Ясуда, Окура, прочие. Мицуи и Мицубиси — первые.

Мицуи вырос из старой феодальной трехсотлетней осакской, осакско-гильдейско-ганзейской фирмы. Мицуи командует банками и страховыми компаниями, горной промышленностью, металлургической и машиностроительной, электрической, химической, текстильной, пищевой и торгует всем, имеющимся на земле, в своих универсальных билдингах. Его капиталы подсчитываются в 1.260.000.000 золотых эн. Торговый его оборот, на год, достигает полутора миллиардов эн. Мицуи торгует со всем миром, он хозяйничает в японской международной торговле.

Мицубиси родился в 1870 году мелкой торговцй фирмой. Мицубиси командует банками, судоходством и судостроением, городской недвижимостью, тяжелой промышленностью и торгует всем, имеющимся на земле, в своих уни-

версальных небоскребах. Его капиталы подсчитываются в 600.000.000 золотых эн. Торговый его оборот, на год, достигает миллиарда эн.

Тот и другой командуют машинами, тяжелой промышленностью. Они первые. За ними третьими идут — Сумитома, Ясуда, прочие. Но все вместе они — сильней государственного капитала. В 25-й, в успешный год, инвестированные в промышленность миллионы и миллиарды эн расплагались так:

Отрасли	Гос. капитал в млн. эн.	Частный капитал в млн. эн.
Металлическая пром-сть	220	206
Машиностроение	137	593
Текстильная пром-сть	4	1.131
Проч. пром-сть	108	3.859
Жел. дороги	2.500	585
Прочие виды транспорта	—	673
Итого	2.969	7.047

Если выкинуть 2.500.000.000 и 585.000.000 железнодорожных эн, то государственные энны 469.000.000 останутся позади концернированных частных — без 7.000.000 — на 6.000.000.000 эн, — на шесть миллиардов!

Мицуи и Мицубиси — куда ганзейцы! — куда английские купцы из Лондон-Сити! — это самоновейшие американцы. Чтобы знать их размах, их принципы, их оборудование, надо спсылать любопытствующих на нью-йоркский Уолл-стрит. Куда японским кропперам до Мицу-Мицубиси! — они: впереди государства!

И они командуют (совершенно по-американски) партиями Сэйюкай и Минсэйто. Сэйюкай на содержании у Мицуи. Минсэйто на содержании у Мицубиси. Это — по о-кэй-американским правилам — не мешает, само собою, Мицубиси подкармливать сэйюкайцев, а Мицуи — минсейтовцев, по американо-японским, и всемирным, начатым от вигов и тори, с Алой и Белой розы, демократическим, парламентским правилам.

Партии в руках Мицу-Мицубиси.

Парламент в руках Сэйю-Минсэй-кай-то.

Но:

Название кабинета	Состав кабинета	Дата прихода к власти	Срок нахождения у власти	Причина ухода
2-й кабин. Окума (Хидзен)	Досикай ¹⁾	16/IV—14 2	г. 5мес.	Скинуты войной военн. группировками
Тарауди (Тьюсю)	Тьюсю и бюрократы	9/X—16 1	„ 11 „	Скинуты рисовыми бунтами
Хара	Сэйюкай	29/IX—18 3	„ 1 „	Убит
Такахаси	Сэйюкай	13/XI—21 1	„ 6 „	Кризис
Като	Верхняя палата	12/VI—23 —	„ 3 „	Умер
2-й кабинет Ямамота	Санума (бюрократы и Кокусин-крабу ²⁾)	2/IX—23 —	„ 4 „	Покушение на императора
Кайоура	Кэнкюкай	7/I —24 —	„ 4 „	Скинута парлам. коалицией
Като	Коалиционный (Кэнсэйкай, Сэйюкай и Кокусин-крабу)	11/IV—24 1	„ 8 „	Умер
1-й кабин. Вакацуки Танака	Кэнсэйкай и Кэнкюкай ³⁾ Сэйюкай	28/I —26 1	„ 4 „	Финансовый крах
Хамагуци 2-й кабин. Вакацуки	Минсэйто „	20/IV—27 2	„ 3 „	Убийство Джан-Дзо-Лина
Инукаи	Сэйюкай	2/VII—29 1	„ 10 „	Убит
		30/IV—31	„ —	Свергнут военной борократ.
				Убит

Мировая война была счастьем!

Сэйю-Мицу-кай-биси цвели, как арбуз в июле. Пароход, ходивший из Йокогамы в Сан-Франциско и обратно, окупал свою стоимость. Тихоокеанско-азиатские воды остались без колонизаторского присмотра. Китайцы подписывали Двадцать Один Пункт — или иначе — двадцать одно требование. Золото росло в японских банках, как грибы в августе. Балансы предприятий росли, примерно, так же, как в электрической промышленности, где 762 миллиона эн 19-го года выросли до 2.869.000.000 тех же эн 28-го года. Конец мировой войны пришел, как перепойное утро, как смерть, как разорение. И парламент занялся чехардой.

¹ Досикай, Кэнсэйкай, Минсэйто — одна и та же партия, меняющая названия.

² Кокусин-крабу — организация средней городской буржуазии и технической интеллигенции, близкая к Минсэйто.

³ Кэнкюкай — организация верхней палаты.

Сэйюкай и Минсэйто, энные властители, энные победители, начали делиться властью с кланами и виконто-принце баронной верхней палатой.

Сказано уже, — в городе — капитализм, а в деревне — феодализм.

В парламенте — парламентаризм, а власть —

Колоссальнейшие в Японии темпы!

И все течет в Японии с тою же быстротой, с коей курума были сменены велосипедами (в 26-м году японцы как-раз переживали эту велосипедную эпоху), с коей велосипедисты меняются автомобилями.

Все течет в Японии, кроме текстильного бюджета, и все меняется, кроме армии в дополнение к текстилю, занимающей в Японии то же место, что во всех остальных странах положено для тяжелой индустрии. Японская армия не меняла своих вождей, клано-садумо-гъосьных, подобно чехарде парламента. Армия не знала поражения, прошед победою через Формозу, Китай, Россию и в мировой войне — до — до Шанхая? — В стране, в которой все двигается, даже земля, в которой земля закалила нервы, насоздав легенды, — а ведь действительно иногда сознание переходит в действительность! — легенды о прелести смерти, — в этой стране создалась чрезвычайно подвижная, чрезвычайно маневренная армия, с совершенно неподвижным командованием, непобедимым командованием, столетним командованием, полубожественным командованием, — армия, как шум гэта. К общеизвестным истинам обращаться не стоит. Евангелия общеизвестности — энциклопедические словари — сообщают, что японская армия, японский военный флот — отличны. Американцы ждут 36-го года, чтоб подстроить кораблищ и побить японцев. Военные расходы в японском государственном бюджете стоят, совершенно японски-естественно, на первом месте, — это, в мирное время, — без малого полмиллиарда эн, когда на просвещение, на здравоохранение, на судопроизводство и вообще на юстицию идет всего 167 миллионов; — когда к военным расходам надо прибавить погашение долгов и проценты по ним, миллионы триста, — когда администрация, полиция и двор, армейские помощники, стоят 200 миллионов; — когда в статье транспорта, промышленности и сельского хозяйства (сельское хозяйство!) проставлены четыреста мил-

лионов, также добрый кус отдающей армии; — когда по сути дела на социально-культурные нужды остается процентов 20 — 25 государственного бюджета.

Армия! — Тяжелая индустрия — армия. Единственное неменяющееся — армия. Давшая мировое значение Японии — непобедимая армия. Опора императорского двора за каналами посреди Токио, опора божественного императора, Генро, лорда хранителя печати Макино, тайного совета — армия. Детские книжки — о победах — о геройстве — армия. Самурайские сказки — о победах — армия. Построение социализма у социал-демократов, через Манчжурию, — армия.

И армия — поистине партия, сильнейшая в Японии, управляемая императором, который катастрофически популярен именно потому, что у него нет и никогда не было власти.

Н-но — —

8

Писатель Кагава! христианнейший писатель Тойохико Кагава! ¹ Главы ваших «Камней», которыми начата эта книга о корнях и камнях, — совершенно верные главы. Вы — христианский писатель — вы знаете судьбы Мэйдокай и Оомото. Мэйдокай — это религиозное общество Светлого Пути, образовалось в 1928 году. Во главе его были профессор Киси и медиум — корейка Ко-Тай-гю. Общество имело три тысячи последователей. В доме профессора был священный алтарь, и профессор, проводил сеансы по сношению с духами мертвых, по определенной таксе, — полиция вмешалась в это дело и запретила нелегальную связь с тем светом. И в Оомото — в учении о Великой Основе — также стояла во главе неграмотная баба, объявленная святой. Патроном секты был Дегучи Ванисабуро. Движение охватило не только крестьян, но и интеллигенцию. В составе оомоистов были адмиралы, адвокаты, профессора. Секта купила газету, так же, как в Америке секта Кришн-Сайонс, — организовала богословскую академию. За неосторожные высказывания о земной власти секта подверглась разгрому,

¹ Т. Кагава занимает особое положение в японской литературе, — христианский писатель.

и Ванисабуро был присужден к нескольким годам тюрьмы. Отбыв срок наказания, он решил снова поднять движение Великой Основы, но на этот раз не на тесных островах Японии, а на материке. После того, как началась война в Манчжурии, Ванисабуро 2-го ноября 31-го года выехал из Киото в Мукден и стал там готовить унию с китайскими даосами, чтобы создать «мировую ассоциацию красного светильника». Он предполагает распространить это учение по всей Манчжурии и дальше, на Запад. — И вы, Тойохико Кагава, знаете, как 23-го августа 31-го года на аэродроме Тоиаран синтоистские жрецы города Куруми и уезда Мацуи провели молебен о ниспослании полной безопасности авиаторам. Восемь бонз на больших пассажирских самолетах аэротранспортной компании совершили полеты над городом Куруми для очищения воздуха от злых духов. Оглы-Фукадзава, его жена Мики, его друг Тимура — это не только японские типы. Их дела, равно как и дела барона Сэнбонги с его женой и белой птицей, — не только европейские и японские дела, — равно как и дела женщины с ребенком-мертвецом на спине, и дела мужей на Хаккайдо. Для вас, христианнейший писатель, совершенно естественно и значимо, куда идут ваши люди и ваши дела.

А поэтому — —

О том, как пришел к власти генерал Араки, — рассказано.

Его приход, кроме всего прочего, красноречив тем, что генерал Араки — не тьсю и не генерал, в сущности, но капитан. Все течет в японских темпах, течет, оказывается, и армия.

29-го апреля, в праздник, в японский царский день, японское военное командование Шанхая собралось праздновать праздник. Было очень торжественно, и в торжественность ворвался гром бомбы, разорвавшейся среди японских генералов. Главнокомандующий японскими войсками в Шанхае генерал Сиракава был ранен смертельно. Это было гораздо большим «поводом» «наказать» китайцев, чем те поводы, кои привели в Шанхай японские войска.

Генерал Араки зловеще высказался: о «мерах»...

10-го ж мая японский кабинет министров постановил: о вывозе всех сухопутных японских войск из Шанхая, ни

словом не обмолвившись о «наказании» за смерть генерала Сиракава.

14-е мая было субботой. С утра приехал Толя, в ученической форме, с медными пуговицами, с открытыми коленями, в фуражке с ученическим значком. Я спросил его:

— Ты не замерзнешь в автомобиле? Мы поедем к Фудзи-сан.

— Да, не замерзну, — ответил он.

Мы поехали наслаждаться природой. Мы ночевали около озера Асиноко, которое европейцами обыкновенно называется Хаконэ, — плавали ночью на лодке, спали по-японски в кимоно на татами, просыпались на рассвете, чтобы видеть Фудзи, опрокинувшееся в воде озера. Утром и днем автомобиль пронес несколько сот километров вокруг Фудзи, мимо Пяти озер. Фудзи в громадном воздухе, от этих прекрасных озер, было чудесно. Воздух и день на самом деле были громадны и прекрасны. Открытые стены деревенских отэлчиков, — жареные, как шашлык, угри приветствовали старинной Японией. Однажды в горах, на перевале, откуда Фудзи-сан купался и в синем небе, и в океане одновременно, — в далеком синем океанском горизонте, — мимо проехали автомобили с японскими офицерами, на заднем ехала молодежь. На нашем автомобиле был дипломатический флажок, — и молодежь обдала нас криком, козырьками у рук:

— Хэррроо! — это «хэррроо» показалось почему-то вызовом, хотя лица юнкеров были весело-радостны и приветливы.

День, воскресный день, прошел в воздухе, пространствах и прозрачности. В Токио вернулись затемно. И город встретил необыкновенными прожекторными огнями. На перекрестках стояли полицейские машины и кучки господ амовари. Полицейские автомобили вспыхивали прожекторами, слепя глаза встречных шоферов, и амовари грабили глазами пассажиров. Из-за этих прожекторов, из-за автомобильного бега казалось, что вдруг по улицам, по толпе пронесился ветер, снесивший толпу на сторону, хотя ветра не было. Мы приехали в полпредство. Привратник повседневному отпер для машины ворота. Компания разошлась по дружеским квартирам, чтоб принять ванны и затем встретиться за ужином. Толя пошел в ванну первым.

Тогда, очень быстро поднявшись по лестнице, один из спутников, говорящий и читающий по-японски, с листком «гогая» — экстренного газетного выпуска, — прошел быстро к внутреннему телефону и позвонил полпреду:

— Александр Антонович, только-что вышел экстренный «Нити». В министерскую квартиру премьер-министра, сняв с пути полицейскую охрану, вошли четверо неизвестных в военной и военно-морской форме. У господина министра Инукаи были посетители. Молодые офицеры ворвались в кабинет. Господин Инукаи просил их обождать. Офицеры стреляли в упор. Пули попали в правый висок и в нос премьера. Новости передают по радио. Включите радио.

Говоривший не успел принять ванны после дороги, под глазами и на ноздрах, рядом с загаром, легла пыль.

Это была страшная ночь. Гогаи выходили каждую минуту. Газетчики, продающие гогаи, бегут с ними, звеня связкой бубенцов, как в старину в России и в ганзейских городах звенели тройки. Газетчики кричат сиротливо-пронзительно, задыхаясь:

— Гогаааай! Гогааай!

Всю ночь кричали гогаи. Всю ночь сыпались новости.

— Покушение, бомбы, револьверы.

— Юнкера и мичманы, офицеры армии и флота.

— В пять часов дня двадцать минут были совершены покушения на премьер-министра Инукаи. В пять двадцать была брошена бомба, ранившая полицейского, в министра двора Икки. В пять двадцать — в хранителя государственной печати лорда Макино. В пять двадцать — в пять двадцать —

— Бомбы были кинуты в здание главного полицейского управления, в здание исполкома Сэйюкай —

Мы поехали по городу, посмотреть улицы. Город притих, засыпанный метелью гогаев, охрипшее радио. Радио на перекрестке прохрипело:

— ...осадное положение....

Улицы убрали с себя автомобили. Мчались лишь прожектора полицейских машин да ползли машины с дипломатическими флажками. Перекрестки щетинились полицией. Правительственные здания погасили огни и щетинились штыками.

Радио прохрипело в уши проходившего автомобиля:

— ...в одиннадцать часов тридцать пять минут его превосходительство господин премьер-министр Инукаи Цзуоиси скончался от тяжелых ранений...

Следующая радио-глотка:

— ...происходил родом из города Окаяма... родился в 55-м году...

Опять радио-воронка:

— ...дипломатический корпус, в связи... об отмене банкетов и приемов...

Возвращались в полпредство. Опять ездили по городу. Город не спал той ночью. Новости гогаями и радио рождались каждые пять минут. И, потому, что новости рождались каждые пять минут, казалось, что вот в эту самую минуту где-то взрывается бомба, куда-то врываются люди, где-то люди умирают.

— Захвачены электротрансформаторы в Табата, дающие энергию для Токио. Неизвестные в форме — пытались погрузить Токио во мрак. — Обнаружено повреждение трансформатора Иодобаси...

— В таких-то, таких-то, таких-то, районах люди в военной форме, разъезжая на автомобилях, разбрасывали прокламации, подписанные «офицерами армии и флота, друзьями рабочих и крестьян».

— Брошена бомба в здание банка Мицубиси.

— Ранен Нисида — взрыв бомбы — неизвестные скрылись от погони полиции в помещении главной жандармерии. На требование полиции о выдаче скрывшихся начальник жандармского управления ответил отказом.

— Радио из префектуры Сантима — разрушена высоковольтная —

— Несколько морских и армейских офицеров ворвались в квартиру одного из лидеров фашистско-террористической организации Сэйсанто — господина Нисида. В него произведены два выстрела. Нисида ранен в грудь. Нисида находился долгое время под арестом, в связи с убийством Иноуэ и считался предателем среди ряда сторонников Сэйсанто¹).

Брошена бомба в главного камергера двора адмирала Судзуки.

¹ Сэйсанто — фашистская организация.

— В час двадцать минут ночи на квартиру военного министра его превосходительства генерала Араки явилась группа офицеров, но не застала его дома, так как господин министр выехал во дворец к императору.

Так прошла ночь.

Всю ночь — сиротством российских троек — кричал гогаями замолкший в бессоннице Токио. На рассвете за окном Яматага-отэл запел соловей и чуть толкнуло землетрясение.

16-е продолжало звонки гогаев, бессонницу прошлой ночи. Заседал тайный совет. Кабинет министров «принял решение» и обратился к императору с ходатайством об отставке. Судзуки стал во главе Сэйюкай, сменив убитого вчера Инукай, и полагал в интервью, что он будет премьером после Инукай.

Газеты ждали приезда принца Сайондзи.

И целая неделя прошла в смятении.

— Это было восстание? — Нет. Восставшие не убивают министров, но арестовывают их. Эти не умели даже перерезать электрических проводов.

В газетах от 15 мая было интервью Накано Сейго, собирателя японских фашистов. Накано Сейго говорил:

«— Тупик, в котором находится ныне Япония, должен быть устранен решительными мерами. Правительство Инукай не в состоянии сделать это. Политика Инукай ничем не отличается от политики Сидэхара. — Странно, что японское правительство неоднократно заявляло о том, что оно не имеет ничего общего с созданием нового государства в Манчжурии. Япония не может допустить ни при каких условиях поглощения Манчжурии Китаем — Япония должна занять непоколебимую позицию».

— Восемнадцать морских и армейских офицеров, участников покушения, добровольно явились в жандармерию.

— Инукай убит неким Кавакаси, членом Лиги Кровного Братства, приверженцы которой убили десятого февраля сего года лидера Минсэйто Иноуэ и пятого марта — Дана, руководителя Мицуи.

— Товарные и фондовые биржи закрыты.

— В отставке полицейское начальство.

— Араки? — Араки! — Он уходит в кадровый состав армии!

17 мая.

— Баронские и виконтские группы верхней палаты считают весьма вероятным, что участники террористических актов действовали из побуждений подлинного патриотизма.

— Правительство Инукай не поняло «политического кризиса, перед которым оказалась Япония в связи с манчжурским инцидентом», — мнение адмирала Кото.

— Асахи: — «Несомненно, что заговор порожден возмущением пороками, присущими существующей системе партийных правительств».

— Военные круги — за оставление Араки в правительстве.

— Военные круги уведомили генерала Араки, что военные отказываются от участия в правительстве, если оно будет сформировано Сэйюкай или Минсэйто.

— Террористические акты связаны с отзывом войск из Шанхая.

— Падение японских ценных бумаг на Уолл-стрите.

— Судзуки полагает, что организация правительства будет поручена Сэйюкай.

18 мая.

— Тайный совет: «Ни одна партия не в состоянии разрешить». — —

— Позиция военных кругов: — «Армия уверена, что Судзуки назначит членов кабинета с целью создания национального правительства». — —

— Сайондзи еще не приехал.

И так далее.

19. 20. 21.

Военные круги. Совещание военных кругов. Тайный совет. Принц Сайондзи. Программа Судзуки. Углубление экономического кризиса.

«— Правительственный кризис привел почти к полной остановке экономической жизни в стране».

Лидеры верхней палаты высказались против Араки, опустившего армию в дисциплине до безобразия 15-го мая. Лидеры верхней палаты высказались за Араки.

Молодые офицеры, юнкера и мичманы, герои 15-го мая, связаны с Лигой Кровного Братства, с организацией моло-

дых офицеров и с группой Смертников — крестьян. Предполагалось потушить в Токио свет, перестрелять министров, взорвать банки, партии и полицию. «Лига» связана с молодыми офицерами армии и флота. «Смертники» — крестьянская молодежь. Пильняку довелось говорить с одним из профессоров академии генерального штаба. Несколько участников 15-го мая учились у профессора. Профессор говорил, что эти юноши были лучшими учениками, достойными экзальтированными юношами, джентльменами и верными учениками бусидо, эти «офицеры армии и флота, друзья рабочих и крестьян». Они хотели бороться с мракобесием партийного продажничества, лорда Макино, фирм Мицуи и Мицубиси. Они были верными слугами императора и огненными поклонниками империи. Так же писалось и в газетах.

В газетах не писалось, но об этом говорили в городе — и об этом надо рассказать, чтобы передать атмосферу Токио, — о том, что назначение кабинета министров отложено было принцем Сайондзи из-за двух солдат. Два солдата тащили по улице и по военным своим делам пулемет, приурали и остановились — совершенно случайно — отдохнуть в тени против дома принца Сайондзи. На два дня задержалось назначение кабинета министров из-за этих двух случайных пулеметчиков!

22-го мая принц Сайондзи назначил примьер-министром генерал-губернатора Кореи, члена верхней палаты, виконта Сайто. В этот же день сообщалось, что принц Сайондзи принял генерала Араки и генерал Араки высказывался в том смысле, что «нельзя целиком осудить действия молодых офицеров, участвовавших в покушении 15 мая, ибо они были возмущены обстановкой и тенденциями, характеризующими положение страны». — В интервью газетам виконт Сайто сообщил, что он никак не ожидал того назначения, которое он получил. Сайто сообщил, что им будет составлен национальный надпартийный кабинет. Газеты сообщили, что выбор пал на адмирала Сайто в результате стремления к компромиссу. Сайто не принадлежал к партиям.

«— Выдвижение Сайто на пост премьера встречено крайне сдержанно биржей. В банковских кругах относятся так же настороженно к правительству Сайто, предсказывая недолговечность его существования».

«— В кругах верхней палаты категорически высказываются против кандидатуры Араки на пост военного министра».

Генерал Араки дал интервью:

«— Сегодня, двадцать шестого мая, исполняется 56 лет со дня моего рождения. Этот день является поворотным пунктом в моей жизни. С сегодняшнего дня я буду новым Араки. Пули летают над нашими головами, мы живем в период толчков землетрясения, почва колеблется под нашими ногами, везде орудуют пожары. Очевидно, что теперь не время для споров. У нас есть, на что жаловаться. Как я уже сказал, огни пожаров горят вокруг нас. Прежде всего, мы должны их погасить. Наши братья умирают, и мы должны их спасти. Армия и флот должны объединиться и принести императору успокоение. Они должны спасти 80-миллионное население Японии. Незначительные интересы не должны в их работе играть роль. Я подвергался большой критике. Я слушал лекции о том, как должен вести себя человек моего положения. Теперь, когда я решил опять вернуться к своему посту, мои критики начнут опять атаку. Они будут меня обвинять в том, что я безразлично отношусь к национальной морали. Но я надеюсь доказать, что нет универсальных моральных уложений. Зло является следствием того, что один пытается забрать чужую собственность, чтобы ее передать другим. Нансю Сайго, Иосио Оити, Хэйхациро Осиро, генерал Ноги, Хидэоси Тоитоми и Йэясу Токугава имели свои собственные правила, чтобы управлять своими поступками. Невозможно ожидать от меня, чтобы я действовал так, как Сайго или Оиси. Оиси не носил траура во время смерти его владыки. Во время смуты он уходил в веселые кварталы Киото и наслаждался. Его прежние друзья обвиняли его, но он не обращал внимания. Он считал необходимым делать то, что ему диктовали его принципы. Сопротивляясь правительственным войскам в Сирояма, Сайго остался верен себе. Я не имею, конечно, никаких намерений соперничать с ними, но всё, что я должен делать, — это следовать моим собственным принципам. Народ может меня обвинять. Я должен относиться безразлично к тому, что будут говорить. На моем пути лежит шаткий мост. Я знаю, что это опасно, пока я буду проходить по этому мосту. Если я свалюсь в воду, я утону и приду в

ложе своего рока. Дорога, лежащая передо мной, не узкая. Я могу потерять свой путь, но я буду в состоянии достигнуть своей цели. Если человек уверен в победе, победа останется за ним. Не будет никаких изменений в политике армии по отношению к Манчжурии или Монголии и в других вопросах, как результат перехода власти к кабинету Сайто. Я имею решимость не отстраняться от тех задач, которые стоят передо мной. Я имею намерение встретить все вопросы, но теперь еще не время осуществлять их».

«В кругах верхней палаты категорически высказываются против кандидатуры Араки на пост военного министра».

В ночь с 15-го на 16 мая, в час двадцать минут, на квартиру генерала Араки приезжали неизвестные в военной форме, — они не застали генерала, — генерал был во дворце. — Они хотели стрелять в генерала? — неизвестно. — Но по ночам с дружескими визитами, после бомб, разбросанных по городу, — не ездят.

Все газеты от 3-го июня сообщают:

«2-го июня в адрес влиятельных лиц верхней палаты были присланы письма, подписанные «Братством крови молодых офицеров». В письмах указывалось о том, что Сайто, Макино и Вакацуки будут убиты. Эти письма внесли большое возбуждение среди правительства, членов верхней и нижней палат. Полиция и жандармерия приняли меры к розыску».

Генерал Араки остался на посту военного министра.

Все это рассказывается вам, Тойохико Кагава, — вам, гораздо лучше россиянина, знающему Японию. И это рассказывается не потому, что все течет в Японии. Генерал Араки слишком зелен для лордо-виконтов из верхней палаты, — он слишком зрел для молодых «друзей рабочих и крестьян», которые не умеют резать электрических проводов. Это говорится по поводу литературы и к вопросу о молодежи. И следует цитировать «Дни, когда возопиют камни», судьбу героя — студента Йосио, незаконного сына оглы-Фукадзава. Это говорится о методе мышления. Вы рисуете судьбу идеального юноши, христианнейшего студента, христианского социалиста. Эти юноши экзальтированы и благородны, как в старину в России институтки, все совершенно верно. Если бы они умели, они бросили-б Токио во мрак, они-б пере-

стреляли министров и партийных вождей, взорвали-б полицию, банки, — ну, а дальше что? — ведь даже генерал Араки, капитаном пришедший в министерство, стал министром, но не капитаном. Они-б поехали всем скопом, позвав с собой рабочих и крестьян, к императору? — они не читали о российском 9-ом января!.. — Но, быть может, император их принял бы? — они б стали вместе с императором осуществлять свои идеалы? — Они-б полезли войной на весь мир? — и стали бы саранчой для мира? — Не вышло бы, даже англичане тогда-б объединились с американцами и уничтожили-б Японию! — Они-б разделили богатства Мицу-Мицубиси всем поровну? — чего доброго, они думают, что на круг таким путем придется эн по сьдесят семь на человека? — Не выйдет, капиталы Мицу-Мицубиси в промышленности. Реально растащить их — это растащить по гайкам фабрики, заводы, корабли и железные дороги. Бессмысленно. Эти молодые люди от 15-го мая — Араки совершенно прав — заслуживают снисхождения: люди, возмущающиеся мин-кай-тами парламентского взяточничества, продажности, лицемерия и предательства, мракобесием Макино, полицейской благотелью, банкирским разбоем, феодальной деревней, — эти люди заслуживают снисхождения. Но никакого снисхождения не заслуживает, как сказано о писателях и геологах, безграмотность. Безграмотность этих молодых людей — пусть она еще раз подтвердит необходимость писательской грамотности. Пусть эти юноши связаны с крестьянством, пусть они бусидоски иль христиански, как Йосио, целомудренны. Именно это христиански, в частности, никуда не годится. И не только потому, что человечество не может расти вспять, как человек не может вернуться в утробу матери. Бог — царь — народ: христианский национализм — национальный социализм — социализм под тэнно и богом! — безграмотно, не выходит, — кончается 9-ым января.

Йосио —

«чувствовал в душе какое-то неотразимое желание порвать всякое отношение с политикой вообще». —

В «Камнях, которые возопиют», изложено:

«— Какая радость для студентов нашего времени! Нынче одно слово «студент» заставляет представлять себе сборища марксистов. Но, оказывается, есть молодежь и иной масти» — —

Йосио соработает с офицершами армии спасения, принимает участие в «полевых битвах», то-есть проповедях на перекрестках токийских улиц.

Йосио убежден:

«относительно насущной необходимости бросить свое старое и возродиться в жизни бога» — —

«все ни к чему до тех пор, пока у людей не пробуждается настоящее человеческое сознание, под маской которого работает в настоящее время лишь сознание своей собственной выгоды и собственной прихоти».

А поэтому:

«ему чудилось: больше, быть может, можно найти смысла человека, если все бросить и заниматься чистой уборных».

«В мире все материально. Весь мир есть чистый механизм. Все — абсурд!..».

Чистить уборные можно по-разному: в том числе уборные парламентаризма. Йосио гулял со своей сестрой. К его сестре пристал «рабочий», «пролетарий», —

«человек лет тридцати, с коротко стриженной головой, неприятной манерой. От него пахло сакэ. Он был одет в старый черный пиджак. Вымогательски он спрашивал денег:

«— В Токио нельзя найти работы. Прошу вас дать мне денег!..»

«Толпа зрителей собралась около красиво одетой женщины, разговаривавшей с рабочим в разодранной одежде».

По тексту нельзя понять, — то ли описывается не рабочий, но шарлатан, то ли автор склонен безработных рабочих считать шарлатанами, — во всяком случае, христианин Йосио, нашедший бога, герой романа, —

«схватил руку рабочего приемом дзюдзицу» — по христианским правилам.

Рабочий изображен шарлатаном, кажется, не случайно. Йосио — христианин и герой романа. Товарищи по универ-

ситету привели к нему подпольщицу, скрывающуюся от полиции. Они легли спать на разных футонах в студенческой комнате Йосио. Она рассказывала о своих подпольных делах.

«Рассказами подобного рода Йосио был начинен уже давно. И для Йосио все это, собственно, не представляло особого интереса. Йосио уже начал не отвечать на ее рассказы. Он собирается заснуть. Тогда Нацуко тянет футон Йосио и не дает ему засыпать.

«— Давайте поговорим еще немножко. Расскажите и вы что-нибудь.

«Не получая ответа со стороны Йосио, она сунула обе свои ноги в постель Йосио. Йосио молча наблюдал за странными действиями Нацуко. Тогда, видя, что Йосио молчит, она начала всем своим телом влезать в постель Йосио. Тогда Йосио уже не чувствовал никакой силы притяжения, видя эту стриженную девушку с чересчур наглыми приемами.

«— Прошу вас, идите туда. Мне страсть как хочется спать. Дайте мне спать! — Йосио хотел прогнать ее обратно в ее постель.

«— Мне скучно, дайте мне заснуть здесь вот, так.

«Нацуко все держалась в постели Йосио. Он встал и пошел в уборную. Он вернулся и опять лег в постель. Тогда она рукой манит его, чтобы он приблизился к ней. Но тогда перед глазами Йосио встала фигура ангела Фра-Анжелико. У него никак не появилось желания увлечься любовью к этой стриженной девушке».

Ужасно развратно! и ужасно характерно для революционерок! — и ужасно тонко подмечено, — как во всех фашистских романах, — о стриженных волосах!

Но это не все. К Нацуко приходила товарка, — страшное дело, — актриса, девушка, которую —

«отец собирался продать в гейши, но она, прочитав рекламы в газетах, полетела в Токио и выступает в ревю Асакуса.

«Она возбудила весьма хорошее впечатление у Йосио при первой встрече. У нее волосы были так же стрижены, как у Нацуко, но у нее не было ничего приторно-неприятного, что чувствовалось в Нацуко».

Однако, —

«разговоры между ними (между товарками) касались на-
счет приборов, связанных с вопросом об сграничении бере-
менности».

Поистине «левые» разговоры!

Йосио —

«не мог даже представить себе, как между девушками ле-
вого направления в такой полной мере производятся иссле-
дования по данному вопросу».

И Йосио пришел к феодальным выводам!

«... — вот почему, — думал Йосио, — Нацуко могла вы-
ступить вчера так активно... женщина, таким образом, со-
вершенно свободно производит игру над мужчинами, сво-
бодно лова все новых и новых мужчин. У мужчин же, на-
верное, больше боли и досады в момент бросания их жен-
щинами, нежели той радости, какую они вкушают при пер-
вой встрече любви». — —

Неверно, христианнейший коллега Кагава! — Ваши кон-
дукторши подземной железной дороги, опутавшие себя то-
ком высокого напряжения, чтобы бастовать, тоже стриже-
ны, а Йосио, который уже задавал рабочему способами дзю-
дзицу, после таких рассуждений, надо полагать, окажется в
Лиге Кровного Братства, дабы быть «другом» рабочих и
крестьян.

Коллега Кагава! — вы знаете лучше россиянина обо всем,
что рассказано выше в этой книге, — вы лучше россиянина
знаете вашу историю. Вами в этой книге корней и камня
доказывается, что Пьера Лоти и Бориса Пильняка следо-
вало бы отдать под суд за диффамацию. И вы должны
знать — должны знать, чтобы ваши романы были совер-
шенны, — историю развития человечества.

По «Змеям» Кима: —

Япония №1 императорско-феодально-мицу-сэйю-кай-ная,
во второй половине XIX века, пролетала в течение сорока
лет тот путь, по которому белые державы ковыляли в тече-
ние четырех столетий. Япония № 2, Япония пролетарско-
революционная, которая начала свою настоящую историю
с 1918-го года, побила рекорд Японии № 1, пройдя столет-
ний путь европейских рабочих до образования коммунисти-
ческой партии в четыре года. Каждый, кто проследит, пой-
мет сокровенный смысл таких фактов, как каракозовский

выстрел Намба, выступление мелконадельников в префек-
туре Ниигата, сибавурская стачка, победы левого фронта
профсоюзов — Хьюгикай — и так дальше, — и поймет, что
дело не в арифметике, показывающем внушительные циф-
ры, а качестве этих цифр и в беге сгустившего времени.

Неестественно быстрый рост не проходит даром. Он всег-
да с патологическими казусами. Япония № 1, имеющая су-
пердредноуты, газеты с миллионным тиражом и Мицу-Ми-
цубиси, одной ногой стоит в средневековьи. Вы знаете, не
стоит вспоминать, — распарывание животов, кровавые ре-
цидивы походов Хидэйоси на Корею, бывших в конце XVI
века, культ лисиц, Йосивару и прочее. И Япония № 2, упи-
раясь в первую четверть XX столетия, не может наполови-
ну выкарабкаться из конца XVIII века. Профессорша лон-
донского экономического института миссис Повер, приез-
жавшая несколько лет тому назад в Японию вместе с
Б. Ресселем, попала в интернат для работниц при одной из
токийских фабрик, в квартале Хондзё. Изумленно огля-
нувшись и зажав нос, ученая миссис сказала, что она видит
воочию английскую фабрику эпохи промышленного перево-
рота.

Это — женщины-ткачихи, текстильщицы, хребет япон-
ской промышленности, залог японского процветания. Нужны
гомерические усилия, чтобы этих, брошенных в XVIII век,
безропотных невольниц раскалать в класс и в людей. Это
будет сделано — людьми и временем. Это делается. Сейчас
же пока 10 процентов всего фабрично-заводского пролета-
риата Японии — дети, подростки до 15 лет. Коллега Кага-
ва, возьмите какое-нибудь описание жизни детей на англий-
ских фабриках второй половины XVIII века, смягчите не-
много углы эпитетов, сократите несколько цифр, выбросьте
несколько междометий, вместо названий Манчестер, Бо-
стон, Стокпорт поставьте название японских городов, и у
вас получится интересная, изобилующая свежими фактиче-
скими данными, повесть — «О положении детского труда в
сегодняшней Японии». Вам очень поможет в этом Чарльз
Диккенс.

До 1918 года было до-бытие. Настоящая история, плот-
ная, туго набитая фактами и связанная, идет с 18-го года.

До-история состоит из отдельных разрозненных событий,
всплесков, отрывочных выступлений. Первые рабочие сою-

зы, созданные стараниями энтузиастов-интеллигентов, вернувшихся из Америки, появились в последнем десятилетии XIX века. То был героический период деятельности идеалистов, энергичных пионеров и непреклонных безумцев. Вот они — первые члены японского пролетарского пантеона. «Японский Роберт Оуэн» — Сакума Тэйити. Первый организатор союза рикш, впоследствии казненный, — Окуномия Накадзима Хандзабуро — автор и режиссер первой японской стачки на Гавайских островах, зачинщик крестьянского движения в Маэбаси, самоотверженный чудак, окрещенный «сумасшедшим».

Первая в истории Японии рабочая демонстрация состоялась 10 апреля 1898 года. В восемь часов утра восемьсот рабочих собрались в помещении организации, повернулись в сторону императорского дворца, прокричали трехкратное богзай в честь сына неба и, надев головные уборы, специально сшитые к этому дню, пошли стройными рядами в парк Уэно под пение первой в Японии рабочей песни, — в парк, где полицейских было больше, чем деревьев. В этот день ответственным распорядителем демонстрации был один юноша, незадолго до этого возвратившийся из Америки, где он блестяще окончил университет со званием бакалавра. Вскоре этот юноша встал наряду с анархистом Котоку в первых рядах японских революционеров, а после начала полицейского террора вынужден был эмигрировать. Теперь этого юношу, уже старика, можно часто видеть тихо шагающим по Тверской. Он — непрменный член Исполкома Коминтерна. Зовут его — Сэн Катояма.

В этот памятный день на улицах Токио впервые зазвучала песня, которая начиналась так:

Даже гора Фудзи, что высится в небе, —
Это только глыба комьев земли.
Товарищи по работе, настало время, —
Возьмемся за руки,
Вместе — наступать иль отступать.
Будем биться крепкими рядами.
Ну-ка, перегони гору Фудзи
В своей крепости и связанности.
Если жарко взяться, что-нибудь да выйдет.
Если жарко взяться, что-нибудь да выйдет.

Эти рабочие организации были эфемерны. Они рождались в результате отчаянных усилий и лопались при первом тычке полицейского пальца или после первого провала стачки. В это же время когорта революционеров во главе с Котоку и Катояма пробивала себе дорогу сквозь стену полицейских и охранных столетий. Скрипящие тюремные ворота становились добрыми старыми знакомыми и университетами.

В 1910-ом году принц Кацура, премьер-министр, генерал, не видавший ни одного боя, решил уподобиться богу Сусаноономикото, некогда отсекему разом все головы у зловредной гидры. В июне этого года 26 революционеров во главе с Котоку и его женой Канно Суга были внезапно схвачены. В январе следующего года, после приговора верховного суда, с ними степенно расправились. 12 — в их числе чета Котоку — были удушены. В Японии смертная казнь производится при посредстве особой машины «косюдай» — горлодавилки, в которой смерть наступает не раньше, как через пятнадцать минут. Еще 12 были присуждены к каторге на всю жизнь. Один из них сошел с ума. Причины ареста и расправы неизвестны, ибо в печать попало только несколько туманных и кратких, как танка, сообщений о том, что — «Котоку и его товарищи были накануне невероятного преступления, которое, буде оно осуществлено, покрывало бы их извечным позором».

Котоку и его товарищи готовили убийство императора.

Все это вам известно, коллега Кагава. Ликвидация 24-х и политический террор достигли цели — революционное и рабочее движения были стерты с лица земли.

Вместо них в 1912 году адвокат Судзуки робко организовал, оглядываясь на нахмурившего брови минвудела, Общество Дружбы — «Юайкай» — рабочий союз с вегетарианской программой. В почетные советники был приглашен промышленный даймио — барон Сибудзава. Благодаря удачливой звезде союзник просуществовал до 1918-го года, и затем он вдруг стал быстро разбухать, как отрок Момотаро из вашей сказки, коллега Кагава.

Август 1914 года. Война на белом Западе. Вступление Японии в войну. Штурм Циндао. Отчаянное обогащение Японии. Рынки. Военные заказы. Нарикины — скоробогатчики — растут, как бамбуки после ливня. Рис, то-есть

жизнь, — жизнь, то-есть рис, — дорожают. Революция в России. Вторая. Газетные телеграммы о Рейнине, то-есть Ленине. Учащение пульса в интеллигентских кругах. Дальнейший подъем риса. Одно сьо — около двух литров — двадцать копеек. 21, 22, 25. Совет депутатов уже в Урадзю (Владивосток), в 36-ти часах от Цуруга. Рис: 26—28—30. Студенты читают статьи Крапоткина и речи Рейнина. Зс-ниг войны. 32 — 35 — 39.

1918-й. Он может смело стать рядом с 1848-м, 1871-м и 905-м, на одну ступеньку ниже их величеств — 1793-го и 1917-го.

Коллега Кагава! — перечитайте автобиографический роман одного из рабочих лидеров — Асо — «Расцвет». Первые страницы этой книги посвящены 918-му году. Особенно сильно идейное возбуждение среди товарищей Йосио, у студенческой молодежи. Сообщение о двух революциях в России производит так же впечатление на молодую Японию, как некогда вести о парижских коммунарах на русских идеалистов. Токийские студенты начинают организовать кружки — копии кружков Каракозова, Чайковского, Долгушина и других. Эти кружки — Общество новых людей, Союз народников, Союз творцов, Общество расцветного народа. В этих кружках круглые сутки сидят над социалистическими и анархистскими книгами, особенно над Лениным и Крапоткиным, разбирают случайно добытые декреты правительства Советов, спорят о сроках японской революции и в заключение читают «Новь» или «Отцов и детей». Среди молодежи мода — отпускать волосы до плеч, зачесывать их назад и носить русскую рубашку. Многие перебираются в рабочие кварталы, другие едут в деревню платить долг своим младшим братьям. Неслыханная вещь — лучшая часть выпуска Токийского императорского университета в 18-м году отказалась от бюрократической карьеры и пошла в ряды рабочих организаций. В 1918 году до хрипоты спорили в синих от дыма деревянно-бумажных комнатушках о «решающих сроках».

Рис дошел до 45 сэн, а потом, немного подумав, вдруг в первые дни августа скакнул до 50. Август был зноен и душен.

3 августа. Кабинет генерала Терагури объявляет о посылке войск в Сибирь для — для «восстановления порядка».

5 августа. Главная обсерватория предупреждает об урагане, идущем с юга.

6 августа. В городе Тояма толпа голодных женщин начала громить рисовые магазины. Тоямки дали знак. По всей Японии начались бунты городской и деревенской бедноты, бунты, бушевавшие весь август и в последний раз вспыхнувшие ярким пламенем на угольных коях Кюсю. Правительству, только-что пославшему несколько дивизий для покорения русской революции, пришлось двинуть полки пехоты и жандармерии против японцев. 10.000 бунтовщиков были загнаны в тюрьмы. Число убитых не установлено, ибо трупы убитых такими войнами — не считаются.

Коллега Кагава, вы помните этот рисовый август, который потряс Японию. После него, как после землетрясения, выбрасывающего на поверхность океана вулканические острова, не так ли, на поверхности японской социальной жизни вырисовалось аграрное и рабочее движение. 1918-й — высшая точка забастовочной кривой. Тогда начались первые организованные выступления мелконадельников против аграриев, стачки и локауты на полях.

Рост «Общества дружбы» — рост всех рабочих союзов — рост рабочего фронта. Адвокат превращается в лидера рабочих. Он начинает держать себя увереннее при встрече с бароном. И барон находит нужным купить адвоката и ухаживать за ним. Адвокат полнеет. В 919-м к имени «Общества дружбы» прибавляется название — «Федерация труда». С адвокатом повторилась американская история Самуэля Гомперса.

1920 год. Социалистическая лига. Молниеносный разгон.

Конец войны. Германия — локаут. Государство нарикнов в панике. Массовые самоубийства банков и фабрик. Депрессия. Депрессия растет. Депрессия свирепеет. Имеющих больше 500.000 эн в Японии — только 2 тысячи человек. Японская пословица — «загнанная крыса кусает kota».

Вы помните, ночью 1 сентября 23-го года, после великого землетрясения, лишенные крова токийцы столпились на пустырях, в парках и переулках, смотрели издали на горящие кварталы, по которым носилась колесница бога Кагуцути, японского Ильи-пророка. Подземные толчки продолжались беспрерывно. Мрак походил на тушь. Люди чув-

ествовали себя беспомощнее метерлинковских слепцов. И тогда среди них заметно родились жуткие слухи о том, что правительства нет, что все министры раздавлены и что на Токио дикой оравой прут корейцы, которые вкупе с японскими революционерами, захватят власть и начнут уничтожать уцелевших. Древний ужас охватил всех. В эту-ж ночь начали формироваться отряды самообороны. И под гром землетрясения началась расправа с «левыми». Надо быть справедливым — это правда, что полиция и жандармерия спасли много левых от верной смерти, принудительно интронировав их в участки. Но не во всех участках удержались от сладостного соблазна. Жандармский капитан Амакасу не вытерпел этой невообразимой пытки и собственноручно задушил веревкой вождя японских анархистов Осуги, его жену и его девятилетнего племянника. Два больших трупа и один маленький трупик были брошены в колодезь во дворе жандармского штаба. Этакое полицейско-жандармские грехопадения случились еще в ряде мест, например в Камэидо, где была изрешечена пулями куча юношей-коммунистов и вожаков рабочих союзов. Корейцев не щадил никто — ни люди с пуговицами, ни кимано. Безоружных, не говорящих по-японски корейцев дружно, трудолюбиво истребляли, как в конце XVI века, во время корейского похода Хидэйоси.

Великое «землетрясение» нанесло оглушающий удар левому флангу японской общественности и рабочему движению, но — «после ливня твердеет земля», по японской поговорке.

После ливня твердеет земля!.. — «Змеи» Кима закончены. —

Хийоримиха — по-японски значит «следящие за погодой», погодники. Съезд федерации труда в феврале 1925 года, съезд погодников, — прогнал красных. Ушедшие подняли красный флаг Хьогикай — Совета Рабочих Союзов.

Левые Хьогикай вместе с левыми Крестьянского союза организовали в том же 25-м Рабоче-Крестьянскую партию. Вы помните, коллега Кагава, — минвудел разогнал эту партию. Тогда погодники с правыми Крестьянского союза стали организовывать свою «Рабоче-Крестьянскую партию». Минвудел благословил. Минвудел, наряду с построениями банков и партий, хорошо научился у американцев и

принципам «организации» министерского рабочего движения!

Красный флаг открыто был поднят в 25-м году Советом Рабочих Союзов. Но компартия существует в Японии с 22-го года, нелегальная, конечно, ибо при императорах, происходящих от солнца, — куда уже коммунизму!.. Компартия, стало быть, не существует в Японии. Поэтому 10 апреля 25-го года правительство издало приказ о роспуске Хьогикай и Пролетарского юношеского союза, прочих, — организаций, связанных с коммунизмом. В ночь 15 марта было арестовано до тысячи человек коммунистов. Император тогда издал указ, карающий коммунистическую деятельность — смертной казнью. Аресты идут каждый год, каждый месяц, вы знаете об этом, коллега Кагава. После ливня твердеет земля!.. коммунистической партии в Японии — нет?

А рабочие? — эти, тридцать процентов коих работает по сие число больше двенадцати часов в сутки. Эти, где семьдесят процентов женщин-работниц моложе девятнадцати лет, но восемьдесят процентов рабочих текстиля — женщины. Эти, зарабатывающие от рубля-сорока до восьмидесяти копеек в день. — О них, о их делах следует рассказать, чтобы помянуть их героизм, никак не похожее на бусидосское, и чтобы дополнить ваши, Кагава-сан, цитаты из «Камней».

Вы помните, Кагава-сан. Маленький уездный городишко. Завод. Полторы тысячи рабочих. «Конфликт». Стачка. Штрейкбрехеры, спасители нации и ее чистоты, с ножами и пистолетами. Избиение стачечников, — и штрейкбрехерами, и полицией. Предприниматель упорен. Полиция арестовала сотню рабочих. Месяц борьбы. Два. Пять. Рабочие выгнаны из своих домов. Город разбился на два класса. Борьба «города» и рабочих даже в школе согнала с парт детей рабочих, несколько сот ребят. История стачки, избиений, голода — стала известна за городом. Рабочие были так правы, что не только реформисты, но даже промышленные общества склонялись признать правым право рабочих. Рабочие обращались к губернатору, к правительству. На шестом месяце один из реформистских лидеров даже бросился на вокзале в Токио под ноги императору, передав ходатайство о помощи рабочим. Император не пошел по пути 9 янва-

ря, — он просто ничего не сделал, умыв руки. Вы помните, Кагава-сан, эта забастовка длилась семь месяцев и четыре дня, — вы скажете, что рабочие тогда только полупобедили?

Или другая история. Осака. Текстильная фабрика. Женщины. Четыре тысячи пятьсот человек. Против них и предприниматели, и власть, и газеты, и священные традиции старины. Фабричный двор, где были заперты бастующие, их казармы (где обыкновенно спали две работницы на одной постели, первая, когда работала вторая, вторая, когда работала первая) были забаррикадированы полицией, охраняемые, как охраняются кварталы, пораженные чумой. Водопровод был выключен от арестованных бастующих. Были заперты даже уборные. Мерзавцы по ночам — голыми врывались к женщинам, чтобы избивать их. Так женщины держались, бастуя, три месяца. Предприниматели победили, Кагава-сан? — все стачечницы под полицейским конвоем, по этапу, разосланы были по родительским своим деревням и домам.

Кагава-сан, поистине:

«Если можно назвать прядильщицу человеком,
То и телеграфный столб может зацвести».

Кагава-сан, я думаю, что этим женщинам-девушкам, семьдесят процентов которых моложе девятнадцати лет, и тем рабочим, которые только полупобедили, надо помочь раньше, чем христианским юношам. И надо помочь знанием и осознанием права. Они уже рождены у японских работниц, чему свидетель только что рассказанное. Кагава-сан, такая помощь — тоже дело писателя.

У Пильняка 32-го года был раздумчивый разговор с профессором Х. Профессор Х. никак не был ни коммунистом, ни сочувствующим коммунистам. Он был вдумчив.

Пильняк спросил:

— Как вы думаете, будут японцы воевать с СССР? — и когда это будет?

— Не думаю, — ответил профессор. — Вообще нам лучше было бы разобраться в наших внутренних делах, чем заниматься войнами. Чего доброго, эти войны... — профессор помолчал, подумав. — эти войны... вы знаете положение наших безработных рабочих, наших крестьян, нашего прави-

тельства. Наши генералы думают, что воспользовавшись мировым развалом кризиса, когда всем не до Японии, — что они захватом Манчжурии ликвидируют наш развал... Чего доброго, эти войны превратят Японию в восьмую Советскую республику.

Кагава-сан, — слушайте историю! — писателям нашей эпохи нельзя обходить историю и нельзя отставать от нее. Ваши главы, комментариями коих начата эта книга, — совершенно правильные главы. Совершенно естественно, Кагава-сан, что в организации литературно-разведочного художественно-оборудующего института вы рады были бы принять участие. Этот институт должен будет апробировать и мирозерцание писателя, считая мирозерцание грамотностью.

10

В 26-м году Пильняк писал друзьям письма, отрывки из них:

«... ты спрашиваешь, как я себя чувствую в Японии? Кроме того, что все кругом меня таинственно и чудесно, что каждый новый день несет мне новые невероятности, которые я осмысливаю величайшими головными болями, — кроме всего этого, слагающегося из вещей, лежащих перед моими глазами, — мои ощущения, мое состояние в этой таинственной стране определяется еще тем, что я оказался глухим и безграмотным человеком.

«Поистине я безграмотен. Я не могу написать письма и надписать адрес на конверте. Я не могу прочитать ни одной вывески, даже названия улиц, и, стало быть, я не умею написать адрес того дома и той улицы, где я живу, то-есть я не знаю, где я живу. Нечего говорить о газетах, где даже статьи обо мне я воспринимаю, как дикарь, — тем, что там напечатана моя фотография. Но у безграмотного, и у меня в частности, развиваются свои способы ориентации. Я, как волк в лесу, хожу улицами не по печатным приметам, а по приметам домов, световых реклам, перекрестков.

«К тому же я и глухо-нем, ибо я не могу сказать ни одного слова и не понимаю, что говорят мне. На улицах я вынужден говорить знаками, как говорило человечество десятки тысяч лет тому назад. Но и тут меня преследуют вся-

ческие трудности. Ибо мой европейский жест японцы понимают как-раз наоборот. Я говорю жестом — поди сюда и человек уходит от меня.

«Все же я преодолеваю улицы и прочие расстояния. Не надо много фантазии, чтобы представить, каких трудов все это стоит, когда язык и грамоту я должен заменить глазами и когда до смысла вещей я перелезаю через заборы переводов. Мне иногда начинает казаться, что мои глаза заблевают. И очень часто к вечеру мой мозг оказывается изжеванным, как тряпка, которая перестиралась сто раз».

«... я поехал в Японию не только потому, что я хочу рассказать о Японии в России, и не только потому, что в Японии я хотел рассказать о России. Основная цель моей жизни — писательство, — формирование тех эмоций и образов, которые прошли через мое сердце, и через мой ум, — формирование их в рассказах и повестях. Писатель над бытом и временем, прорываясь через них, должен стремиться к тому, чтобы его творения рассказывали не только сегодняшней день. Я должен сказать, что мое путешествие в Японию, вне зависимости от тех знаний, которые я приобрету знанием Японии, — дало мне огромный короб таких эмоций и переживаний, какие не сможет дать ни один университет, ни сотни прочитанных умнейших книг.

«И ничто не статутно на этом шаре земли, где живу я и человеческая цивилизация. Жизнь земного шара очень дряхла, если есть такие культуры, как «восточная» и «европейская», такие, которые тысячелетия жили, не зная друг о друге. Жизнь людей земного шара — очень молода, ибо еще так много надо сделать человечеству, чтобы человек Москвы понял человека Токио и чтобы эти двое поняли человека с реки Конго. В Японии я окончательно почувствовал и понял тот путь, то новое переселение народов, правд и верований, в которые пошли народы и правды в это столетие, когда весь земной шар отправился сливаться общностью знаний и общностью культур, осуществляя геометрическую формулу шара» —

Выписей из писем достаточно. Из всех стран, виденных мною, Япония больше всех сохранила свою национальную культуру — и больше очень и очень многих стран Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу — культуры не национальной, а всече-

ловеческой, — а, стало быть, и социалистической. Забастовки на трубах фабрик и в Институте иностранных языков — это только примеры. И только пример, что все японцы ходят в кимоно и в кимоно читают газеты. Двести тридцать с лишним лет тому назад, при Петре I, когда Россия принимала Запад, одно из первых, что она приняла, это были — платья, манера держаться в обществе, прочее: национальная одежда в России совсем исчезла, и, если она где-нибудь сохранилась, она указывает, что туда никакая культура не заглядывала, сохранив там, господи, благослови, каменный век. И того, что случилось со мной, когда я в Японии оказался глухо-немым и безграмотным, с японцами — не случается: писатель Акита собирался в Россию, и он изучал русский язык. Если японец приедет в русскую Россию, он будет знать русский язык. Люди на земле идут по пути слияния общечеловеческих знаний. Рабочие Японии всячески готовятся к этой дороге.

И еще цитата, последняя:

«... На рассвете меня разбудили. Мои ину сидели уже в автомобиле. По пустым улицам автомобиля понесли нас в редакцию «Токио-Асахи». В редакции спал на столе в кимоно сотрудник, говорящий по-русски. Моих собак собралось внизу штук уже десять. Шоферы в гараже разводили третий автомобиль. В тишине, которая казалась древней, шествовало утро, смоченное росой. Разместились в автомобилях. Два ину, делая вид никтошек, сели на сиденье передо мною. Узкими улочками, тенистыми дорогами, рисовыми полями, деревушками — мы поехали на аэродром, за сорок километров от Токио. Фудзисан предстал перед нами еще с автомобиля — розовая в солнце снеговая пирамида, опоясанная облаком.

«... роса садится на ботинки. На старте стоят два самолета. Один из них унесет меня в воздух. На нем я полечу над Фудзи, над морем, над японскими горами. С другого будут фотографировать меня в воздухе для газет. Я здороваюсь с человеком — пилотом Осима — с человеком, которого я вижу в первый раз и, должно быть, последний, — который унесет меня в воздушные стихии. Самолет — двухместный биплан. В войну 1914 — 1918 годов такие аэропланы употреблялись в качестве истребителей. Самолет —

рабочий, немолодой, такой, который давно стал уже возчиком газетной корреспонденции «Асахи-Симбун» из Токио в Осака. И я лечу на нем из Токио в Осака вместе с газетной почтой. Начальник аэродрома отдает мне свои кожаные штаны. Я надеваю два пальто, шлем, креплю над моими очками, очки-консервы. Каждые сто метров ввысь теряют температуру на один градус. И там, в высоте двух тысяч метров над землей, я буду в страшном ветре и морозе, в зиме. Мое место — место наблюдателя — открыто всем ветрам. Фотограф, стреляет в меня аппаратом в тот момент, когда я влезаю в кожу штанов, завязывая их над пиджаком подмышками. Я лезу в кабину. Я привязываю себя ремнем к скамеечке. Я осматриваюсь в новом моем жилище, в том, где я проживу Японию в полете. Тросики хвостового оперения, руля глубины, ответственного рычага управления самолетом, открыто идут около моих колен. Я знаю: если в воздухе я коснусь их, порву их, помну, — машина неуправляема, нам останется только камнем лететь вниз. И я соображаю, что двигаться мне нельзя: это совсем не то, что барином лететь в «юнкерсе». Под ногами у меня отверстие, в которое я буду с воздуха видеть все, что будет у меня под ногами. Пилот садится в свою кабину. Мне говорят, что второй самолет поднимется в воздух следом за нами. Когда тот самолет будет около нас и мне махнут рукою, я должен подняться из кабины, чтобы меня было видно, ибо меня будут фотографировать в воздухе. Механик пустил пропеллер.

«Я вижу только голову пилота. Черным покойным глазом, птичьим глазом, он взглядывает на меня, спрашивая — готов ли? — Я отвечаю ему улыбкой. Мои собаки стоят кругом, смотрят, вытянув носы. Мы бежим по аэродрому. Земля рвется из-под нас. Земля качнулась под нами. Мы в воздухе. Земля стала набок, аэродром поплыл вниз. Пропеллер ревет. Ветер бьет в лицо и плечи. Люди, стремительно уменьшающиеся, машут нам с земли. Мои ину задрали головы и также машут руками. Я тоже хочу помахать, — и ветер хочет оторвать мою руку. Но рядом с нами возникает новый рев. В десяти саженях от нас налево я вижу другой самолет. Мне машут оттуда. Я отвечаю. С того самолета стреляют в меня фотографическими пленками. Все это длится несколько секунд, потому, что минуты в возду-

хе равны часам земли: не только потому, что в минуту самолет проходит почти столько же, сколько человек в час пешком, но и потому, что в стихиях воздуха нервы напряжены в стократ крепче, чем на земле. Мы раскланиваемся, и последний самолет ласточкой оборачивается назад.

«Я один. Я один потому, что за воем пропеллера ничего не слышно. Я один потому, что человеку, который сидит впереди меня, даже если бы я и мог крикнуть, я ничего не могу сказать, ибо он не знает моего языка. Птичий его покойный глаз взглядывает на меня, я улыбаюсь ему. Я один со стихиями. Широчайший простор моря и гор под нами. Только один Фудзи-сан рядом.

«Я один со стихиями. Каждая минута полета равна часам земли. У меня бесконечное количество часов. Я очень знаю упоение полета, — упоение стихиями, упоение борьбы со стихиями, с неподчиняемым, с непознанным. Полет для меня — неизъяснимейшее наслаждение, которое невозможно передать словами. Пропеллер рвет воздух. Мимо нас, мимо моего лица рвется и орет ветер, стихия, которую мы покоряем. Земля внизу — земля долин, похожая на шахматные доски, земля гор, точно горы кто-то просыпал с неба, — земля внизу живет своей жизнью. Домики кажутся спичечными коробочками. Города — географическими картами. Горы — теми горушками, которые строятся в луна-парках. Когда с большой высоты на самолете идешь быстро вниз, — звенит в ушах, чувствуешь, как по жилам, густея, бежит кровь, чуть-чуть мутнее: стало быть, чем выше идешь в беспредельности, тем спокойнее кровь, нет никакого звона и есть одно лишь неизъяснимое наслаждение полета.

«Я один — мы — аэроплан, пилот и я — мы одни в стихиях. Земли и горы внизу — не в счет. Мы не можем даже сесть на землю, ибо там, в горах, нет такого места, где могли бы мы сесть, не разбившись. И тут, в этих стихиях, рядом с нами, — по-прежнему величественный в снегах, в спокойствии, прекраснейший Фудзи-сан. Только с неба я увидел, как величествен он, в белом спокойствии снегов величествующий над всем остальным, опоясанный облаками, скрывший свою вершину от людей земли и видный только нам, летящим в небе.

«Я один. У каждого должно быть поклонение перед человеческим гением, перед человеческим трудом и умом пе-

ред тем величественным в человеке, что дает ему право покорять стихии, побеждать стихии, подчинять их себе. Самолет — величественнейшее, прекраснейшее изобретение человеческого труда и ума. Здесь, в стихиях, нас двое: пилот и я. Сегодня я увидел его впервые, — должно быть, больше я никогда не встречу его. Я ничего не знаю о нем. Я ничего не могу сказать о нем. И, все же, я знаю: пилот Осима — здесь, в стихиях воздуха, — мне брат. В том братстве, когда человек человеку брат потому, что оба они человеки. Около меня проходят тросики руля глубины. Стоит немножко мне задеть их, и мы полетим вниз, в лепешки сырого человеческого мяса — или печеного, если от трения с воздухом вспыхнет самолет. Стоит зазеваться пилоту, неправильно нажать руль, — и мы полетим вниз, в смерть. Наши жизни связаны опасностью смерти — наши жизни связаны здоровьем жизни — и мы — братья, связанные жизнью. Пилот поглядывает на меня птичьим глазом. Я отвечаю ему улыбкой. Я покоен: впереди меня сидит брат-человек.

«И так я думаю не только об этом нашем полете. В том полете земного шара, в тех его путях, которыми мы живем сейчас, — не только Осима-сан и я — братья в праве на жизнь, — но именно в том праве должны братствовать и народы. По воздуху нас несет самолет. Наши жизни связаны самолетом. Мы летим по воздуху волей человеческого труда и гения, подчинивших стихии машинам: это только поле для размышлений, где нету конца, ибо человеческий гений, облеченный в труд и машину, конца не знает, побеждающего мир.

«... облака заволакивают землю. Мы летим над облаками. На моменты земля исчезает внизу, закутанная облаками. И вот момент, который я запомню навсегда, как прекраснейшее. Земли под нами — нет. Там облака. Мы над облаками. Над нами синее небо и бесконечно-прекрасный свет. И — кроме нас — над облаками — Фудзи-сан. Мы и Фудзи-сан — над облаками, над землей — таинственный, метафизический для японцев Фудзи-сан и мы, залетевшие за Фудзи волей человеческого гения. Непознанные силы природы, мистически олицетворяемые японским народом во образе Фудзи-сан, и человеческий гений труда — встретились за облаками, чтоб побрататься с красотой.

«Есть упоение в полете!..

«Мы вылетели в восемь часов пятьдесят минут. Мы вылетели золотым утром, в солнце и в сини далее. Бегут минуты, которые здесь, в высоте, кажутся часами. Ветер свистит, орет и рвет. Фудзи уже позади. Мы летим над долиной, идущей от Фудзи к бухте Суруга, к сини моря. И вдруг наш самолет становится набок. Мы скользим на крыло вниз. Ветер воет над головой и звенит в ушах. Но мы уже кинуты ветром вверх, встаем на дыбы. Сердце в неизъяснимом блаженстве. И опять земля стала к нам боком, боком мы летим над землей, небо слилось под ногами у горизонта с морем, — за небо нам стали море и горизонт. Земля поправила под ногами свое положение. Ветер рвет, орет, мешаает дышать. Ветер швыряет, бросает, кидает самолет. Вверх, вниз, направо, налево. Ремень на моем животе то делается в вес моего тела, то тело невесомо, то давит тело на сиденье, точно хочет его продавить. Я понимаю: мы попали в полосу разнотечных воздушных течений. Я понимаю, почему пилот уходит все ввысь и ввысь. Там меньше опасности, если самолет будет опрокинут ветром. Нам сейчас опасна только земля. Если мы заденем за нее как-нибудь неловко, не успев выправить положение, — тогда — смерть. Мы в громадной высоте над землею. Холод бежит по лопаткам и леденит руки. Стихии ветра опять кидаются нами. Я сжимаю мышцы, чтобы держаться. Я вижу покойный, птичий глаз пилота.

«Мы вылетели золотым утром широких далей. Я смотрю кругом. Далее уже нет. Не только море, которое слилось с небом, но и земля ушла в синюю мглу, спряталась под облака, слила с небом свои горизонты. Мы летим над морем — над Великим — Тихим океаном. Океан под нами, — и глаз обманывает, точно небо обернулось вокруг нас: небо внизу, небо слева, небо над нами, — и только справа небольшой кусок земли, гористой, там, куда достигает глаз, и похожий на тучи там, где глаз теряется во мгле. Мы идем выше и выше. Мы пролетаем сквозь сырость облаков, рвемся через облака. Эти «вечные странники» — тут, рядом окутывают своей холодной сыростью. Самолет рвется через них. Мы над облаками. Земля прорывается внизу так же, как небо, когда смотришь на него в облачный день с земли. Это тут, в этом месте я поздоровался с Фудзи-сан, поклонив-

шись его красоте. Ветер рвет. Ветер кидается облаками и самолетами. Земли не видно. Я судорожно в морозе сжимаю руки. Мы вырываемся из-за облаков. И невероятное зрелище я вижу на земле, такое, которое кажется олицетворением Японии. Под нами идут тучи. Тучи льют дождями. И земля под тучами — она черна, она зловеща, черная в черных тенях облаков — страшная, злобная земля, изорванная горами, долинами, разметанная камнями, полыхающая в свинцовых тучах молниями, страшная земля, похожая на чертоподобных японских богов. Мы летим в лохмотьях дождевой тучи. Ветер и тучи кидают самолет безо всякого толка. И опять можно думать о непонятности Японии для европейца, о тех двух силах, которые сохранили в Японии чертоподобных идолов и кинули наш самолет за облака. Птичий глаз пилота покоен.

«Но — думать уже трудно. Мышцы немеют от холода и напряжения. Самолет уже беспрестанно мечется ветром. Мне на земле сказали, что мы пролетим два — два с половиной часа. Я слежу за временем. Мы летим уже два часа с половиной. Я вынимаю карту, сверяю те затуманенные тучами и облаками клочки земли, которые видны, — и ничего не понимаю. Кажется, мы сделали только полдороги, если залив под нами есть бухта Исэ, — или — это уже бухта Осака? — но самолет от моря сворачивает на землю. Я ничего не понимаю. Я прячу в карман часы и карту, чтобы вновь неметь от оцепенения в новом шторме воздушных водн.

«Я вновь смотрю на часы. Мы летим уже три часа двадцать минут. Я ничего не понимаю. Я вижу: мы летим к горному перевалу. По вершинам гор идут облака. Чтоб перелететь через эти горы, надо подняться над облаками, ибо в тучах лететь невозможно, ибо в тучах с разлету можно налететь на горы. Тучи и облака стали страшною стеною вокруг нас.

«И — тогда последнее величественнейшее ощущение — там, за горами, за тучами. Вопреки всем моим понятиям об авиации, самолет стал, повиснул в воздухе. Я понимал, что лететь — некуда, ибо полет в облаках все равно, что полет с завязанными глазами. Но как пилот сделал, чтобы самолет остановился? — Я, понял, это только потом, когда мне объяснили на земле, что пилот повиснул в воздухе штопо-

ром и что — тогда мы были в гибели. Пропеллер ревел, вымчающийся ветер. Но тучи стали неподвижны. Прежде они летели мимо нас стремглав, — теперь они только потихоньку, медленно ползли вверх? Я понимал, что творится невероятное. И природа, должно быть, поняла это же, ибо самолет перестал болтаться. Груды туч щемили нас. Я посмотрел на часы, мы летели четыре часа. Я убрал часы, чтобы больше уже не смотреть на них. Мне очень хотелось покурить. Я понимаю, что мы в руках природы, только госпожи стихии, сколько-б мы ни стояли на месте: бензин ведь пределен, и, если тучи не разойдутся, все же вынуждены мы будем итти — и вперед, и вниз. Птичий глаз пилота был покоен.

«И вдруг: качнулись тучи, раздвинулись две громады облаков, в щели между ними стала видна золотая в солнце земля. И камнем, стремительно кинулись мы в эту щель, к земле, за горный перевал.

«Через четверть часа была Осака. Птичий глаз пилота улыбнулся мне. Я весело улыбнулся ему. Пилот рукою указал вперед. В синей мгле в долине я увидел город. Горный хребет был позади. Мы пролетели над феодальным замком и сели на аэродром.

«Окоченевший, с истомленными мышцами, под выстрелы фотографов и в руки осакским шпикам, веселейший, я вылез из кабины. И первое, что я спросил через переводчика, обращаясь к пилоту, было:

«— Какой надо считать сегодняшнюю погоду?»

«Пилот ответил:

«— Мы попали в воздушную бурю!

«Я знаю, что пилот Осима, с которым я никогда больше не увижусь, есть — мой брат, с которым мы вместе крестились правом на жизнь. Я знаю: та машина, на которой мы летели, несовершенна, маломощна, — но, во-первых, эта машина вошла в будничные обиход, она перевозит газету «Асахи», служила, как любой экипаж, — и во-вторых, пусть она маломощна, с братом Осимой я полечу куда угодно» — —

Пусть эта запись будет концом книги.

Пилот Осима разбился, упав с воздуха.

Следует на прощание поговорить с читателем и с писателем.

Читатель! Главы Пильняка состоят из цитат «Корней» и комментариев к ним. Если вам, читатель, цитаты «Корней» покажутся более «поэтичными» и «эмоциональными», — стыдитесь, читатель, и вместе с писателем позаботьтесь о грамотности.

И на самом деле, советским классикам и ортодоксам, Сейфулиной, Николаю Огневу, Леониду Леонову, молодым талантам из хедера Марселя Пруста, давно надо было бы написать не публицистические комментарии к японцам, но отличный роман, множество отличных романов, в коих не надо было бы дочитывать современных персидских стихов о помещичьих идиллиях, ибо они написаны Пушкиным в «Евгении Онегине», иль о японских оглы, ибо они описаны Боборыкиным, Синклером Льюисом и Тойохико Кагава. Этак в метельную московскую ночь, не тратя времени на нью-йорские скрежеты и на токийские нюбаи. Николаю Огневу-б бросить в ненадобность отошедшие Киндяковки и прокомментиловать Союз Социалистических Республик, цементируя его социальной химией, его настоящее, его дорогу. Его дорога единственная. Его дорога пока не повторена никем. Его дорога будет повторена всем человечеством. Его дорога сметет все кагавские христианства.

Николай Огнев, Леонид Максимович Леонов, Всеволод Вячеславович Иванов, Сергей Федорович Буданцев, — товарищи-геологи?!

Лавна, Кольский фьорд.

4 января — 8 февраля 1933 г.

17.09.94 II
15
091930/1176
Л
1770-1

